

ХРОНИКА ПОГОРЕЛОВКИ

РАЗГОВОРЫ НА КРЫЛЕЧКЕ

Эти рассказы мамы, дяди, соседей – о времени до моего рождения, о времени их детства и молодости. Но я эти рассказы о прежней Погореловке запомнила, пережила, значит, они – и о моей жизни тоже.

РАСКУЛАЧИЛИ...

В деревне раскулачили лишь одного крестьянина – Стручкова Романа Григорьевича. Детей у него было много. Девка одна, а сыновей много. Изба у них – старая пятистенка. И мазанка из плетня. Приторговывал хозяин на дому булавками да пряниками из свёклы – красные такие пряники. Тем и отличался, что был у него граммофон с трубой. Как праздник – заведёт граммофон, вся деревня собирается около него. За это и раскулачили – за граммофон да за булавки.

ВЫБОРЫ

Когда в колхоз шли – плакали. Лошадей отобрали, а птицу не тронули, и коров оставили. Голосовать голосовали как везде. Были «молчальники», их так называли. Они не шли на выборы. К ним домой с урной приходили, а они всей семьёй на печку заберутся и молчат. Не поворачиваются, ничего не отвечают. Их уговаривали и члены комиссии, и уполномоченные из района, и следователь Пичугин. Ничего не помогало!

А еще были выборы «с брачком». Бракованные бюллетени попадались. Их опустить-то опустили, но ничего не пометили, ни «да», ни «нет».

НАЛОГИ

Налоги большие были. Кто победней, не всегда заплатить могли. Тогда у них сундуки трясли. Послали раз из сельсовета одного за налогом (он из Бутырок, это от Погореловки километров двенадцать, фамилия Разваляев). Пришел он к Арине Улоговой. Ей уж лет восемьдесят было. Платить ей нечем, он её и потрянул, с ног сшиб да ударил. Как весь народ бросился за ним! Полечка Хренкова, тоже старуха, по-уличному она Хренкова, а по фамилии Стручкова, так она кричала: «Дайте я, как хорь, сяду ему на холку и всю холку изгрызу!» Но он таки убежал.

ОШИБКА

Это перед войной было, в МТС. Володя, брат, тогда в ночную пахал. Возвращается в отряд, ему рассказывают: «Директора нашего забрали, враг народа оказался». Срочно собрание организовали, велят: «Голосуйте, что он враг народа и вы его осуждаете». Ну и проголосовали. Об нём целый год ничего не слышно было. А тут, где-то через год, подъезжает к МТС машина, из неё выходит директор, говорит: «Здравствуйте». Так все рты и поразинули. Оказывается, ошибка там вышла какая-то, его отпустили.

СГИНУЛ

Из деревни одного только забрали, как теперь говорят, репрессировали. Был такой Павел Стручков. Ляпнул что-то не так, его и забрали. Так и сгинул, никакой вести об нём больше не было. Жена Ольга одна с ребятишками осталась. Вся жизнь у них после этого перевернулась. Ольга-то умом тронулась. А сын инвалидом вырос, не разговаривает. А внук горбатый родился, тяжелое поднимать нельзя. А в деревне как? Тут все тяжело. И живут – ой не дай Бог никому так жить!

КОЛХОЗ

Деревни большие – что ни деревня, то колхоз. В Замараевке колхоз «Красный кооператор», в Погореловке – «Честный труд». Перед войной были в колхозе мельница водяная и движок. Урожаи зерна снимали по сорок центнеров с гектара. На трудодни зерно получают – излишки на базар. Чечевицу за лесом сеяли, далеко. Скосят, а собрать не успеют – дождь. Тогда бьют тревогу – колотят железкой в подвешенный плуг. Колхозники – на подводы и скорей за лес, собирать валки.

В войну как старались-то! И план поставки давали, и в фонд Победы отправили девятьсот центнеров зерна, на танковую колонну «Тамбовский колхозник».

Начальников тогда мало было: председатель да две бабы-бригадирши. Да ещё кладовщик и завхоз – раненые мужики с войны пришли, ни к какому труду больше не пригодные. Бабы и конюхами работали. А как собрание в колхозе – исполнитель по домам ходит, на сход собирает. А из колхоза ничего не крали. Боже упаси!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В Погореловке председателем был Конюшихин Игнатий Иванович. Он же и агроном, он и зоотехник. Ох и мудрый мужик был, всё примечал! Выйдет в поле, а у него на прутике насечки. Воткнёт прутик в землю, остановит тракториста: «Э, милый, перепаши, мелкогато». Увидит, на вдовьей избе крыша прохудилась, даёт наказ: «Отвезите вдове воза два соломы, да помогите крышу поправить». Когда сеять начинают, он сам прутиком первую борозду проводит. Бывало, скажет: «Анна Николаевна, поедем пшеницу посмотрим». – «Игнатий Иванович, да некогда мне, своей работы много». А он опять: «Поедем, поедем». На поле рядочки – один к одному! Увидит цветок: «Анна Николаевна, ты молодая, не посчитай за труд, сбегай, сорви василёк. Это очень вредный сорняк! Да пришли своих доярок, пусть траву около дороги скосят, а то семена на поле попадут».

Какой же он хозяин был! Только он чем-то начальству не угодил, его потом убрали.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА И ВЕДРО

В войну был очень строгий закон: если из скотины какая голова потеряется, спрашивали с виновного очень сурово.

Приехал секретарь райкома в колхоз, подъехал к конюхам, а конюха-то девки были. Поговорил он с ними и просит: «Девчата, дайте ведёрко, лошадь напоить». Они говорят: «Нет, нам не разрешают. Вдруг ваша лошадь заразная, вы и наших заразите. А может, наши заразные, вы по району заразу разнесёте». Одна, бойкая такая, Сибирячкой кликали, Нинка Медведёва, предложила: «Давайте, я съезжу, в речке вашу лошадь напою». Секретарь усмехнулся: «Вы мне ведра не доверяете, а я вам лошадь доверю». – «Ну давайте вместе поедем». У реки ему советует: «Вы не досыта поите, а то в дороге, у неё колики могут быть».

Секретарь приехал в райком, всех на дыбы поднял. Совещание собрал районное, вызвал всех животноводов и сказал: «В колхозе «Честный труд» железная дисциплина. Даже секретарю райкома не дали ведро лошадь напоить».

ГОЛОД

Голод сильный был два раза – в тридцать третьем году и в сорок седьмом, от неурожая. Даже картошка – на семена уродилась, а на еду не осталось. В Носинах купили сено, а перевезти не в силах – лошади от голода падают. Их там откармливать пришлось, а потом уж сено везти.

Послали баб торф рыть, далеко, в другой район. Остановились квартировать в одном доме. Хозяин глядел-глядел, как они пампушки пекли, и говорит: «Ты, Анна Николаевна, у нашей бабки спроси, как их печь. Чтой-то они у тебя черны». А бабка ему: «Мужик ты умный, а говоришь по-глупому. Я пеку из очищенной картошки да с пшеничной мукой, а она – из толчёных картофельных очисток».

Мальчик один, лет шести, красивый необыкновенно, побирался, в дом зашёл: «Тётъ, дай картошечки!» – «Сынок, у нас у самих есть нечего». «Ну хоть одну!» Дали ему две картошки. «Что ж мало, тётъ?» – «Ты просил одну!» – «Я какую просил – с голову!»

ВДНХ

Мама рассказывала: «У нас засуха была в том году, голод. А из области в Москву на выставку делегацию посылали. Походили мы, всё осмотрели, и наши по магазинам пошли – купить кой-чего домой. А у меня денег с собой немножко было, думаю, похожу ещё тут, посмотрю. Пришла в павильон животноводства. И была там одна корова с Украины, по кличке Зозуля, я про неё даже брошюру читала. Остановилась я около неё и стала записывать: «Съедает за сутки 120 килограммов кормов, даёт 60 литров молока...». Я не выдержала, засмеялась. И народу-то никого кругом не было, а тут мужчина подходит: «Гражданка, вы что смеётесь?» – «Да я подумала: наши коровы сами столько не весят, сколько ваша за день съедает». Он удивился: «И они у вас живы?» – «Мы их доим!» – «А чем же вы их кормите?» – «Пуд соломы прошлогодней в сутки и воды в речке – досыта». – «И сколько надаиваете?» – «По восемь литров от коровы». – «Да как же ты с такими показателями на выставку-то попала?!» – «А я по району передовая».

БАЙКИ

Был в деревне балагур один, Степан Стручков, по-уличному Пашков. Любил очень всякие истории рассказывать и врал безбожно. Соберутся мужики посидеть, он начинает: «Жил я в Вятке. Иду с централкой по лесу, гляжу – впереди меня вся в белом! Я шумлю: «Стой, стрелять буду!». Она стоит. Я опять: «Стой, стрелять буду!» Она – ни с места. Подхожу ближе, а это берёза!»

Мужики пересмеиваются. А он своё: «Жил я в Вятке. А молодки кругом меня увиваются, зазывают. Я же один не могу всех охватить! Иду раз, а они тенёта сплели, окружили меня и повели к себе. Привели, а на столе закуска – на семнадцати тарелках! Селёдка с сахарным песком...» Дед старый ногами затопал: «Ври хоть, да знай предел! Мужики, ну скажите, мыслимое ли дело – селёдка с сахарным песком?» Степан возражает: «А где ты был, что ты можешь сказать? Что ты видал-то?»

ДЕД

Мой дед, Николай Николаевич Стручков, и вправду нигде не был, кроме своего района. И в больнице никогда не был. Простынет – редьку натрёт с мёдом, попьёт. Закашляет – редечным соком грудь разотрёт. Пить не пил, а курил без передышки, самокрутки изо рта не выпускал. Но на Масленицу докуривал последнюю, кисет трубочкой сворачивал и прятал. И весь Великий Пост ни разу не доставал. И прожил девяносто три года. Суровый мужик был. Тогда ведь старших почитали: сними картуз, поклонись. Сидит дед на завалинке, на палочку обопрётся, дремлет. Мимо идут: «Доброго здоровья, дядя Миколай», «Здравствуй, дедушка», «Николаю Николаевичу наше почтение». Бежит мальчишка, мимо проскочит. Дед его палкой и достанет. Тот вернётся, картуз снимет, поклонится, и – пулей от него. А дед опять на палочку обопрётся, задремлет.

Он всю жизнь плотником был, избы рубил. И ученики у него были. Учитель он был суровый, чуть что не так – ногами затопает! А как старый стал, они его всё равно с собой брали избы рубить, хотя уже вполне могли и без него обходиться.

ВЕЧЕР

По праздникам, а иной раз и по выходным, устраивала молодёжь вечера. Собирались у какой-нибудь хозяйки, у кого изба попросторней. Приносили закуску и выпивку. Столы сдвигали, над ними вешали на крючках керосиновые лампы, две-три, чтобы повиднее было. Девки-то почти не пили. Им бы поплясать, себя показать. Гармониста умучивали, страсть! А сами ему платочком пот с лица утирают. Девки сначала в одних нарядах приходят, а потом у них перерыв. Ребята идут на улицу покурить, а девки по домам – переодеваться.

Чаще всего вечера проходили у Ивана Степановича Струčkова, по уличному Пашкова. У него, сына того самого балагура, Степана Пашкова, было одиннадцать человек детей – и девки, и ребята, вот у них и собирались. Ребятишек тоже пускали на эти вечера – поглядеть. Они на полати заберутся и хихикают оттуда, частушки запоминают да учатся, как ухаживать надо.

ОПЫТЫ ВЗРОСЛЕЮЩЕЙ ДУШИ

ПРОСО И ПЫРЕЙ

Мне три года. Лето. Я иду протоптанной дорожкой мимо сада на огород, где растёт картошка, потом грядки с овощами, а дальше посеяно просо. Оно уже взошло, и мама говорила, что некогда прополоть, зарастает пыреем. Вся делянка поросла одинаковой свежей зелёной травкой. Наклоняюсь: всходы, что идут ровными рядочками, покрыты едва заметными ворсинками. А у кустиков, которые растут беспорядочно, листики гладкие, с прожилками. Значит, это и есть пырей. Я становлюсь коленками на твердую, пересохшую землю и начинаю в подол платья собирать вырванные с корешками сорняки. Старик-сосед видит меня от своего дома и стучит в окно маме: «Николаевна, беги скорее на огород. Она сейчас у тебя всё просо подёргает!» Мама бежит по дорожке с криком: «Нина, не надо! Не надо!» Я встаю с колен и машу ей ладошкой, успокаивая: «Не бойсь, не бойсь! Знаю, знаю! Просо как шерстяное, а пырей как протяной». Мама роется в моём подоле и поднимает перед лицом подоспевшего соседа траву: «Один пырей!» Он изумленно чешет в затылке: «Ах, чертёнок!»

Мама потом всю жизнь любила рассказывать об этом: родне, соседям, знакомым. А когда я начала пробовать сочинять стихи, это не удивило и не напугало её – ведь она присутствовала при рождении первого моего сравнения.

ПОЛОВОДЬЕ

Кто-то крикнул на улице: «Лёд тронулся!» – и все побежали к реке. Остановить меня было некому, я побежала тоже – по чёрной скользкой дорожке, по остаткам снега на огороде. Я зачарованно смотрела, как льдины двигались по тёмной воде, толкались и наезжали друг на друга. Но вот я повернулась и увидела: прибывающая вода бурлит и пенится уже далеко за моей спиной. Сразу закружилась голова. На мне были коротенькие резиновые сапожки, да я ни за что и не шагнула бы в эту воду. Вдруг чьи-то руки подхватили меня и перенесли на безопасное место. Я не успела испугаться, настолько меня поразило другое: ведь я не звала на помощь!

Так я открыла: чтобы спасти человека, оказывается, не обязательно ждать, когда он тебя об этом попросит.

МАРМЕЛАДКА

Обычным гостинцем для деревенских ребятишек был «комочек» – так ласково называли кусочек твёрдого жёлтого сахара. А меня на улице угостили долькой трёхслойного мармелада. Я не знала, что это такое и как называется, но это было чудо: нежное, ароматное, волнистое, розово-бело-жёлтое чудо! Я полетела домой. Почему-то у нас было много народу, кажется, родственники пришли навестить бабушку. Я с порога протянула руку с мармеладкой: «Вот!» Все, пересмеиваясь, закачали головами: «Ай-ай, да что же это такое, да хоть бы попробовать...». Я стала откусывать крохотные кусочки и класть в протянутые руки. Остался один, последний кусочек, и я положила его на язык. Вдруг бабушка спросила: «А мне?» Я развела руками – больше нет. И бабушка обиделась. По-настоящему обиделась на меня, четырёхлетнюю.

Теперь, приходя на кладбище, я кладу на бабушкину могилку такой мармелад и прошу у неё прощения. И знаю: угощая, в первую очередь надо оделить стариков и детей.

ВЕНОЧЕК

Мы с мамой были на чужом огороде. Сосед налегал на соху, погоняя лошадь. Пока он доходил до конца огорода, бабы успевали побросать в борозду картошку. Он разворачивался, заваливал её землёй, и бабы быстро семенили за ним с вёдрами по новой борозде. Меня, чтобы не мешалась, оставили в саду с какой-то девчонкой постарше. Мы сидели среди лопухов и одуванчиков, и она учила меня плести венки.

Когда мама вновь склонилась над бороздой, я подбежала к ней: «Мам, смотри!» – и протянула свой веночек из жёлтых и синих цветов. «Красивый. Кто же это тебе сплёл?» – «Я сама сделала!» – «Сама?» Мама распрямилась и долго, мне показалось, очень долго молча смотрела на меня. Я поняла.

Много раз после мне хотелось в жизни сделать что-то такое, чтобы она меня похвалила вот так, молча. И иногда это удавалось.

ПЕДАГОГ!

Сосед, дед Еремеич, нанялся покрыть нам погребец соломой. Мама хлопотала дома по хозяйству, а я путалась у деда под ногами. Он вязал из соломы тугие снопы, укладывал их тесными рядочками на поперечные жерди, снизу доверху, и объяснял мне: «Пойдёт дождик – вода по соломинкам вниз скатится, нигде не задержится». Я ему помогала: брала охачки соломы и подтаскивала к погребу. Совершив так несколько кругов, я очень устала, ведь я старалась! И руки соломой исколола. Я отряхнула ладошки и подошла к деду: «Иван Еремеич, ну ты тут теперь без меня управишься?» Он молча покивал: ступай, мол, теперь один

управлюсь. Мне показалось, он обиделся, ни слова не сказал. Отойдя на несколько шагов, я обернулась. Бормоча: «Ах, чертёнок!», дед сидел на вязанке соломы и, клонясь к земле, давился от смеха.

Ведь мог бы и по-другому сказать: «Иди отсюда. Мне тут таких сопливых помощников не хватало!» А так я и теперь улыбаюсь, когда вспоминаю эту сценку, и поминаю добрым словом Ивана Еремеевича.

ТОСКА

Когда после похорон бабушки родственники забрали меня погостить в село Чернитово, через какое-то время я там сильно затосковала. Мне говорили: «Что ты сидишь, иди на улицу, погуляй, покатайся с горки». Я послушно брала санки и, держа их за верёвочку, подолгу стояла, с надеждой глядя на дорогу. Вот едет машина – не мама ли едет за мной? Вот кого-то везут на лошади – не маму ли? Я шептала воробьям, воюющим у лошадиного навоза: «Полетите к моей маме, скажите, чтобы она меня забрала». Я тосковала совсем по-взрослому и очень хотела одного: чтобы свершилось чудо. И, наконец, в отчаянии написала письмо дяде и его жене, которые отдыхали после обеда в спальне: «Здравствуйте, дорогие дядя Лёша и тётя Женя! С приветом к вам Нина. Я очень хочу домой». Вечером дядя посадил меня к себе на колени, погладил по светлым волосам и сказал: «Завтра я отвезу тебя к маме». Как стремительно кинулась я собирать свои немудрёные пожитки! Я усвоила: не все желания сбываются, даже если ты очень этого хочешь. Но, в крайнем случае, в ожидании чуда стоит попробовать что-нибудь сделать самой.

БОГ ЕСТЬ!

Там, в Чернитове, в доме у дяди жила престарелая родственница его жены, баба Сима. Она ещё до революции работала учительницей в гимназии, а ко времени моего появления ходить уже не могла, передвигалась в коляске. Возвращалась из школы младшая дочь дяди, третьеклассница Оля, к ней приходили подружки. И начинали они свои «занятия» со мной, деревенской темнотой: «Нина, скажи, ведь Бога нет». А покойная бабушка мне говорила, что Бог есть, поэтому я отвечала: «Бог есть». Девчонки смеялись: «Докажи!» Мне, шестилетней, приходилось самой искать аргументы: «А откуда же всё могло взяться? Кто же тогда всё сделал: солнушко, небо, людей, траву?» Они еще громче смеялись: «Да это всегда было!» и убегали от меня на улицу. Я сидела озадаченная, и тут баба Сима подкатывала на своей коляске. Она оглядывалась на дверь и, наклонившись ко мне, потихоньку шептала: «Нина, Бог есть, есть».

ОБМАН

В детстве разница в три года – срок большой, поэтому с младшей сестрой мы играли мало. Дома я сидела, уткнувшись в книжку, вне дома была «лягушка-путешественница», а Таню в деревне звали «хозяйкой». Как-то, придя с работы, мама спросила: «Овец загнали?» – «Да». – «Все пришли?» – «Кажется, все». – «Кажется?» Я подняла глаза от книжки: «А сколько их у нас?» Мама посмотрела на меня: «Э-эх!»

А Таня знала всё: какое у нас хозяйство, кто взял нашу лопату, кому мы должны, к кому приехали гости и как их зовут, и многое другое, из чего состоит жизнь в деревне. Как-то на Пасху нам надавали много яиц, а мне подарили еще и деревянное, тоже крашеное. Я решила разыграть Таню: «Давай биться!» – и подставила это яйцо. Сестра ударила одним – разбилось, другим – разбилось. Она кинулась к дому: «Я сейчас ещё принесу!» Я уже хотела признаться в обмане, но боялась, что она начнёт кричать, хныкать. Но когда она разбила и третье яйцо, я не выдержала: «Смотри, у меня не настоящее», – и на всякий случай отступила. А маленькая моя, терпеливая сестра сказала только: «А-а, деревянное...», повернулась и ушла.

Я не люблю разыгрывать доверчивых людей. А Таня смеётся, когда я в который раз рассказываю об этом случае и прошу у неё прощения.

БЕРЕГИНЯ

И ещё о Тане. Как-то маму позвали на проводы в армию родственника в соседнюю деревню Замараевку. Нас не с кем было оставить, пришлось брать с собой. Наверное, это был осенний призыв, потому что лежал уже снег. А в тот день ещё и вьюжило. Когда мы возвращались домой, по дороге нас буквально пронизывал ледяной ветер и бросал в лицо колючую снежную крупу. Мама шла впереди. И вдруг маленькая, худенькая Таня, которую и так ветром пополам складывало, бойко и деловито сказала: «Мама, дай я впереди пойду! Иди за мной». Так она хотела уберечь нашу маму, не отличающуюся малым ростом и худобой, от встречного ветра! Мама рассмеялась, рассмеялась как-то изумлённо и молодо, она оценила порыв. А я подумала, что мне ещё учиться и учиться у моей младшей сестрёнки доброте и самопожертвованию.

ПРОВОДЫ

Если уж речь зашла о проводах в армию, я расскажу, как это было в пору моего детства. Весной провожали красивого парня из Замараевки, Виктора Стручкова. Отгуляли за столами, вышли на улицу. Грузовик до сборного пункта должен был стоять у погореловского магазина, на самом высоком месте деревни. И вот – впереди идёт слегка хмельной Виктор. На нём старый, треснувший по

рукаву пиджак. Тогда ведь все очень бедно жили, поэтому уходили в армию в старенькой одежде. В армии выдадут форму, а ко времени демобилизации всё равно своя одежда будет уже мала. В руках его гармошка, и он наяривает плясовую. По обе стороны от него – нарядные девки, и он, не переставая играть, время от времени поворачивается и целует то одну, то другую. Наверное, ему это можно. Ну и следом все провожающие – поют частушки, приплясывают.

Когда поднялись по дороге до ожидающей у магазина машины, стали прощаться. И вдруг – бабы так заголосили! Глядя на них, зарыдали дети. Поднялся такой плач! Я ведь только потом поняла, почему. Слишком близко была прошедшая война. Слишком многие вдовы помнили, как в последний раз с этого места провожали на войну своих мужей. Провожали, ещё не зная, что уже больше никогда их не встретят.

КНИЖКИ

В нашей деревенской библиотеке в основном были книги о войне и о колхозной жизни. Мы восхищались подвигами разведчиков и юных пионеров, поражались смелости и отваге комсомольцев на целине, осуждали тунеядцев и, конечно, примеряли поступки героев на себя: «А ты бы смог не выдать наших под пытками?» – «Я бы смог!» – «И я бы смогла!» – «И я!» Меня очень угнетало, что я могу не выдержать на допросе. Если просто будут бить – наверное, выдержу. А если пытаться? Конечно, были в книгах и другие персонажи, например, городской дядя Стёпа или Элли из Канзаса, иностранка. Но они были не деревенские и к нашим подвигам отношения не имели.

Жаль, что у нас не было других книг. Жаль, что мы не знали другой жизни. Но всё же сколько раз потом, вспоминая героев наших книжек, я говорила себе: «Потерпи, Нина, эта нужда – ещё не нужда, у других бывало и похуже. Это горе – ещё не горе, другим досталось больше. Эта боль – ещё не боль». И, представьте, помогало!

СВОЙ ДОМ

Одно из моих любимых занятий в детстве – игра в «свой дом» – территорию независимости и защищённости. Стол, накрытый длинной, до полу, скатертью – детское воплощение такого «дома». Забираюсь внутрь – и меня нет, я свободна! Можно мечтать, плакать и бесконечно долго разглядывать сучки и разводы на «потолке» – деревянной крышке стола, – находя в них очертания лиц, деревьев, птиц и облаков. Особенно тщательно я выметала пол и расставляла вещи по своим местам, если мама куда-то отлучалась: изба становилась «моим домом». Однажды мы с подружками вычистили теплушку у совхозной конюшни: всё вымели, убрали. Постелили на стол газету и поставили банку с цветами. Некуда было выбросить мусор, и мы решили его сжечь в печке. Конюх, увидев

дым над теплушкой, прибежал и разогнал нас, даже не заметив наведённого порядка.

А я так до сих пор и ищу «свой дом», где «меня нет», где тепло, чисто и безопасно.

ХЛЕБУШКО С ЧЕСНОЧКОМ

Когда надоедала вечная картошка на столе, я тянула: «Ма-а-ам, хочу колбаски!» Однажды она уже приносила это лакомство – кружок варёной колбасы, остро пахнувшей чесноком, и я съела с ним целую буханку хлеба. Колбасы откусывала понемножку, а хлеба помногу: всё равно было необыкновенно вкусно и хватило на целый день. Когда я уже надоела своим «Ну, ма-ам!», она сказала: «Дочка, вот картошка, хлеб и чеснок – это и есть колбаса. Попробуй!» Я попробовала. Чесноком, конечно, пахло, но... С другой стороны, не будет же мама, взрослый человек, меня обманывать! Я старательно глотала картошку, вспоминая тот полузабытый вкус, веря и не веря, и решив, в конце концов, что раньше была просто какая-то другая колбаса.

Была, была эта вечная кормилица-картошка и потом много лет на моём столе. Вспоминая давнишний мамин горький обман, я усмехалась: «Ничего, ешь, ешь, Нина, с хлебушком и чесночком, это и есть колбаса!»

КРУТИ!

Восьмилетняя школа, куда я должна была пойти в пятый класс, находилась в соседнем селе, в пяти километрах. Зимой, до больших морозов, школьники ходили туда пешком, а потом, после ежегодных традиционных «забастовок», совхоз выделял для них семь-восемь подвод и одного возчика. Осенью и весной по сухой погоде транспортом служил велосипед. У меня такой роскоши не было, а лето заканчивалось. Наконец, за неделю до занятий, мама смогла купить велосипед, нужно было его осваивать. Я вытаскивала тяжёлый, блестящий «Урал» к магазину, а оттуда катилась вниз по деревне, поставив одну ногу на педаль. До седла я не доставала, нужно было учиться ездить «под рамкой». Через два дня я осмелилась поставить вторую ногу на педаль, а дальше дело не шло. И вот, когда я в который раз мчалась так под горку, соседская девчонка (она мыла картошку в корыте у своего дома) крикнула: «Крути!» Я не знаю, как получилось, – ноги сами прокрутили педали... Первого сентября я уже усердно катила со сверстниками в школу.

Сколько раз потом у меня не шли дела потому только, что некому было крикнуть в нужную минуту: «Крути!»

ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНАЯ

В деревне церкви не было, и когда кто-нибудь умирал, собирались старушки и отпевали. В день похорон гроб несли по деревне. У дома родственников покойного процессия останавливалась. Гроб ставили на табуретки, и старушки тоненькими голосами выводили слова молитвы. Когда они тянули: «Жизнь беско-неч-на-а-я...», я всегда плакала – не от жалости к покойному, которого иногда и не знала, нет. Было в этом что-то непонятное, неизъяснимое и поражающее меня: о бесконечности жизни пели не дети, не цветущие молодые люди, а те, кому и самим жить-то оставалось чуть-чуть. Это пронзило меня навсегда. Когда мама стала старенькой, она тоже ходила отпевать покойников. А потом подружки отпели и её.

«Жизнь бесконечная» – так называется одна из моих поэтических книжек.

ГОРЮЮ Я ПО РОДИНЕ

В деревне очень любили петь. На работу идут – поют, с работы в гору к деревне поднимаются – поют. Пели на свадьбах, на запоях (запой – это когда девку «запивают», сватают). Пели, собираясь «на зубок», когда у младенца первый зубик прорежется. Гуляли «на печёнке» - если корову или поросёнка зарежут. Выпьют немного, а потом встанут и запоют. Уважали песню – стоя пели. У мамы был замечательный голос. И она очень любила песню «Трансваль». Там есть такие слова: «Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне. Горюю я по родине, и жаль мне край родной». И жаль ей край родной...

У меня остался записанный на плёнку мамин голос с этой песней. И я горюю по ним обеим – по моей маме и по моей родине, перед которыми у меня навсегда остались чувство долга, чувство вины и чувство неистребимой, преобладающей любви.

УРОКИ РУССКОГО

Первые уроки родной речи я получила на крыльчке бабки Устюшки, нашей соседки. Там собирались её подружки, и моя бабушка в том числе, и их размеренный, напевный говор, сами звуки и голоса отзывались в моём детском сердечке сладкой истомой.

В доме не было книг, мне не читали сказок, мама от зари до зари работала на колхозном поле, а бабушка была неграмотной. Но в этих разговорах на крыльчке я слышала многое из того, что потом сама находила в сказках, в стихах и народных песнях. Это были колдуньи, вылетающие в трубу, исчезающие на снегу следы, наговорённые запоры и замки, замерзающие в зимней степи люди, выходившие к деревне волки, разбойники с большой дороги, любовные истории и многое-многое другое. Только тогда это были не сказки – назывались имена и

прозвища колдунов и разбойников, а также деревни, где они жили. Упоминался каменный дом на большой дороге в соседнем селе и связанная с ним жуткая история с разбойным нападением. Говорили, что замёрзшую в санях вторую жену моего деда привезла к дому лошадь. Я каждый день встречала на улице и героинь любовных историй со счастливым концом, и их несчастных соперниц, сохнувших от любви.

Это для городских ребяташек ступа бабы Яги – сказочный предмет, а у меня всё детство она была перед глазами. На мельнице рушили просо, из серых, невзрачных семян получалось золотистого цвета пшено, потом в тяжёлой, тёмной, чуть треснувшей деревянной ступе мама толкла его к праздникам и пекла пшённые блинчики. Мой дядя был мельником, и я часто бегала к нему на работу. По деревянному жёлобу сыпалась из-под жерновов мука, всё было покрыто слоем мельчайшей серой мучной пыли. А за мельницей прятался заросший ряской и осокой таинственный глухой омут, мимо которого боязно было ходить. Какие сказки? Я знала, что здесь-то, в этом омуте, и живут русалки, кикиморы, водяной...

От деревни к реке спускаются огороды. Хорошо бежать босиком вниз по нагретой солнцем дорожке! А вот обратно... Смотрю снизу вверх – одинаковые ровные грядки с цветущей картошкой. А деревня далеко-далеко, дома закрыты почти одинаковыми садами. Который из них наш? И вдруг в одном из проемов вижу что-то непонятное, красное, колышущееся. Я чувствую страх и панику и начинаю реветь. Проходящий мимо мужик спрашивает: «Ты чего кричишь?» «Кричать» в деревне означало «плакать». Я показываю рукой в сторону страшного красного цвета: «Там – война!» Немудрено было, наслушавшись вдовьих разговоров о войне и пролитой крови, увидеть её в развешенных для просушки на ветру ярких платках и покрывалах.

Когда бабушка умерла, я какое-то время гостила в селе Чернитоле, на берегу реки Цны. Там двоюродный дядя, Артемьев Алексей Андреевич, работал фельдшером, а его жена Евгения Васильевна – учительницей. В их доме я увидела то, чего в нашей старой, низкой, крытой соломой избе никогда не было: книги, куклы, диван, резную этажерку, кружевные занавески на окнах, половики и даже отдельную спальню. В обед не просто садились есть, а накрывали на стол.

Шла масленичная неделя, и на бричке, которая полагалась фельдшеру, меня повезли в старинное село Новотомниково, в гости к родственникам дядиной жены. Хозяйка, учительница Лидия Васильевна, готовила обед, а её муж и сыны ушли на реку драться на кулачках стенка на стенку. Вернулись они румяные, возбуждённые, шумно обсуждали эти самые кулачки, хохотали. А потом сели обедать за большой круглый стол. Такого супа я в жизни не ела! Я всё приговаривала: «Как сладко! Как сладко!» Хозяйка забеспокоилась: «Может, я вместо соли сахар положила?» Все стали пробовать, нахваливать, а я всё твердила: сладко. Наконец хозяйка догадалась: «Вкусно?» Такого слова я не знала. Она переспросила: «Еще налить?» Я кивнула. И все заговорили: «Вкусно, вкусно, ей понравилось».

Спроси любую старуху в нашей деревне, что такое «забелить», и она ответит: разбавить молочком. У нас коровы не было, и когда кто-нибудь к празднику приносил банку молока, мама растягивала её надолго, добавляя в кашу. А когда она зимой какое-то время работала дояркой, то после дойки не мыла своё ведро. Приходила домой, ставила на печку. То, что намёрзло на стенках, оттаивало, и она сливала из ведра полстакана молока. Но бывало, она крошила в миску хлеб, лук, добавляла воды и постного маслица, подсаливала и давала нам с сестрой, приговаривая: «Кушай тюрю, Яша, молочка-то нет.// – Где ж коровка наша? – Увели, мой свет.// – Где же наши куры? Девочки орут. // – Не орите, дуры! Съел их земский суд».

Это мама запомнила с давних школьных времён, она окончила четыре класса. Я ещё не знала, что это Некрасов, что это стихи. Кроме «земского суда» мне было всё понятно, всё это была жизнь.

В Погореловке открыли библиотеку, и мы с мужем бабки Устюшки Иваном Еремеевичем стали её первыми читателями. Молодая библиотекарша, увидев меня, пятилетнюю, в первый раз, поэкзаменовала: «Читай при мне», и только потом выдала яркие, красивые книги. Я буквально проглотила их, рассмотрела картинки, а вот идти менять застеснялась, упросила маму. Она принесла новые книжки, но сказала: «Тебе велели самой приходить». Я пошла сама. Библиотекарша не поверила, что я так быстро всё прочитала, и попросила пересказать. Я стала читать наизусть. Она уже махала руками: «Хватит, хватит», а я всё досказывала скороговоркой прочитанное. Какой же огромный мир существовал за пределами нашей деревни! Сколько новых слов было в языке! О значении одних можно было догадываться самой, о значении других спрашивать у взрослых.

Вот мама стегает ватное одеяло, растянутое во всю горницу на пальцах. Такие одеяла, выстеганные мамой, по-моему, до сих пор можно найти в каждом погореловском доме. Это была её копеечная зимняя подработка или очередная благодарность за принесенный горшок молока. Керосиновая лампа висит на крючке над одеялом. Я с книжкой пристраиваюсь сбоку, чтобы видно было буквы, читаю про себя. Встречается непонятное слово, я спрашиваю: «Мам, а что такое дрын?» Мама, не поднимая головы, поясняет: «Дрын? Это орясина». Я понимаю, что отвлекаю её, но осторожно переспрашиваю: «А что такое орясина?» – «Да это хлобызина». Подождав минутку, я всё же пытаюсь уточнить: «Ну мам, а хлобызина-то – что?» Мама наконец поднимает голову: «Это кол, палка». Некоторое время мы смотрим друг на друга, а потом начинаем громко и дружно смеяться...

Учитель начальных классов Вячеслав Никитич просит открыть книжку и рассказать, что изображено на рисунке, кто там стоит возле нарисованного трактора. Он называет имена учеников, все по очереди встают и отвечают одно и то же: «Трактористка». Учитель сердится. Я понимаю, что он хочет услышать, но никак не могу вспомнить это мягкое, нежное, волшебное слово, которое уже

встречала в книжках... Очередь неумолимо движется, и вот она доходит до меня. Я не успеваю вспомнить, но, боясь учительского гнева, решаюсь ответить так, как говорят у нас в деревне. Он громко спрашивает: «Нина, кто?» Я так же громко отвечаю: «Девка!» – «Правильно! Только не девка, а девушка! Вы поймите, девушка работает на тракторе наравне с мужчинами!»

Вот оно! Вот оно, это нежное, мягкое слово: де-е-вущка! Какая же это радость – запоминать новые слова!

Когда мне было три годика, в деревню провели радио. Когда я заканчивала восьмой класс, в доме появилось электричество, и я перестала оставлять в тетради темные круги от керосиновой лампы, из-за которых приходилось аккуратно переписывать всё заново. Теперь же, когда телевизор есть в каждом доме, деревенская речь почти утратила свою самобытность. Даже старухи уже редко употребляют слова, которые сами собой всплывают в памяти, когда я приезжаю домой. Эти слова неожиданно вспыхивают в голове, и я произношу их со сладким ностальгическим томлением: поветь, жамки, пажа, зыбка, пехтель, пристатно...

Но и сейчас ещё деревню можно удивить незнакомым словечком. Приехал к нам фотокорреспондент столичного журнала сделать несколько снимков для статьи. День ходит по улице, ничего не снимает, другой день ходит... Народ интересуется: «А чего же ты не фотографируешь?» Он отвечает: «У меня хандра». Какой же хохот пошел по деревне, когда жители выяснили, что такое хандра! С каким смаком и удовольствием поддразнивали друг друга: «Что это ты такой невеселый? Может, у тебя хандра? Ха-ха-ха!»

Язык, как и всё в этом мире, меняется. Уходят в прошлое дорогие моему сердцу понятия, значения, звукосочетания и смыслы. Жаль, что не применяют сейчас таких слов, как: радеть, благоволить, обиходить. Некоторые слова, которые мне в своё время даже трудно было запомнить, уже изживают себя. Например, сбруя – это же так много: хомут, седло, чересседельник, удила, супонь, уздечка, шлея, постромки, подпруги... А лошадей осталось одна-две на всю деревню. Зато даже бабки на крыльчке спокойно и деловито произносят: мобильный телефон, спутниковая антенна, компьютер...

Я и сейчас учу родную речь, родной русский язык. Но Боже мой, иногда лучше бы не знать, что с детства любимые слова так «обогатились»! Страшно подумать, что черёмуха – это вовсе не цветущее дерево, а отравляющий газ. Подснежник – не весенний цветок, а замёрзший под снегом и обнаруженный весной бомж. Братки – не близкая родня, а бандиты. А эти к месту и не к месту вставляемые словечки, замусорившие речь: «как бы», «типа», «конкретно», «реально»... Наверное, мы к ним привыкнем, как привыкаем к цивилизации со всеми её плюсами и минусами. Но всё же хочется верить, что богатство русского языка прибудет не этими словами-паразитами, а свежими, родными, напевными, присущими нашему языку и нашей великой литературе словами. Хочется говорить по-русски так, чтобы в языке не было той двусмысленности, которая не имеет ничего общего с глубиной.

МАТЬСТАРА

Так у нас в деревне называли бабушек: не мать стара, а именно в одно слово – матьстара, с ударением на первом слоге.

Моя матьстара умерла, когда мне было около шести лет, но я её хорошо помню. Она присматривала за мной и моей младшей сестрёнкой, пока мама трудилась в колхозе с утра и до вечера. Помню свист хворостины за сорванный нами, ребятишками, большой спелый помидор с соседской грядки. Помню подзатыльник за мелко наколотые кусочки сахара, зажатые в моем кулачке. Она не обратила внимания, что чай я пила пустой, а выделенный для него сахар поберегла для лакомства. Помню толпу родственников, которые на Пасху после кладбища собирались в нашем доме «на старый корень». Помню, как я ревела от страха, когда в доме появился фотограф, чтобы сфотографировать нас с матьстарой, а потом согласилась – почему-то при условии, что я буду в валенках. Полвека прошло, а мы с ней так и сидим рядышком – она со сложенными на коленях руками, с прямой спиной, вся прибранная, а я – в легком летнем платьице с короткими рукавами и в валенках.

Когда она уже не могла встать с постели, мама утром кормила её, подкладывая ей под спину большие подушки и убегала на работу, а нам с сестрой наказывала: «Матьстара попросит – дайте ей попить. С табуретки ничего не берите, это ей принесли, она больная и старенькая». На табуретке возле кровати обычно лежали принесённые роднёй скромные гостинцы: печенье, конфетки, какой-нибудь пирожок, зимой – крупные мороженые яблоки. Они были самым большим соблазном. Матьстара видела наши глаза, звала: «Подите сюда, возьмите яблочки, съешьте». Потом, когда мама прибежала покормить её обедом, жаловалась: «Анюш, либо ты не велела им ничего брать от меня? Как ни уговариваю, не подходят».

Это сейчас я могу поверить в мистику, а тогда мы и слова такого не слышали. Что видели детские глаза, то мы и называли, бесхитростно и простодушно. Когда похоронили матьстара, умученной маме совсем трудно стало. От зари до зари на работе, а ведь и нас кормить-обстирывать надо, и огород содержать, и небольшое хозяйство в порядок приводить.

Не помню, где была тогда моя младшая сестренка, а я играла на улице. Зачем-то мне понадобилось зайти в дом. Зайти – это не то слово, потому что я обычно летала пулей. И вот – стремительно я распахнула дверь, так же стремительно влетела на кухню... и замерла. У печной плиты стояла матьстара – в тёмной юбке и кофте, в своём неизменном стареньком фартуке, повязанная тёмным платочком – и что-то там помешивала в кастрюле. И тут же она как будто растворилась в воздухе. И ещё помню до сих пор мелькнувший в её глазах перед исчезновением испуг – или досаду, – зачем я увидела не положенное. Всё это заняло какие-то доли секунды. Страх не помешал мне пулей выскочить на улицу. Я ведь знала, что она умерла, что её похоронили. Но я не могла не поверить своим глазам, поэтому уже боялась одна зайти в дом. Увидев соседскую девчонку лет трёх, позвала: «Рая, пойдём к нам». Она доверчиво вложила свою ручку в мою, и мы тихо и медленно вошли. В доме никого не было.

Я это не придумала, мне это не приснилось, потому что забежала я с улицы, а не из постели на кухню вышла. Чем объяснить этот факт моей жизни – не знаю. Но если поверить в мистическое и непознанное, то у меня только одно объяснение. Матьстара очень жалела маму. И, наверное, могла иногда отпрашиваться Оттуда, чтобы хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь помочь нашей бедной маме вырастить её детей.

ВЕНЧАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ

Как и в любом деревенском доме, у нас был сундук – не большой, не богатый, не окованный, а простой деревянный сундук с плоской крышкой. Когда мама открывала его, очень вкусно пахло печеньем, хотя никакого печенья там не было. В сундуке хранились отрезки тканей, привезённые городскими родственниками подарки, новые наволочки и полотенца, нарядные платки. Иногда, перебирая сундук, мама доставала, разворачивала их и показывала: «Этот надевали на Пасху, этот – на Троицу, этот – на Рождество». Я не видела, чтобы сама она покрывала голову каким-нибудь из них – время было не для таких красивых платков и не для таких великих праздников. Да и как бы она выглядела в радужном шёлковом платке с бахромой, уцелевшем от лучших времён, и в своей неизменной телогрейке?

Ещё в сундуке хранилось платье – крепдешиновое, кремового цвета, с длинным рукавом, с пуговичками и складками от пояса. Случалось, что мама доставала и его. Внешне суровая, она при этом теплела глазами и голосом. Развернув платье, она какое-то время смотрела на него и говорила как бы между прочим, для себя: «Это венчалное платье». Потом бережно убирала его на место. Я была маленькая, я не понимала. Но у меня была хорошая память. Потом я подросла, уехала учиться, работать... И только когда мама ушла, всё чаще в моих воспоминаниях начало всплывать это платье. И я стала задумываться. Замуж мама до войны не вышла, а потом парней и мужиков поубивало на войне, и выходить стало уже не за кого. Почему она называла платье именно венчалным, а не подвенечным или просто свадебным? Сватались к ней до войны, но она отказала – побоялась, что в состоятельной семье её будут упрекать бедностью. Да тогда и не венчались, а расписывались в сельсовете. И не похоже было платье на девичье – ни по размеру, ни по фасону, слишком скромному. И не в том уже возрасте мама была после войны, чтобы загодя шить себе платье на случай возможного замужества. Но если она его не надевала, то почему так долго хранила? Не отдала, не подарила, не выбросила, значит, дорог и важен ей был этот безыскусный наряд.

И вот к какому выводу я пришла после долгих размышлений: мама венчалась в этом платье! Да, не была она ни в загсе, ни в сельсовете, не кричали ей «Горько!», не гуляла свадьба. После войны мама заведовала животноводческой фермой, была беспартийным депутатом районного Совета, передовиком, её уважали, награждали, писали о ней в газете. Но семьи у неё, кроме престарелых родителей, не было. Старшие братья и сёстры ещё до войны переженились и

повыходили замуж, жили отдельно. И она родила нас с сестрой, хоть и поздно, после тридцати. Мы – плоды её горького послевоенного греха. И отца своих детей, женатого человека, она любила, это я точно знаю. Сами они решили или набожная моя бабушка могла внушить маме эту мысль – уж коли собралась рожать, то найти какую-нибудь церквушку, договориться с батюшкой и обвенчаться потихоньку, без шума, втайне.

Если это так, то всё встает на свои места. Платье не белоснежное свадебное, а скромное кремовое, по её возрасту и обстоятельствам. И не подвенечное, а именно венчалное, платье состоявшегося таинства. И несколько раз вынутое при мне с таким необычным названием для моей памятной детской головки: «Запомнит – поймёт».

Господи, дай Бог, чтобы это было так! И тогда побоку все мои детские и подростковые комплексы незаконнорожденного ребёнка! И тогда не во грехе я рождена, а в любви и при Божьем благословении и покровительстве. И тогда не случайна и не напрасна вся моя жизнь.

Недавно на кладбище батюшка отпевал покойника, а потом предложил: «На чьей могиле отслужить панихиду?» Я растерялась – денег при себе не было. Он возразил: «Не за деньги служу». И мы с мужем подвели его к маминой могилке. Он спросил имя мамы. Я назвала. Спросил имя отца. Я смутилась: «Он не здесь, а вон там, со своей женой». Он настойчиво попросил назвать имя. И объединил их в своей заупокойной молитве. Не Господь ли руководил его молитвой?

Ну а если я всё это придумала? Если ничего не было? Если я взяла на себя смелость и грех думать так для оправдания своего рождения и успокоения души? Одно только доказательство есть у меня – венчалное мамино платье. Оно-то было! И хоть поэтому прости мне, Боже, этот грех – обольститься надеждой на Твоё благословение.

ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ С ОТЦОМ

Пролог

Когда началась война, маме было двадцать. Она просто не успела выйти замуж. Через десять лет после Победы появилась на свет я, ещё через три года – моя сестра. Отец жил за речкой, в соседней деревне. У него была жена Катерина и четверо взрослых детей. Я походила на них лицом. Наверное, поэтому родственники отца любили меня, маленькую, потискать, побросать в воздух, поприжимать к себе. Но я краснела и огрызалась, как пойманный зверёныш. Мне казалось, что все на нас смотрят и думают: «А-аа, вот она чья!» Я-то уже знала, чья я есть – в моменты ссор подружки вместо прозвищ и оскорблений выкрикивали имя-отчество моего отца.

1

Я училась в шестом классе. На зимние каникулы двоюродный брат пригласил меня в Москву. Не видать бы мне столицы, если бы не нашлись попутчики: отец мой ехал навестить своих детей, к нему присоединился сосед. Они обещали доставить меня по назначению. Места в вагоне достались общие, да я и не подозревала о существовании других. Проявляя заботу, отец поминутно укрывал меня моим пальтишком и о чём-то спрашивал. Я не отвечала, но жалась к его соседу и как лиса юлила: «Дядь Вась, дядь Вась...» Ночью полагается спать, но эти десять часов были мукой для моего неокрепшего сердечка.

2

Я приехала на каникулы домой из областного центра, где училась в техникуме. Сладко просыпаться дома, в маминой постели. Да ещё летом, да при солнышке!

Радостная, открываю дверь на кухню – там отец. Он был бригадиром, ходил утром по деревне назначать людей на работу. И вот – сидит, разговаривает с мамой. Я – ни «здрассте», ни «доброе утро» – хлопнула дверью и убежала в сад. Как он смеет приходить! Как она может с ним разговаривать!

Отсиделась в саду, отплакалась, а когда вернулась, его уже не было. Мать сказала только: «Дочка, мы уж старые...»

3

Я ждала около совхозной конторы попутку до деревни. Преодолеть четыреста километров удавалось иногда быстрее, чем последние десять. Оставался как вариант и пеший ход, но кто же едет из Москвы с пустыми руками?

Остановилась машина, выглянула женщина:

– Дочка, тебе куда?

– В дальнюю Погореловку.

– Ты, случайно, не Николаевны будешь дочь?

– Да.

– Нина или Таня?

– Нина.

– Садись, довезем. Мы в Александровку едем. А я вас маленькими помню.

Мы тоже погореловские, только давно уехали оттуда.

Я села впереди, с водителем. Отъехав в поле, нагнали пешехода. Отец!

Незадолго до этого получила от матери письмо: «Умерла Катюшка. Николай Андреевич предлагает сойтись. Я вам не говорила: он ваш отец. Я решила: как дети. И он своим написал. Отвечайте поскорее, ему ждать некогда, у него должна корова отелиться, да и огороды скоро сажать».

Мы с ответом не задержались, да и его дети тоже. Мы написали: смотри, как тебе лучше. А из его детей старшая дочь была против. Они нашли ему помощницу – привезли из Москвы старушку-пенсионерку.

Водитель сбавил скорость и с сожалением сказал:

– Посадить бы деда, да некуда.

«Деда» – резануло. Действительно, какой он уже старенький!

– Давайте я сяду на бак, а его на сиденье посадим.

И пожалела! Через некоторое время наш новый пассажир спросил:

– Ты чья же будешь?

Я промолчала, надеясь, что нас не слышит та женщина. А он опять:

– Чья же? Не узнаю...

Я пробормотала:

– Не узнаете – богатая буду.

Я боялась оглянуться и встретиться взглядом с женщиной. Она-то узнала...

– Ну чья же всё-таки?

«Твоя!» – хотелось выпалить прямо ему в лицо. Я тихо и зло ответила:

– Николаевны дочь.

И он замолчал, закричал, а потом зачем-то вышел со мной в Погореловке и пошёл рядом, зашептал со своей авоськой, из которой торчали гвозди.

– Ну как живешь?

– Лучше всех!

Господи! Мне четвёртый десяток, а я веду себя как ребёнок.

– Зарабатываешь-то хорошо?

– Мне хватает, у чужих не прошу.

– Говорят, с мужем развелась. Что ж ты так ошиблась-то?

– Посоветоваться не с кем было.

Если мама знала, что я приеду, она всегда выходила на дорогу, заслышав шум машины. Хоть бы она не увидела!

А вот и она! И соседка...

Мы обнялись, а он, проходя мимо, произнёс неловко что-то вроде: «Ну вот и дождалась...»

Мама спросила:

– О чём вы говорили?

– Да так...

В праздник, когда вся деревня двинулась на кладбище, неся в узелках пшено, крашеные яйца, блины и конфеты, мать захотела пойти с нами. Опираясь на палочку, она провела всех своих: родителей, сестёр, подружек. Остатки угощения обычно высыпали на входе, у ворот, – для тех, к кому никто не приходит.

Я отсыпала пшена, взяла из узелка блинов и конфет:

– Вы идите, я сейчас...

– Куда она? – спросила мать у сестры.

– Не знаю.

Когда она увидела, что я кладу всё это на могилу отца, – сама бы она не решилась, – у нее потеплели глаза.

Эпилог

... Сейчас они лежат неподалёку друг от друга. Он рядом со своей Катюшкой, родившей ему четверых детей. Она одна, но вокруг все её близкие: родители, сёстры, подружки...

ВЕСЕЛЬЯ ЧАС...

КИНО

Электричества в деревне не было, и кино крутили в клубе от движка. Киномеханик по прозвищу Сахар клеил на магазине афишу, а мы, ребяташки, вертелись возле него и допытывались: «Дядя Володя, а про что кино?» Он неизменно отвечал: «Всё про любовь, а в конце танки». Вход для взрослых был 20 копеек, а для детей пятак. Усаживались на длинные лавки (после кино их отодвигали к стене и начинались танцы).

Чаще всего Сахар привозил фильмы о войне или индийские. Простодушная, доверчивая аудитория, затаив дыхание, следила за происходящим на экране. Чем ближе дело двигалось к кульминации, тем чаще бабы хлюпали носами, и в конце концов небольшое помещение клуба с первой до последней скамейки оглашалось рыданиями. Мужики прикрикивали: «Ну-ка замолчите, хватит вам голосить», но сами покашливали, побряхтывали и лезли в карманы за папиросами. Этот своеобразный катарсис испытывали все, после чего, излив душу слезами, успокаивались развязкой, где наши побеждали, а злодеи были наказаны.

ТАНЦЫ

В последние годы существования клуба молодёжь окончательно вытеснила оттуда старшее поколение. А я ещё застала время, когда и молодые семейные пары, и не очень молодые, плясали в клубе под гармошку барыню («барыня ты моя, сударыня ты моя»), русского («ой, русского, русского, русского, ой, а за русского ой не пускает мать домой»), цыганочку с выходом («я цыганка, ты цыган, оба мы цыгане, ты воруеть лошадей, я воруя сани»), краковяк («краковяк мы не танцуем, краковяк мы не поём, ребяташек не балуем –

целоваться не даём») и пели страдания («Печку письмами топила и подкладывала дров, всё глядела, как горела моя первая любовь»). Толя Стручков (по-уличному Сёмин), вернувшись из армии, привез очень красивые песни, которые мы тут же запомнили и запевали, расходясь из клуба. Толя хорошо играл на баяне, девки уговаривали его играть без передышки, а он выставлял на обозрение ладонь со свежими мозолями и требовал от самой бойкой: «Целуй!»

Твист я впервые увидела в Чернито́ве. Дядя с женой ушли в кино, оставив меня и мою двоюродную сестру Валю, гостивших у них, на попечение сына. Тот абсолютно не знал, чем нас занять, поставил пластинку и стал под музыку двигать ногами и руками через всю комнату: «Учитесь, это твист». Я, глядя на это фантастическое безобразие, просто укатывалась со смеху, а Валя (у неё, дочки дяди Володи, и музыкальный слух был, и пела она замечательно) пристроилась сбоку и с серьёзным видом повторяла за ним движения. Так что появление твиста в Погореловке я как-то пропустила. А вот шейк помню. Толя Медведёв и Слава Леснов под музыку ритмично, серьёзно и старательно поднимали плечи, трясли руками, ставили негнущиеся ноги циркулем, а зрители, окружив их, показывали пальцем: «гляди, гляди» и хохотали до упаду.

СВЯТКИ

На святки мы гадали. Тогда, в шестидесятые, деревня активно строилась, и срубы стояли по всей улице. Надо было постучать палкой по срубу. В каком конце деревни собака забрешет – там и жених живёт. Валенки бросали через забор. Куда носок валенка укажет – в той стороне и жених. Мужики частенько хулиганили – бабы накидают валенки, а они их подберут и спрячут. Я запомнила, как мы гадали по овечьей шерсти. Надо было вытащить из сарая во двор овцу или барана. Если белая шерсть – жених будет блондин, а если чёрная – брюнет. В нашей компании заводилой была Таня Струčkова, по-уличному Пашкова. Она говорит: «Пошли к нам, у нас овец много. Только тихо, а то мать проснётся, заругает». Через сенцы мы должны были пройти во двор. А в сенцах висела на крюке свиная туша. Ну не могли мы, вечно голодные, мимо пройти! Мы вставали на цыпочки, пытались достать до неё, откусывали кусочки замороженного несолёного свиного сала, которые таяли во рту. Какая вкуснота! В конце концов собрались во дворе и по очереди стали нырять в сарай. Одна вытащила овцу – чёрная, другая – тоже чёрная. Дошла очередь и до меня. Долго я шарила в темноте сарая, где метались разбуженные и напуганные овцы. Наконец ухватила мягкую шерсть, потащила к выходу. Попался баран. Я маленькая, а он здоровенный. Все-таки вытащила – белый!

Зря только мучилась – за всю жизнь ни один блондин на меня не глянул.

СТЕНКА НА СТЕНКУ

Не всегда молодёжь в деревне по-хорошему развлекалась, случались и драки, и даже очень жестокие. Враждовали обычно деревнями. Парни из соседних деревень и сёл ездили к нашим девкам, погореловские ребята гуляли с кадыковскими, канадскими, дьячинскими девками. Вот из-за них, из-за девок, чаще всего и дрались.

Помню одну такую драку, в начале семидесятых. Мы тогда жили в Канаде, я там работала завклубом (в Погореловке ни нашего старого дома, ни клуба уже не было). Как-то к празднику, то ли на 1 Мая, то ли на Октябрьскую, много молодёжи съехалось из города. Прошёл слух, что дьячинские ребята собираются идти бить канадских и погореловских. Парни посоветовались и решили нанести упреждающий удар. Сколько я их ни останавливала, ничего не вышло. Набрали кольев, оторвали штакетины от заборов и двинулись на Дьячи. Моя подружка, Ира Карякина из Кадыковки, работала в Канаде фельдшером и квартировала у мамы. Ну как кидать своих? Ребята идут стеной со своим оружием, а мы с ней потихоньку следом топаем.

Ночь – хоть глаз коли! Тишина. Вошли в село, заняли по ширине всю улицу. Мы с Ирккой тоже осмелели, поближе подтянулись, думаем: ничего не будет, ложная тревога, спят тут все в Дьячах. И вдруг из темноты ринулся навстречу серый вал!

Мы с Ирккой, как только всё началось, кинулись к первому попавшемуся дому, спрятались на крыльце, головы пригнули и затаились, не дышим.

Я такой драки больше никогда не видала: темнота, полная тишина, без выкриков, без ругани, и только непрерывный сухой, деревянный стук и треск! Страх Господень! Лучше бы орали!

Сколько это длилось, не знаем. Долго. И потом так же тихо эти стенки разошлись, расползлись по обе стороны улицы, а мы всё сидели на крыльце без движения. Потом высунули головы, осмотрелись – глаза-то уже попривыкли. Вроде, никого. И заспешили назад, домой. Вдруг, откуда ни возьмись, незнакомые парни: «Стой! Вы кто такие? Вы не наши! А-а, это вы с ними были?» Господи, ну всё! Душа в пятки ушла. И тут на наше счастье дьячинская девчонка подросла. Она смекнула, что к чему: «Ребята, да вы что! Они ко мне приходили в гости! Я вот их провожать иду». Парни поворчали и расступились. Ой, сколько «спасибов» мы этой девчонке сказали! Она проводила нас до околицы.

И вот мы вышли к реке и увидели своих: весёлые, довольные, шумные, они омывали в проточной воде свои раны. Увидев нас, завопили: «О-о! Вы там были? Вы видели? Как мы их!»

Когда мы уже легли спать, в окно застучали: «Ира, умоляю, дойди до нас! У сына голова пробита». Деваться некуда, пошли. И так всю ночь: Ирка выстригала волосы на макушках, обрабатывала раны, бинтовала. А я только рядом стояла. Я очень крови боюсь!

ДЕРЕВНЯ В ЛИЦАХ

ДЯДЯ ВОЛОДЯ

Он был старше мамы на три года, и в детстве они очень дружили. У них были свои секреты, мама всегда отдавала ему для игры с мальчишками свои казанки (бараньи косточки). Они любили вечером, сидя на порожке вдвоём, петь – у обоих были прекрасные голоса. Дядя повзрослел рано – высокий, статный, разумный, сильный и добродушный, с прекрасным чувством юмора, он работал трактористом в колхозе. Женился тоже рано, до армии. Когда пришла повестка, у него уже родилась дочка. Со своими земляками дядя попал в артиллерию. Их полк готовился к отправке на финский фронт. В день рождения Красной Армии, 23 февраля 1940 года, новобранцы приняли присягу.

Они стояли подо Львовом, когда в четыре часа утра началась бомбёжка – это была война. В шесть утра солдаты уже участвовали в бою и трое суток стояли насмерть, не давая немцам продвинуться на этом участке. И не знал молодой мой дядя, какая судьба уготована армии, в которой он служил. Немцы не смогли пробить оборону – и обошли этот участок. Часть оказалась в окружении. Командир части, полковник Штейн, из русских немцев, объехал солдат и предупредил о слабых местах противника. Сосредоточили мощный огонь на одном из таких мест, пробили дыру и, хоть и с потерями, вышли к своим.

После отступлений и боёв их перебросили в тыл на переформирование. До марта 42 года готовили бойцов для обороны Москвы, выдали зимнее обмундирование: валенки, полушубки, рукавицы, шапки. За это время их трижды бомбили. Часть все же доформировали под Пензой и отправили на Ленинградский фронт. Он помнил это всю жизнь: дорога через Ладогу, которую позже назовут «Дорогой жизни», Синявские болота, Пулковские высоты, район Урицкого, в 200 метрах от Кировского завода...

А потом началось наступление. Дядя был наводчиком. Их сутками держали на передовой. Бывало, голодные, ждут полевую кухню, приходит командир: «Кухню разбомбили». И следом опять: «Кухню разбомбили».

К первой медали – «За боевые заслуги» – он был представлен командиром артиллерии Ленинградского фронта Вороновым, когда выбивали немцев из Гатчины. Вторую награду – орден Красной Звезды – получил за уничтожение двух вражеских дотов, которые через приборы орудий выглядели маленькими безобидными пуговицами.

На фронте он писал стихи. Но не о том, как в самом начале войны его поставили на пост, а снять забыли. И стоял он целый день в полукилометре от немцев, пока, наконец, проезжавший на легковом автомобиле комиссар полка не узнал его и не приказал отходить с последней машиной. А машина не остановилась, сбив его и проволочив по дороге метров двести, и молодой капитан, наставив пистолет, приказывал разжать занемевшие на бампере пальцы, и он в отчаянии, выставив штык к лицу капитана, крикнул: «Стреляй!..» Потом в кузове этой машины старшина полка кормил его тушёнкой и ещё какими-то вкусными

продуктами. Не о том были стихи, как на переформировании части дошедший до крайности молоденький земляк предлагал ему вместе застрелиться, потому что чувство постоянного голода было невыносимым. И дядя пообещал ему это, если за ночь они не раздобудут хлеба. Повар офицерской столовой, выслушав дядю, сунул им две буханки. Похожая сцена есть в повести Шолохова «Судьба человека», только там буханку делили в немецком плену, а здесь – в родной армейской части, на своей земле. Вторая буханка, припрятанная про запас в ямке под ножкой двухъярусной кровати, утром каким-то образом оказалась у майора на столе, и он, потрясая пистолетом, допытывался, откуда она, а молоденький земляк всё твердил: «Купили». После приказа отнести хлеб в столовую он схватил буханку и, не обращая внимания на крики майора, унёс на батарею. Шестнадцать человек около орудия в момент поделили её и съели. Наказания почему-то не последовало.

И не о том писал солдат, как в разбитом, голодном Ленинграде отдал свою хлебную пайку высокой костистой старухе, сидевшей около мёртвой невестки и глядевшей на покойную какими-то дикими, звериными глазами.

А писал он в деревню жене Параше о том, что победят они немцев, и он вернётся. Но до возвращения было ещё далеко. Полк всё время посылали в прорывы, на самые горячие направления наступления. Дядя Володя получил медаль «За взятие Варшавы». Форсировали Одер. 22 апреля вошли в Берлин. Семь суток не спали, никто не ложился. Со дня приказа Сталина, с 16 апреля, по 22-е, не было ни минуты передышки. Наступали с Одера, артиллерией в 20 тысяч стволов. На километры вокруг всё было перепахано снарядами. 28 апреля, находясь в семистах метрах от рейхстага, дядя получил ранение и контузию. Оглохший, продолжал стрелять. В разгар боя его вызвали в штаб с вещами. А вещей-то – полотенце, мыло. «Поедешь в Москву. В артучилище». Он не поехал. Когда закончились боевые действия, 2 мая, весь день принимали пленных – офицеров из рейхстага.

Больше года после Победы мой дядя все еще охранял объекты в Германии, убирал хлеб в брошенных хозяйствах. Ведь он был пахарем, а воином его сделала Великая Отечественная война. За боевые заслуги дядя Володя получил ещё орден Отечественной войны II степени, медали «За взятие Берлина» и «За Победу».

В 1946 году, 6 июня, он вернулся домой. Семь лет дома не был – и каких лет! Уходил в армию – дочку ещё на руках носили, а вернулся – она уже в школу ходит. Вместо трофеев привёз солдат домой свои награды и благодарности: от Сталина, от Жукова, от Рокоссовского, от командира дивизии и командира части.

И началась мирная жизнь, которую можно записать одной строкой: много работал в совхозе, растил детей (их у него пятеро), на пенсии пристрастился к рыбалке и днями просиживал на маленькой речке за огородом. По крайней мере, рассказывал дядя только о войне, снова и снова переживая каждый её день, каждый свой бой. Когда у него случился инсульт, дядю признали инвалидом труда, хотя доктор сказал: «Вот когда война достала!» Но не запасся дядя там, на войне, справками о ранениях и контузиях, поэтому получал пенсию, о которой стыдился говорить – меньше, чем у баб. И только в конце жизни, стараниями всё того же доктора, после обследований его признали инвалидом войны.

Он был любимым братом моей мамы, и значит, моим любимым дядей. Покоится он на нашем деревенском кладбище, рядом со своей женой Парашей, пережившей его на несколько лет. От военкомата на его могиле стоит памятник.

ДУША НЕ ПОЗАБУДЕТ

Впервые мы увидели её в четвёртом классе, она пришла к нам на урок. Это был наш последний учебный год в Погореловской начальной школе, осенью мы должны были пойти в Кадыковскую школу-восемилетку. Она преподавала математику и физику, предполагалось, что она будет у нас классным руководителем, вот и хотела заранее присмотреться к нам.

Заочно мы уже знали от старших школьников не только своих будущих учителей, но и их прозвища, слабости, пристрастия. Она – единственная, кого все без исключения ученики звали по имени-отчеству: Нина Владимировна. Очень редко самые отъявленные хулиганы называли её за глаза Нинкой. У неё были чёрные умные глаза, тёмные вьющиеся волосы и всегда строгий костюм.

Теперь я думаю, она была, что называется, учитель от Бога. Она никогда не лезла к нам в душу, но была в курсе всех наших школьных и личных дел: мы сами ей обо всём рассказывали. Многие моменты из той жизни вырисовываются в памяти так чётко, как будто это было вчера.

Почти половина класса носила одну распространённую в деревне фамилию, Стручковы, и Нина Владимировна всегда вызывала к доске по именам – в этом было что-то тёплое, родственное. Болтушке и хохотушке Любе Стручковой никак не удавалось выговорить слово «параллелограмм». Нина Владимировна пошутила: «В следующий раз перед началом занятий десять раз повторишь вслух это слово». На следующем уроке Люба вышла к доске и под общий смех повторила десять раз «параллелограмм». И хотя учительница уже забыла о своем наказе, она ничем не выказала своего удивления, врасплох её застать было нельзя. Однажды самая взрослая, дерзкая и насмешливая ученица нашего класса при всех спросила её, указывая на одну из девочек: «За что вы её любите?» Мы знали, что учителям любимчики не полагались, и ожидали услышать: «Для меня вы все равны». Девочка, о которой шла речь, страшно смутилась и покраснела. А Нина Владимировна резко ответила: «За то, что она честная и порядочная». Хотя она была равна со всеми, явно никого не выделяя, но она принародно не откестилась от любимицы, пощадила её самолюбие и отбила охоту ко всяким провокационным вопросам.

В школу мы ходили за пять километров по бездорожью, и когда морозы были особенно крепкими или поднималась метель, Нина Владимировна вела нас к себе ночевать. Однажды и директор школы, суровая женщина, которую мы все боялись, тоже решила на такой шаг – привела нас к себе. Но в её замечаниях «Не смейтесь», «Не балуйтесь» нам слышалось «Не шевелитесь», «Не дышите». Мы поступили жестоко. Давясь от смеха (когда запрещают – невозможно остановиться, это нервное), мы съели всё, что она поставила на стол. На вопрос «Наелись?» мы отрицательно качали головами. Она, скормив нам кастрюлю щей

и всё, что было на ужин, испекла блины, поставила горшок молока, а мы всё не вылезали из-за стола. Больше мы ни разу не удостоились чести ночевать у неё.

А Нина Владимировна вела себя с нами так же, как со своими родными детьми, а их у неё было трое. Она могла и прикрикнуть, и посочувствовать, но не ограничивала нашей свободы. На следующий день после ночёвки на уроках не делала поблажек, но и не придиралась.

Её муж Евгений Афанасьевич преподавал у нас пение и физкультуру. Занятия по физкультуре проходили в тесном коридоре школы, никакого спортзала не было. О спортивных костюмах мы тогда и не слышали. Единственно, что в «физкультурные» дни девочки надевали под школьную форму чёрные сатиновые шаровары, сшитые родителями. Когда очередная ученица выходила делать стойку на лопатках, широкий подол платья падал и накрывал её с головой. Мальчишки смеялись. При прыжках через коня платье спутывало ноги, и девочки боялись даже подходить к этому снаряду. В конце концов они совсем перестали выходить из шеренги, а строжащегося учителя попросту игнорировали.

Однажды у Нины Владимировны было «окно». Она что-то писала за столом в учительской и время от времени через настежь раскрытую дверь поглядывала в коридор, где мы занимались. Потом вдруг подошла к учителю, что-то негромко сказала ему, и он приказал мальчишкам зайти в класс. Прикрыв дверь класса, она кивнула: «Давайте». Девочки осмелели и начали пробовать прыгать – смеяться над нами было некому. На следующем уроке физкультуры мы все уже лихо перемахивали через коня и даже приспособились делать стойку на лопатках, предварительно плотно обернув подол платья вокруг ног.

Уроки Нины Владимировны никогда не были скучными. Приступая к новой теореме по геометрии, она обращалась к нам, и шаг за шагом мы вместе с ней доказывали эту теорему. И сами удивлялись, как это у нас получается. Слова «логика» мы не знали, а на её вопросы, как мы пришли к такому решению, отвечали: «Догадались». Она учила нас думать, мыслить, и не переносила тупой зубрёжки. Если ученик, глядя на доску, и говорил, что средняя линия трапеции параллельна основаниям и равна их сумме, делённой надвое, она не снижала оценку, а мягко поправляла: «равна их полусумме».

Каждую неделю мы сдавали ей дневники для проверки и, как обычно, забывали вытряхнуть из них свои шпаргалки, записочки с детскими секретами. Она не хотела узнавать наши тайны таким способом и сразу предупреждала: «Сдавайте мне на проверку дневники, а не записки, я их всё равно читать не стану».

Первое, что она сделала, когда мы пришли в Кадыковскую школу, это попросила мальчиков сесть за парты по одному, так, как им хочется. Когда они сели, она сказала: «Девочки, а теперь садитесь вы, кто с кем хочет». Это было в пятом классе. Потом можно было пересесть по желанию, но никто не воспользовался такой возможностью, так мы и сидели до окончания восьмого класса.

Были учителя, которые относились к нам мягче, подыгрывали нам, но никого мы так не любили и не уважали, как Нину Владимировну. Мы не умели это выразить в словах, но чувствовали, что она относится к нам серьёзно, не заискивая, не сюсюкая, а так же уважая наши мнения и интересы.

На выпускном вечере девочки были в белых платьях, а мне, по бедности, мать не смогла купить платье на один вечер. Выбрала такое, чтобы я могла в нём ходить на занятия, когда уеду учиться. Платье было голубое, с белым кружевным воротником. В начале вечера я куксилась, я себя очень жалела. Нина Владимировна посмотрела на меня раз, другой, потом кивнула на дверь: «Выйдем». Мы вышли в коридор, она спросила: «В чём дело?» Рассчитывая на сочувствие, я протянула: «Да-а, все в белых платьях, а я...» Она посмотрела на меня и сказала только одно слово: «Дура!» И ушла, хлопнув дверью. Сначала я оторопела, потом вдруг почувствовала, что слёзы мои пропали, глупое горе моё в момент растворилось, и я вернулась в класс другим человеком.

Конечно, мы плакали, расставаясь со школой, с любимыми и не очень любимыми учителями, друг с другом. Но когда мы прощались с Ниной Владимировной, глядя на нас, заплакали даже учителя.

Она не учила нас читать и писать, но в памяти нашей она осталась как первая учительница, первая – и самая дорогая, которая, кроме математики, научила нас многим урокам жизни, отношениям между людьми.

Я всегда ей писала, отовсюду, куда ни забрасывала меня судьба. Когда бывала в отпуске, всегда приходила к ней. Однажды, приехав в отпуск, я обнаружила, что в деревне гостят несколько моих одноклассников. И мы решили собраться и поехать к Нине Владимировне Карякиной, которую многие не видели после школы, а прошло на тот момент уже семнадцать лет.

Совершенно седая, с живыми чёрными глазами, она стояла у калитки и, вглядываясь в каждого, узнавала: Коля, Володя, Люба, Валя... Войдя в дом, мы протянули свои пакеты с гостинцами, подарками, продуктами, а она махнула рукой: «Так, вот вам кухня, вот посуда, вот комната. Давайте, сами хозяйничайте. Валя, ты поварихой работаешь? Иди к плите». Потом мы сидели за столом, вспоминали наши школьные годы, пели. Её муж вынес во двор баян, и мы танцевали у дома, как тогда, на выпускном вечере.

А потом пошла полоса неудач в моей жизни, и я перестала писать ей – похвастаться было нечем, а расстраивать её не хотелось. И мы больше никогда не увиделись.

ПОГОРЕЛОВСКИЙ ПАСТУХ

Это сейчас в деревне почти не осталось коров. А было время, не такое уж давнее, когда тянулись через Погореловку стада коров, овец, гусей. Утром они заполняли собой одну-единственную деревенскую улицу, спускались по высокому холму к речке Островке и дальше за речку, растекались там в излучине, под крутым обрывом древнего городища и по всему лугу.

Овец пас бессменный пастух Толя по прозвищу Пикач. Правда, я его так никогда не называла – мама не велела. Бог не дал ему дара обильной речи. Отсюда и прозвище – за те нечленораздельные звуки и отрывистые слова, на которые был способен его язык. Но когда, приученная здороваться со всеми

встречными, я говорила «Здравствуй, дядя Толя!», не было случая, чтобы он не кивнул мне ответно.

И был у Толи какой-то особенный дар обращения с животными, которого я за всю свою жизнь больше никогда и ни у кого не встречала. Роскошный витой ремённый кнут с плетёным из конского волоса хвостом и кусочком свинчатки на конце нужен был ему лишь затем, чтобы утром, на заре, и вечером, в сумерки, со свистом рассекать тугое пространство на вершине деревни, у городища. Хлёткие выстрелы кнута будили нерасторопных хозяек и сигналили: «Выпускайте овец!» или «Встречайте овец!»

А на пастбище кнут ему был совсем ни к чему. Толя ни разу не поднял руку, чтобы ударить. Ему не нужно было метаться по лугу, окриками возвращать отбившихся непутёвых овец. Всё стадо и так ходило за ним как привязанное, как заговорённое, доверяясь его выбору самой сочной травы, самого чистого водопоя в Островке, самой прохладной послеобеденной тени у чахлах прибрежных вётел.

Когда же частые грозы бушевали в небе над Погореловкой, стадо сбивалось вокруг своего пастыря, повернувшись мордами в его сторону, а Толя стоял в центре, одинокий как перст, как столп мироздания, в своем вечном выцветшем брезентовом плаще, с неизменным кнутом через плечо – впереди отполированное его рукой кнутовище с туго прихваченным жёсткой проволокой основанием, а сзади длинный, блестящий от дождя чешуйчато-ребристый, как у змеи, хвост...

Стадо под кустиком не спрячешь, и Толя сам никогда не прятался, разделяя и преодолевая вместе со своей паствой все природные явления: и палящее солнце, и холодные косые дожди, и сквозные степные ветра.

Деревенского подростка Алёшу, помогавшего пасти гусей своему брату Сергею, прозванному Гусятником за обожание этих беспокойных, вечно гогочущих птиц, убило молнией – на том же лугу. И как-то скоро в Погореловке, всем миром переживавшей эту трагедию, гуси перевелись.

А вот Толю Бог миловал, и природные напасти никак не повредили ни его физическому здоровью, ни душевному равновесию.

Жил он в доме у брата и его жены. Вечерами, пригнав овец, он управлялся по хозяйству, а с поздней осени до первой весенней травки был уже основной рабочей силой в семье. За летний сезон он неплохо зарабатывал – дворов в Погореловке было много, и в каждом дворе держали овец. Но из всего заработанного ему доставались только те дежурные обеды, которые по утрам выносила очередная хозяйка: бутылка молока, хлеб, сваренные вкрутую яйца, кусочки сала с крупными дробинками соли, молодая картошка, свежие огурцы – словом, у кого что находилось в доме, что успевало вырасти на грядках.

Толя никогда никуда не ездил, нигде, кроме своего пастбища, погореловской улицы и нескольких домов родни, не был. Всё, что ему требовалось – одёжка с братнина плеча, выцветший брезентовый плащ, который он не снимал с себя почти весь сезон, да стоптанные валенки на зиму. Денег он никогда в руках не держал, не умея с ними управиться, и они не нужны ему были абсолютно.

Боже, от сколького в жизни он был избавлен! Он не испытывал ни зависти, ни злобы, ни страстей, ни пересудов, ни мелкой, ничтожной суеты. Дома он знал

одну нескончаемую работу. Но ведь чем-то же заполнялся каждый его день, от зари до зари, там, на лугу! Я часто думала: если бы вдруг он заговорил – что бы он рассказал? Какая она у него – правда и полнота жизни? Ведь он столько понимал о каждом цветке и каждой былинке, о каждой букашке и птице, о приближении дождей или заморозков, о самочувствии и настроении доверенных ему овец и, кажется, о каждой шерстинке их белого как облака и чёрного как деготь руна! Наверное, он тем более понимал всё и о нас, людях. Но захотел бы он говорить с нами?

Толя не имел понятия о материальном «дobre», но понятия добра и зла в мире, я думаю, он различал совершенно.

Полвека он был в самом прямом смысле необходим каждому дому, каждой семье в деревне. И за пятьдесят лет не нашлось ни одного человека, который смог бы заменить Толю на его бессменном посту. Это сейчас мир, которым он жил, ушёл из-под ног. И всё кончилось. Умерла жена Толиного брата. Брата хотели забрать в город дети, но он наотрез отказался: «Я Толю не оставлю». Но тоска по умершей жене оказалась такой, что он всё же оставил Толю – повесился ночью во дворе. После похорон Толю определили в сельскую больницу на постоянное проживание, с тем, чтобы его пенсия перечислялась больнице. Существует такая практика там, где нет домов для престарелых. И однажды он исчез. Его долго искали, несколько раз говорили, что видели его. Приезжали племянники, но выяснялось, что это ошибка. Спрашивали батюшку: «Как же поминать его – среди живых или среди мёртвых?» Батюшка сказал: «Поминайте как пропавшего без вести».

Где же ты, Толя? Жив ли и мыкаешься по свету или уже пасёшь небесные стада? Для меня остались незабываемыми чудесные, волшебные мгновения весны. Сколько я наблюдала их – сотни раз или это было лишь однажды? Но и сейчас стоит перед глазами эпическая, светоносная картина: по деревенской улице, поднимая пыль (ах, какая это была нежная пыль, ежедневно взбиваемая копытами и копытцами), просвеченную розовыми лучами заходящего солнца, движется стадо овец. Завершая шествие, с тяжёлым кнутом на плече, в плаще цвета толчёной пыли идет Толя. И почему-то кажется, что пастух не идёт, а плывёт над улицей, и что голова его – в облаках. Не потому ли он видится таким величественным, что на руках, бережно прижимая к себе как младенца, несёт новорожденного агнца – крошечного, кипенно-белого ягнёнка...

Если бы мне, девчонке, была тогда доступна Библия, я бы воскликнула: «Авраам!» Но мне только стало вдруг так хорошо, что захотелось заплакать. Если бы я тогда читала Библию, я бы подумала: этот блаженный среди первых войдёт в Царствие Его. И если ещё кому-то из живших и живущих здесь посчастливится приблизиться к Престолу Божию, они смогут узреть там Толю не в брэнной земной оболочке, а во всём блеске его величия. Память сохранила для меня те драгоценные мгновения, чтобы я потом долго и часто думала об этом именно так!

ЖЕНЯ

Что знает деревня о Жене? Повидал свет – служил в армии в Германии, в молодости работал в Москве, но захотел вернуться на родину. Женился, завёл детей и всю жизнь крутил баранку. Что случись, люди бежали к Жене: «Отвези в больницу», «Подбрось к автобусу», «Надо встретить с поезда гостей». Вы думаете, это так просто? Зимой, например, надо встать в три часа ночи и долго разогревать мотор, чтобы успеть к автобусу, который отправляется до райцентра в пять утра. Или осенью по раскисшему чернозёму опять же надо выехать часа в три ночи – не дай Бог, забуксует машина. А кругом – ни огонька, тьма беспросветная. Помню: трясёшься в кабинке, в щели дует, глаза слипаются, думаешь: «Да как же он согласился, я бы ни за что не поехала в такое время по чужим делам». Но Женья был безотказен. Мало того, он ещё и денег не брал. Как-то он понёс мою сумку до остановки, а я успела сунуть ему на сиденье несколько купюр. И вот уже едет по шоссе автобус, вдруг следом мчится грузовик, сигналит, обогнал автобус и встал. Водитель автобуса открыл двери, и в салон ворвался Женья. Не обращая ни на кого внимания, начал кричать: «Ишь чего удумала! Она мне деньги сунула! Я что – за деньги тебя повёз? Я от чистого сердца! Ну-ка, заberi немедленно!» Стою – хоть сквозь землю провались, а народ в автобусе Жене подпевает: «Дочка, бери, бери, тебе учиться, тебе пригодятся».

Когда Женья вышел на пенсию, дети и внуки жили уже в городе. Хозяйка Женина – Анна, красавица, рукодельница, замечательная стряпуха. Оба любили гостей – всегда и стол обильный накрывали и никогда не отпускали без подарка. Женья выкупил старый грузовик, собирался отремонтировать, чтобы разъезжать по делам на своём транспорте. Но к шестидесятилетию ему друг, хирург Валентин Никитич Волков, подарил лошадь, вернее, необъезженного жеребца. Женья всю жизнь за рулём – и запрягать-то разучился! Помог сосед, Володя Хлюстов, муж моей сестры. Он объездил жеребца, и можно было огород пахать, дров привезти. Вот и вся видимая землякам Женина жизнь.

Но была у него и другая, о которой в деревне, может, и догадывались, но наверняка знать не знали. Женья был мечтатель, фантазёр. Обыденная, будничная жизнь, в которую он был включён и которую – это надо особо отметить – явно ничем не нарушал, была расцвечена им для тайной радости души. Всё обыкновенное должно было быть хоть чуточку Женей изменено, приукрашено – тогда он бывал блаженно счастлив, как ребенок.

Как-то раз Женья позвал нас с сестрой за грибами. Ездили мы с ним почти весь день, а грибов набрали мало – столько могли бы собрать и в ближайших посадках. Зато он провёз нас по всем полям и рощам, куда мы, хоть и выросли здесь, никогда не добирались. Вывез к бывшей барской усадьбе – остались от неё заросшие ямы, огромные липы и обвалившаяся кладка фундамента. И цветы. Я в жизни таких не видывала! Среди ромашек, колокольчиков и повители росли необыкновенные, высокие, с крупными бледно-лиловыми лепестками цветы. В давние времена владелец усадьбы привез их из какой-нибудь Голландии и посадил в своём саду. И сколько бы лет ни прошло, сколько бы поколений они ни дичали, но сохранили свою непохожесть и благородную красоту. Женья упивался нашим изумлением.

За Жениным огородом – заросли дикого терновника, а вокруг – крапива и репейники выше головы. Здесь был ещё один потаённый Женин мир, о котором он рассказал мне по секрету. Однажды мне надо было побыть одной, спрятаться, и я вспомнила про этот секрет.

Незаметная тропинка вела вглубь зарослей и упиралась в шалаш. С дороги его не было видно, в эти дебри никто не заглядывал. Шалаш был устлан душистым сеном с высохшими ягодками земляники, сверху покрыт ярким лоскутным одеялом. Из-за берёзовых ребрышек шалаша выглядывали сухие веточки липового цвета, душицы, чабреца... То, что я там испытала, словами не передать. Вокруг шла обычная жизнь. От реки доносились крики мальчишек, по дороге проходили люди – я слышала их голоса буквально в пяти шагах. Где-то лаяла собака. А я была так далеко от всего этого, так недосыгаема. Защищена! Свободна! Я находилась вне времен и пространств, и ни одна живая душа на всем свете не знала о моём местопребывании.

Женя, обнаружив меня там, радостно закричал: «Тебя все ищут! А я догадался, думаю, дай пойду погляжу...» Я остановила его: «Тише, тише, а то все сбегутся. Обнаружат твой дворец». Он лукаво сказал: «Посмотри, что под одеялом с этого края». Я протянула руку и нашла в сене бутылку самогонки. «А теперь с этого...» Я достала огурцы, яблоки и конфеты. Женя побежал в огород и принёс арбуз. Это был сюрприз – арбузы у нас редко сажали, они родились маленькие и не очень сладкие. Но тайны на этом не кончились! Женя поманил меня в глубину крапивы и репейников, разбросал ветки. Я увидела небольшую, метра в два длиной, яму, наполненную водой. В воде тесно плавали и тёрлись боками крупные, жирные караси. «Это я для друга, хирурга Волкова, устроил. Он в отпуск приедет, мы с ним тут сядем и будем рыбачить», – пояснил Женя.

Как-то, ещё работая шофёром, он встретил на дороге и насажал в машину чуть ли не целый табор цыган. Мало того, он привез их к себе домой ночевать. Жена Анна всех накормила, спать уложила, утром ещё дала с собой еды и тёплых вещей. Цыгане уговорили Женю купить у них задёшево куртку из искусственной кожи. Потом, правда, на рынке Женя увидел такую же вдвое дешевле, но всё равно остался доволен приключением.

Для разнообразия жизни Женя любил иногда переставлять в слова ударения. Как-то у них были гости, и он принёс со двора запасную скамейку. На него замахали руками: «Зачем?» Он ответил: «Пусть стоит на всякий случай на просторе». Ну чистый Платонов: «На просторе на всякий случай стояла скамейка...»

Подаренного жеребца Женя назвал Гришей. Гриша оказался норовистым – мог встать посреди дороги и трогался с места когда ему вздумается. Женя никак не решался стегнуть его по крупу хворостиной. Сидел в телеге или в санях и ждал, когда Гриша надумает двигаться дальше. Деревня стоит высоко, все окрестности видны. Кто-нибудь спросит: «Что это там на спуске лошадь застряла? Полчаса стоит», а ему отвечают: «Да это Женя за дровами на Грише поехал».

Чтобы не будоражить деревню, Женя никогда не скажет: «Прогуляюсь по полям, душа затосковала». Этого не поймут и, может быть, даже не простят. Поэтому он говорил: «Надо дровишек привезти, видал, в посадках много сухих берёзок валяется». Или: «Я в лесу одну опушку обкосил, надо сено до дождя

собрать». А сам – к первым подберезовикам, к первым ягодкам лесной клубники, к первым стручкам зелёного гороха. Искушает своего Гришу в каких-то никому не ведомых полевых озерцах, порадует заповедным местам, а потом кинет в телегу охапку сена – не просто так ездил, а по делу. Вот народ и не осудит за странные фантазии. Не скажут: «чудной», а отметят: «Работающий мужик, хозяин, всё в дом».

К своему семидесятилетию Евгений Серафимович Сложеникин посадил на огороде семьдесят молодых дубков, березок и лип: «Стану совсем старым, не смогу далеко передвигаться, и будет у меня в огороде свой лес, свои грибы и ягоды, и птицы лесные прилетят». До первых грибов он дожил, а старым так и не стал. Пока жена была в больнице, взял он ножовку, топорик, и пошел к реке, нарубить колышков для ограды. Там его и нашли – у любимой реки, на снегу, с его рабочими инструментами наизготовку.

КОЛЯ

Это мечтатель другого, нынешнего поколения. Тоже из крепкой, хозяйственной семьи. Тоже шофёр. Может, просторы и дороги так влияют на воображение?

Коля с детства любил читать книжки. Когда я приносила в школьную библиотеку стопки книг, собранные моими друзьями, учителя говорили: «Ну, это для Коли подарок. Недели на две ему читать хватит». Я стала подбирать книги специально для него. Он и родителей тормозил: «Купите!» Собралась у него целая домашняя библиотека.

А тут его в армию забрали, на Дальний Восток. В Колиных письмах родителям были два объекта для беспокойства: щенок, которого он оставил совсем маленьким, и книги. Он боялся, что в его отсутствие их растеряют.

В деревне заведено: возвращается парень из армии – надо его женить. К этому времени невест в деревне оказалось меньше, чем женихов. К тому же Коля повёл себя необычно: не травил по ночам анекдоты на дубочках, не просил у матери на бутылку, не оглашал окрестности пьяным матерком. Чаще всего он вечерами читал или слушал музыку дома. И днём не болтался неприкаянно по улице, ища компанию. Как ни посмотришь: то они с отцом в тракторе копаются, то дрова пилят, то овощи поливают, то сарайчик строят.

Родители купили Коле ружье, и он уходил побродить по полям и болотцам, приносил то зайца, то куропатку. Как-то раз, возвратясь с охоты, собрал малышей, увел их в овраг за огородами и зажарил для них на костре дикую утку. Рассказывал им какие-то истории из книжек и из жизни. Ребятишки были довольны – такое приключение! Когда они дома захлёб делились впечатлениями, им запретили такие походы. Не поняли взрослые добрых Колиных побуждений.

Пробовал Коля пожить в городе, нашли ему там работу. Но вернулся. Нравится ему в деревне! Старший брат его работает в Москве, недавно пригнал из столицы и поставил у дома «Москвич» – подарок Коле. Невесты подросли, но не хотят за Колю замуж. Как-то мать одной из них жаловалась мне: «Нашла себе

пьяницу, у него послушать нечего – один мат». Говорю несчастной матери: «А вот Коля хороший парень. Будь у меня дочь – с радостью отдала бы за него». Женщина замялась: «Да ну... он какой-то...» – «Какой?» – «Не как все» – «Но ведь лучше, чем все!» Молчание.

У Коли нет житейской мудрости и Жениной игры-хитринки – притвориться, подладиться, поменять окраску под цвет окружающей среды. А может, ему это и не нужно? Другое время, другое поколение. Он молод, здоров и умён. Он свободен и независим. Никому не навязывая свой образ жизни, он его ни от кого и не скрывает: такой вот я. Есть что-то очень привлекательное в этом его «праве на самоопределение». Но укоренённая в своих правилах и привычках деревня не любит, когда «не как все».

Удастся ли Коле выправить этот крен в общественном сознании? Заставит ли он деревню смириться? По крайней мере, не осуждать его? А вдруг случится такое, что начнут матери и отцы ставить его в пример дочкам и сынкам: «Вы посмотрите на Колю...»

Стоп, стоп! Кажется, я размечталась... Хотя – почему бы и не помечтать? Много позже, когда никого из нас не будет уже на свете, что расскажут своим детям потомки? Кого они вспомнят из родной деревни (города, страны)? Думаю, самыми яркими будут рассказы о чудаках, фантазёрах и романтиках. А их по России – мно-о-ого!

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

Каюсь, я украла заголовок, но другого для этих записок не подберёшь, и да простит меня покойный Иван Сергеевич Тургенев! Но это мой месяц, в моей деревне.

В пятнадцать лет уехав отсюда, я возвращалась только наездами, налётами, на несколько дней, на неделю: помочь маме убрать картошку, сходить за яблоками с заброшенный совхозный сад, набрать гостинцев и умчаться в город. Там – работа, дом, две тоненькие книжечки стихов, а вокруг – споры о политике, демонстрации, перевороты и Бог знает что! Девяностые годы!

Не перестаю удивляться: как я попала в этот город, к этим людям, с которыми я встречаюсь, разговариваю? Наверное, глупо, что в мои почти сорок лет меня это удивляет. Но я деревенский человек, моя мама окончила четыре класса, и я как будто живу чью-то чужую жизнь, не предназначенную мне ни судьбой, ни родителями, ни традициями – ничем.

И вот уже месяц я живу в деревне, в старом мамином доме, одна, потому что мама в больнице. Деревенские жители не знают ни обследований, ни консультаций, ни диспансеризаций. Они работают, тянутся, рвутся до последнего – и попадают в больницу, когда уже край, когда всё изношено и разрушено, и – бедные сельские доктора, к которым «только попади, не вырвешься», – чаще всего уже не возвращаются домой или возвращаются умирать.

И вот я живу здесь. Смотрю в окошко на проходящих людей, которых я почти забыла, а память вдруг подсказывает: «Лёня Черняк», «Зинка Якова

Иваныча», «Чуркач», «Маруся Волина». Это всё пожилые люди, а всплывают имена и прозвища, которыми их называли в дни моего детства.

Жизнь в деревне начинается с весны. Я научилась отличать семена моркови от семян петрушки, я вспомнила, как сажать капусту и помидоры, я сама прорастила рассаду. У меня в палисаднике уже большой лук и скоро будет своя редиска.

Я знаю, чем кормить кур, почём на рынке поросята, сколько бутылок водки директор совхоза поставил трактористам после посевной. Один из них после удивлялся, откуда на нём столько синяков, а ему объясняли, что, приводя в чувство, его окунали в речку и ставили с ног на голову нетрезвыми руками. Маленького, тщедушного агронома, запивающего каждую посевную и уборочную, директор, в очередной раз застав под мостиком в компании двух трактористов, просто взял мощной рукой за шкуру и прополоскал в реке как тряпку.

Я знаю, что дают в нагрузку к водке в магазине (к бутылке – десять пакетов горчичной приправы или пять пачек промокших папирос), в какие дни работает общественная баня, я вижу, сколько получают пенсионеры и сколько – доярки и трактористы (меньше, чем пенсионеры). Я наблюдаю, как загружают в багажники приехавшим из города гостям сыр, творог, масло, мясо, а те взамен выпускают из кабинок детей – на каникулы к бабушкам и дедушкам.

Без своего хозяйства просто не прожить, и почти в каждом дворе – поросята, коровы, овцы. Самые активные в этом смысле жители только что отстроенного и заселенного посёлка Израиль (официальное название – посёлок Молодежный). Съехавшиеся из разных концов бывшего Советского Союза новосёлы за короткий срок раскопали участки земли, выкорчевали пни, насадили всякой всячины, завели уток, гусей, кур. Выкупив у совхоза по божеской цене коттеджи, они, кажется, собираются обосноваться здесь надолго, вызывая у старожилов чувство неудовольствия и зависти за почти бесплатные хоромы.

В деревне нет церкви. Перед праздниками я слышу, как служат собравшиеся у кого-нибудь в доме старушки. Есть в деревне и баптисты. Так получается, что баптисты иногда приходят послушать православную службу, а у православных возникает искушение спеть понравившийся баптистский гимн. Протестантские проповедники добрались однажды и до нашей деревни, но не произвели должного впечатления пением и танцами под стереоустановку. Сконфуженные старушки разошлись по домам, прихватив все же дарёные протестантские Библии.

Я заново учусь складывать фигу в кармане, прикусывать кончик языка и читать про себя молитву, если навстречу попадает какая-нибудь старуха, которая «знает». По-моему, со времён моего детства число «знающих» увеличилось. Причём каждая из них кивает на другую: «Ты с ней поаккуратнее, она «знает». Из рук у неё не бери ничего, а то заболеешь».

Мужики ругают власть и, матерясь по-страшному, мечтают: «Повесить бы их всех!»

Нет тут ни роздыха, ни продыха. Работа, работа, работа... с утра до ночи, с зари до зари. Но я втягиваюсь, и – сколько оттенков у этого однообразия! Вот огороды вспахали, вот огурцы взошли, вот курушка села – значит, будут цыплята.

Вот земля высохла, ветер гоняет пыль по улице, как по рукаву. А вот прошёл, наконец, дождь, и руки могут отдохнуть от поливки.

Как мне привыкнуть к их характерам! Зашли мамины куры на соседский огород, а соседка, меня не видя, бросает в них комьями земли и бормочет: «Свой огород есть, а они на мой бегут. Чтоб тебе там не воскреснуть (это о маме!)» Тёмная кровь ударяет в голову, и хочется подбежать, встряхнуть эту бабку и закричать: «Сколько ты сама жить собираешься, ведьма старая? Ты же ходишь Богу молиться!» Но я прячусь, чтобы она меня не заметила, и топлю всё в себе, и читаю молитву. Я учусь терпению и прощению, я нахожу ей оправдание: «Это она не со зла, вгорячах...» А наутро она как ни в чём не бывало спрашивает: «Как там матери-то, не полегче?» Я опускаю глаза, проходя мимо, и отвечаю: «Полегче».

А с другой стороны, уехала в больницу к маме, возвращаюсь – огород посажен. Сбежались бабы со всего конца деревни и посадили без меня заранее подготовленную картошку. Выхожу из автобуса, они ко мне: «Как там мать? Огород мы посадили». Я: «Вот спасибо! Ну, теперь пойдёмте ко мне, на магарыч». Они: «Нет, мы уж с отделкой выпили, отметили».

На днях пришли: «Нина, не дай Бог, что случись, водка дорогая, тебе какой расход. Купи сахарку, мы тут по домам бражки затрём, самогонка – она ещё лучше водки, литров двадцать на поминки хватит. А Бог милует, она ведь сколько хочешь простоит, ей ничего не сделается, и в хозяйстве всегда нужна». Советуют: «Обмахальники на похороны будешь раздавать, полотенцами и платками давай, а отрезы побереги, материя теперь дорогая, тебе самой пригодится».

И опять благодарю, и киваю, и терплю. Как всё просто! Как всё далеко от того, чем я жила!

Сидим вечером на дубочках, дожидаемся, когда стадо пригонят, и говорим-то вроде ни о чём, а разговор тянется, наматывается, как нитка на веретено. Подойдёт какая-нибудь дачница, вмешается – не то. Неинтересно, скучно, о пустом. Так и рассыпается разговор, и мы замолкаем.

И я расту в эту землю, в эту жизнь, прихожу в себя. И страшно (останься здесь – повешусь), и хорошо (может, остаться?). Возвращаются ко мне понятия, о которых в последние годы и говорить-то было неприлично, да и сейчас писать непривычно и стеснительно: родина, русские...

Я сейчас много думаю о вере, о Боге, я каждый вечер перед сном становлюсь на колени и молюсь о мамином здоровье. В городе всего было много: журналы, газеты, телевидение, походы в церковь, проповедники... А в приближении к Богу хочется тишины и уединения, надо укрыться от всех, подумать без суеты. И здесь я могу помолиться и что-то понять и простить. И, может быть, Бог обратится в мою сторону. Здесь, в деревне, я очень чувствую Его присутствие. Жизнь моя грешна, но бывают минуты, да, бывают такие минуты, когда Он близко. Возможно, вернувшись в город, я смогу изменить свою жизнь, и тогда – кто знает! – возможно, что-то изменится и вокруг меня.

ЧЁРНОЕ – БЕЛОЕ

Зарисовки

* * *

Её муж умер в прошлом году. За ней приехал сын – забрать в город. Опираясь на палочку, она несколько дней ходила по домам – прощалась с деревней. Пришла в магазин. Народу не было, она пододвинула стул к прилавку и долго разговаривала с продавщицей: «Как же я не хочу ехать! Если бы я не была глухая... А так – мало ли, всё сгорит, а я не услышу». Когда собрались покупатели, она отодвинула стул к печке, закрыла лицо ладонью и так, уткнувшись седой головой в печку, долго сидела. Во дворе её было шумно: резали кур, что-то доставали из погреба, загружали багажник машины. Утром пришли попрощаться родственники, один из них отвязал и увел собаку. Собрались бабы. Я не видела, как она уезжала. Проходя мимо её дома, обратила внимание: на завалинке, у каждого из окон кухни, сидели две кошки. О них забыли, и, застыв, они молча вбирали последнее тепло опустевшего дома.

* * *

Я купила дом посреди деревни, но стоящий как бы на отшибе, слегка отодвинутый из ровного ряда остальных домов вглубь. Ко мне приходила сестра: то молочка принести, то просто поболтать. За ней всё увязывался их пёс Рекс. Я его баловала колбаской, а он в благодарность оставался на ночь возле моего дома, сторожил. За ним и соседская дворняга стала бегать. Если кто ночью пройдёт по улице – поднимают лай. Но вот я уехала, а Рекс как всегда прибежал и улёгся сторожить моё крыльцо. Утром сестре говорят: «Не ваша собака в овраге валяется?» Посмотрели: от порога моего дома тянется кровавый след, а в луже на дне оврага лежит Рекс с дырками в боку. Расстояние между ранками – ровно по ширине зубьев вил.

* * *

Семья пьёт давно, много лет. Мужа однажды забрали в милицию, а когда отпустили, он на радостях напился одеколона и, добираясь пешком домой, замёрз на дороге. Жена вначале скрывала, что пьёт. В запойные дни она прятала лицо, закутывала его платком, прикрывала рукой: «Болею». Это стало приметой. Когда она проходила так, бочком, с закутанным лицом, бабы сразу определяли: опять «заболела». Вернулся из города сын. Теперь они пьют вдвоём, и он стал таким же

худым и черным. Запой длятся неделями, и в такие дни в избу невозможно войти – не продохнуть! До нынешнего года держали корову. Бывало, не поенная и не доенная, она часами ревела на всю деревню. Сейчас корову зарезали. Осталась собака. Дачники, живущие по соседству, подкармливали её, но они уехали на зиму в город. И теперь она так страшно воет и воет по ночам...

* * *

Она подошла поболтать к бабам, сидящим на скамеечке. На ней была латанная-перелатанная телогрейка, из рваного рукава торчали клочья старой ваты. Кто-то из баб укорил: «Да что это ты уж такую фуфайку-то страшную надела?» Она искренне возмутилась: «А я что ли виновата?» – «Ну а кто же?» – «Ельцин. Пусть пенсию отдаст, я себе новую куплю».

* * *

Пришла девчонка в магазин, купила шоколадку, стала расплачиваться. Продавщица спрашивает: «Что, опять дед денег дал?» Девчонка смутилась: «Ну тётъ Валь, откуда ты знаешь?» Та смеётся: «Я всё знаю», и поясняет: «Пахнут как дедовы». Она все стариковские деньги, если они у них полежали, по запаху различает.

* * *

Он работает на ферме, кормит совхозных быков. Зарплату в совхозе не платят три года, но у него есть вполне легальный гонорар, выраженный в поллитрах. Загуляла у кого-нибудь в деревне корова, надо вести к быку. Конечно, за то, что бык покроет корову, плата не предусмотрена. Но не у каждого мужика хватит смелости самому войти за перегородку. Вот тут-то и наступает его звёздный час. Даже его родной дядя, с которым они были в затяжной ссоре, не смог обойтись без помощи племянника, хотя и сам работал на ферме. Подошел, глядя в сторону, сквозь зубы произнес: «Нельзя ли нашу тёлочку привести к вашему бычку?» На что этот задира и матерщинник вежливо, в тон, ответил: «Отчего же нельзя? Только вы порядок знаете? Подготовьте что положено». «Да не беспокойтесь, будет магарыч». «И закусочку, будьте любезны, не забудьте...»

Их завезли в деревню яйцами. Вернее, завезли в Израиль, новый поселок для переселенцев. Так вот, из яиц, подложенных под уток, вывелись невиданные доселе в Погореловке птицы со странным названием – индоутки. У моей сестры их высидела курица-наседка. Наблюдать за ними – что смотреть захватывающий фильм. Сколько бы не было у них утят, они всё делают синхронно. Шагая ровно в затылок друг другу, они одновременно поднимают лапки, одновременно вытягивают шеи, одновременно останавливаются. Под себя не наследят: попятятся, отстрелят помёт и продолжают вышагивать в ногу, словно под музыку. Но вот они устали. Отдыхают как кочевники, со всеми мерами предосторожности: один утенок в центре, остальные круговой обороной вокруг.

Взрослые индоутки не менее забавны. Если их больше одной – завораживает синхронный танец их вытянутых шей, одновременно переступающих лапок. Но вряд ли у них есть будущее в нашей деревне. Слишком много хлопот с этими путешественниками по чужим дворам. Останется неразгаданной тайна диковинных птиц. Куда привычнее куры – без фокусов.

КУРИЦА – НЕ ПТИЦА?

Признаться, я и сама всерьёз не относилась к этим созданиям природы. Другое дело – лебединая верность, соловьиное пение или стремительный ласточкин полёт... А что куры? Выйдешь во двор – и вот они начинают бестолково метаться, суматошно кудахтать – только перья летят.

Но однажды пришлось мне остаться одной на хозяйстве. И, надо сказать, с тех пор я совершенно переменила к ним отношение.

Петухов во дворе было два – старый и молодой. Станешь сыпать корм, они друг друга оттирают, каждый норовит своих кур поближе подтолкнуть. Тронет клювом зернышко, покажет – клюй, мол, да порасторопней! Так и приходилось их по углам разводить, в разных местах корм сыпать.

Молодой петух побойчее был, позадиристей, но у старого куры лучше неслись. Я потом поняла, почему.

В сарае было всего несколько гнёзд, и неслись куры по очереди. Редко какая уронит яйцо в неподобающем месте. Вот идёт курица к гнезду, несёт себя важно, деловито и приглушённо выговаривает: «Кудах-тах-тах...» Её старый петух провожает: «Ко-ко-ко...» – мол, поосторожней там. Посидит она в гнезде, снесёт яичко и с шумом вылетает во двор, гордо и звонко оповещая о случившемся. А старый петух тут как тут, молодцом около неё похаживает: «Ко-ко-ко!» – хвалю, мол, постаралась. Такой ухажёр внимательный, не то что молодой. Глядь, а через пять минут он уже следующую несушку к гнезду так же заботливо провожает!

Но и это не всё, что меня поразило в домашних птицах. По весне некоторые курицы перестают нестись, кудахтать начинают как-то по-особенному, как будто у них в горле погремушка. С гнезда не сходят. Таковую наседку, или «курушку», как говорят в деревне, сажают отдельно, подкладывают под неё свежие яйца. И вот сидит она на яйцах, греет их своими тёплыми пёрышками, переворачивает. Редко сойдет с гнезда – попить водицы, поклевать зёрнышек, – и

опять скорее на гнездо, чтобы яйца не остывали. Через три недели можно ожидать цыпляток.

Вот вижу я – сидит и сидит курица в сарае, только голова из гнезда торчит, и поняла: готовится стать матерью. Соорудила ей в отдельном закутке гнёздышко из соломы, положила яйца, воду поставила, зерна насыпала. И думаю: как же я перенесу её туда? Сейчас подойду – она вылетит и начнёт заполошно метаться по всему двору. Подхожу тихо – сидит. Тяну руки, сама боюсь: сейчас закудахчет... А она замерла, бедная. Я руками крылья сжала, чтобы удержать её, и чувствую, как под моими ладонями её сердечко от страха бьётся. Но вот что значит материнский инстинкт! Ради будущих деток она этот страх свой панический в себе перетерпела. Посадила я её на гнездо и дверь прикрыла. Заходила к ней раз в день: воды свежей налить, зёрнышек подсыпать. Как ни войду – сидит и головы не повернёт. Ест мало, пьёт мало...

А когда запищали под ней цыплята, сползла она со своего гнезда. И я ахнула: так она грела этих цыпляток, так переворачивала, что оголились её крылья, словно прутья. И все пёрышки на животе стёрлись до кожи.

Вот оно какое непростое – это куриное материнское счастье!

ИСТОРИЯ НАШЕЙ БОЛЕЗНИ

По ночам мы с сестрой по очереди дежури́м в больничной палате у постели умирающей мамы. Её не назовешь палатой для тяжелобольных, хотя из десяти её обитателей нормально передвигаться могут лишь двое-трое. Сюда не мчатся по первому зову врачи, около дверей не толпятся родственники, а тумбочки больных хранят пустоту и, в лучшем случае, остатки обеденного хлеба. Таблетка обезболивающего, таблетка снотворного – вот всё, что могут выделить на всю палату на ночь дежурные врачи. На столе – чайник с водой. Не с кипячёной, нет, просто с водой. Её санитарки носят вёдрами из ближайшей колонки для всей больницы, наполняя ванну в приемном покое, тазы, неподъемные баки.

По утрам, отдежурив, я умываюсь только в мамином доме, прошагав по зимней дороге десяток километров. Уж, кажется, ко всему привыкла, но не могу чистить зубы и умываться из бачка, в который, возможно, сходил по малой нужде кто-нибудь из больных, не успевший добрести до туалета. Я своими глазами видела подобное действие, но что взять с полубезумной старухи! Судна здесь – дефицит, да и те, что есть, – старые, с ржавыми, зазубренными краями. Какие муки испытывают больные, когда худенькая санитарка двигает такую посудину под неподвижное тело и острые края царапают пролежни! На ночь у дверей палаты ставят ведро.

Утром больных ждёт завтрак – размазанная по тарелке каша на воде, чуть забелённая молоком. Нет, не крала повариха мясо на кухне! Она молочко-то, кашу забелить, по доброте душевной от своей коровки принесла. И денег на питание никто не прикарманивал. Их ведь никто и не выделял. Поехала заведующая больницей по окрестным совхозам, насоби́рала, что Бог послал. Один

директор отсыпал гречихи непровеянной, другой – пшена, третий масла подсолнечного налил. И на том спасибо. Небогаты хозяйства, зарплаты для своих рабочих – и то нет.

Во всех палатах больные меняются, долго не задерживаются, особо тяжёлых везут в район. И только в этой палате состав почти неизменен.

А лежат здесь они, дорогие, драгоценные, слава и гордость России, многотерпеливые наши матери. Война отняла у них мужей – и тех, что были, и тех, что могли быть. Государству они сами отдали и молодость, и всю свою силушку на доблестный труд. И детей у них отняли, вернее, они сами, по своей воле и любви, отправили их в город за лучшей жизнью.

И вот они здесь. У каждой за жизнь накопилось множество болячек, но главные причины – старость, одиночество, бедность и немощь. Одной из них нечем зимой топить печь, другой – некому подать воды, третью избивает сын-алкоголик, у четвёртой дом развалился...

Лежат они, на всё согласные, смирились, что нет лекарств, не ропщут из боязни оказаться вне этих стен. Лишь бы оставили здесь, лишь бы кто подошёл и сказал доброе слово, обратил внимание, да и просто постоял у кровати.

Несколько бабушек так и остались для меня безымянными, хотя я провела рядом с ними полтора месяца. Никто их не навещал, им не назначали никакого лечения, их не окликали по имени, и никто и ни за чем к ним не обращался.

Одна из таких бабушек – моя соседка. Её кровать стоит вплотную к моей (заведующая выделила нам с сестрой койко-место для ночных дежурств), за деревянной перегородкой. У бабушки склероз. Она не только никого не помнит и не узнаёт, но даже не знает, что делала минуту назад. Когда санитарка начинает мыть пол в палате, у моей соседки срабатывает рефлекс, и она шлёпает к дверям по нужде в огромных неподшитых валенках. Вернувшись, снимает валенки и прячет под подушку. Через минуту забывает, что выходила, и опять передвигает валенки к двери. Санитарка привычно и беззлобно ворчит, и тогда она выпрямляет спину и требовательно, басом, вопрошает: «Что я – не человек?» Она не помнит, где её кровать, ложка, и когда я показываю ей рукой: вот кровать, там – ложка, она всегда баском благодарит: «Спасибо».

На 8 Марта я положила им всем на тумбочки скромные гостинцы, пожелала доброго здоровья. Через некоторое время она начинает угощать всех, с гордостью говорит: «Меня приходили проведать, вот, гостинцы принесли». Когда-то, видимо, такое случалось, и в её тёмном сознании мелькнуло воспоминание. Её соседка справа, громогласная Шура, смеётся: «Да кто к тебе приходил? Это вон Нина положила», а она возражает, как всегда: «Что я – не человек?» Она всё время голодна, не может побороть себя и постоянно тянется к тумбочке. Тумбочка у них с Шурой на двоих, и у Шуры там бывают кое-какие припасы. У них из-за этого частенько случаются перебранки. Ночью, когда все спят, она вдруг в темноте громко и требовательно восклицает: «Хлеба! Дайте мне хлеба!» Я торопливо сую ей в руку что-нибудь из маминой тумбочки, и она затихает. Но под утро вдруг стонет – так тонко, по-детски, – что становится не по себе.

Перед сном они молятся, каждая в своём уголке, на своей кровати, и моя соседка тоже шепчет молитву, и я слышу, как она заученно и чётко выговаривает:

«Пресвятая Троица, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святый, посети и исцели немощи наша имене Твоего ради».

Ещё одна бабуля, тоже, увы, безымянная, всё время молча лежит в углу, завернувшись в одеяло. У неё повышенное давление. Когда подступает головная боль, она начинает стонать, зовет врачей. Те не очень-то охотно подходят. Спрашиваю: «Неужели нельзя ничем помочь?» Разводят руками: «Нет таблеток. Аптеки перестали отпускать в кредит». Когда стоны становятся слишком громкими, подходит дежурная медсестра: «Ну что ты кричишь?» – «Голова раскалывается, дочка. Меня тошнит». Санитарка ставит к кровати ведро: «Блюй!»

Напротив меня – кровать бабы Ани. Каждый раз, когда я на ночь закутываю ей ноги одеялом, она спрашивает: «Как твою маму зовут?» – «Анна». – «Ну я за неё помолюсь». Бабе Ане 92 года. У неё ничего не болит. Просто она очень долго живёт на свете, и кости устали двигаться. К ней как бы и незачем подходить, но ей тоже хочется внимания! Она подзывает санитарку или медсестру: «Поди-ка сюда», – и суёт в карман пару карамелек. Те, понимая, какое-то время постоят около неё, разговаривая. Но тут их зовут поправить одеяло, подать воды или подвинуть табуретку, – скорее из ревностного чувства, чем из необходимости.

Я уже упоминала Шуру. Ей за семьдесят. Она продала дом в деревне и зимует в больнице, сюда же ей переводят пенсию. Она недослышит и потому кричит, каждый раз пугая окружающих. Чаще всего она ворчит на соседку, которая норовит или сходить на её судно, или покопаться в тумбочке в поисках еды. Однажды Шура даже огрела соседку палкой так, что палка переломилась. Та выпрямилась и пошла на обидчицу с поднятыми руками. Я вскочила: «Да что вы делаете! Вы же обе еле ходите!»

Как-то Шура нечаянно упала, разбила копчик, и я смазываю его на ночь мазью. Вечерами, когда я шагаю из Погореловки в больницу, она поджидает меня, спрашивает у мамы: «Скоро мой доктор-то придёт?» Когда в первый раз она приподняла к плечам свой серый сатиновый халат, я поразились: у Шуры оказалась необыкновенно красивая спина, тонкая, изящная, совсем не крестьянская, почти девичья.

К весне Шура всем надоела раздражающими криками, её выписали. Она в момент собрала свои узлы. Но ещё пару дней провела в больнице – не с кем было доехать. Потом я проводила её на автобус.

Полина лежит здесь пятый год. Какой-то лихач сбил её на автомобиле, и теперь у неё вместо рук и ног – культя. Днём она сидит, обложенная подушками, ночью ворочается и стонет во сне. У неё приличная пенсия. И санитарки покупают ей на рынке продукты и лекарства.

О, эти санитарки! Они напоминают мне тех, военного времени, о которых написаны книги и сняты фильмы. Мне приходилось бывать и в городских больницах. Труд санитарок тяжёл везде. Но здесь они особенные. Никто не суёт им ни шоколадок, ни денег, чтобы получить чистую простыню или попросить горячей воды (что взять с немощных старух!). Но они так добросовестно и милосердно поднимают отяжелевшие тела, перестилают бельё, кормят, моют, бегают за продуктами, пишут письма, носят судна, рассказывают новости, успокаивают, и уж, конечно, это совсем не окупается их мизерной зарплатой, но

ни разу я не слышала от них раздражённых или злых слов по отношению к больным. Господь зачтёт их милосердную доброту.

Среди старушек есть одна больная, Наташа, которой всего 24 года. Она оказалась здесь, думаю, по той же причине неприкаянности, бездомности и одиночества. Её мать, алкоголичку, нашли мёртвой в реке. Когда девочку забрали в город родственники, она упала (или выбросилась?) с пятого этажа, но осталась жива и даже не покалечилась. Несколько лет назад её зверски изнасиловали четверо выродков, в больнице думали, что она не выживет, но она опять осталась жива. Теперь попала в больницу, потому что, будучи пьяной, обморозила ноги. У неё эпилепсия, припадки повторяются всё чаще. Падая, в кровь разбила губы. Сами врачи уже ропщут: срочно нужны уколы, а их нет. Наташа курит почёрному моршанскую «Приму». В палате она одна из немногих ходячих, её постоянно зовут на помощь. Она никому не отказывает, говорит: «Я не брезгливая, я за матерью пьяной всегда ухаживала». У неё приятный голос. Когда в палате появляется новый человек, она подходит и, проникновенно глядя в глаза, спрашивает: «Хотите, я вам спою?» И поёт старинную песню о несчастной любви, которую когда-то ей пела мать. Иногда она подворовывает продукты у Полины или деньги у тех, чьи пенсии приносят в больницу. Все помалкивают, ведь она им необходима! Кто-то всё-таки жалуется заведующей, и та выговаривает ей: «Будешь так себя вести, выпишем и отправим в дом престарелых». Наташа равнодушно отвечает: «Мне всё равно. Хуже не будет».

Вот так и живут они здесь. И при всем при том я боюсь даже представить, что было бы с ними, не найдись им места в этой плохо отапливаемой, голодной и неимущей больнице.

Мама умерла в апреле, под Благовещение. Муж сестры Володя нашёл грузовую машину, в больнице уговорили дать нам на время носилки. В непролазной грязи невозможно было проехать, и машина остановилась наверху, у магазина, и маму несли до дома по погореловской улице на носилках.

На девятый день мы с сестрой после церкви пришли в больницу, в мамину палату, и разложили по тумбочкам поминальные блины, платки, ещё что-то... Мы были в чёрном, и нас никто, кроме Наташи, не узнал. Я увидела Шуру, которую сама незадолго до этого провожала на автобус. Своего дома у неё не было, с соседями по деревне она не сговорилась, чтобы пустили пожить, и, вернувшись в больницу, заняла своё привычное место...

А ЖИЗНЬ ОБЕЩАЛА БЫТЬ...

Иду по своей родной Погореловке, и в глаза бросаются скособоченные сарайчики, кривые изгороди, комья грязи до порога, ржавые железки у домов. Однообразные палисадники с чахлыми кустами сирени и огороды, сплошь усаженные одной картошкой. Приподнять плетень, посыпать песком дорожку, прибить оторванный наличник – на это ещё есть силы. Но ведь прежде надо увидеть...

Такая же картина в соседних деревнях – Грязновке, Замараевке, Самодуровке. Эпоха всяческих переименований не коснулась нашей глубинки. Да и какой смысл менять названия? Они не сиюминутные, не скоропортящиеся, а такие же вечные, как этот забытый Богом угол и густой, как дёготь, чернозём.

Помню, как-то после праздников повёз нас тракторист в соседнее село к автобусу. На ухабах борт тракторной тележки открылся, и пассажиры как горох посыпались в огромную, глубочайшую лужу. С ног до головы в жидкой грязи, даже не могли узнать друг друга: «Ты кто?» – «А ты кто?» Один парень потерял сапог, другой – фотоаппарат, а третий так и не нашёл, не выловил рюкзак с утками, которых отец нарезал ему с собой в город.

Город... Не от этой ли беспросветности, грязи и бессрочного, непрерывного труда родители, как только появилась такая возможность, выпихнули нас туда в поисках лучшей доли? Кого на учёбу («выучишься – человеком станешь»), а кого на фабрику («отработал свои восемь часов – и отдыхай!») или в горячий цех завода («на пенсию раньше уйдёшь»). Оторвали от себя с болью, «спасли», а сами остались доживать, дорабатывать свой век «на старом корне».

Сегодня жизнь каждого дома вращается вокруг хлева, где ждёт своего клочка сена и своего поила кое-какая живность. Без неё теперь нельзя. Это – всё! Это – пища, одежда и обувь, благополучие детей и средство к выживанию самих хозяев.

Мужики каждое утро приходят к конторе в надежде хоть на какую-нибудь работу. Бабы встают в четыре утра и спешат в потёмках к совхозному коровнику. Работают «за стаж», в доверчивой надежде дожить до пенсии. Ведь зарплату не выдают уже несколько лет. Конечно, доярки несут с фермы молоко, но как их остановишь? Ведь задаром доят совхозных коров. Мужики тянут из совхозного стожка сено – так они его сами задарма летом укладывали. Директор, уходя в отпуск и не надеясь на замки и сторожей, приказал заварить сварочным аппаратом все двери на току и на складе. Вернётся – будут резать автогенном. А ведь свою скотину надо же чем-то кормить, и без совхозного «приварка» тут не обойдёшься.

А вот дел в своем личном хозяйстве прибавилось. Одной воды скотине таскать – надорвёшься. И бабы нашли себе причину для передышки: «Маша, завтра Михайлов день, смотри, ничего не делай», «Катя, не стирай, грех! Нынче праздник – Алексей Божий человек».

Под праздник директор пригнал с завода машину водки, в счёт мифической зарплаты. И брали. Да как брали! Это всё же лучше, чем ничего. Самогонка, водка – наша вечно-горькая валюта. Сколько причин, чтобы к ней, родимой, приложиться: безработица, безденежье, безысходность, бесправие, беспредел... Одолел этот бес!

Несколько лет назад восстановили в соседнем селе церковь. Наши, деревенские, тоже стали туда ходить на службу, исповедоваться, причащаться. Некоторые из них, не понимая смысла и значения слова «причастие», говорили: «прочищаться», имея в виду очищение от грехов. Но постов не соблюдали, на исповедь являлись к концу службы. Певчие переругивались с батюшкой, за глаза

его называли не иначе как «поп». Потому что от всех этих *бес*...он тоже стал прикладываться к проклятому зелью. В конце концов его заменили.

Недавно фельдшер жаловалась: «На моём участке в этом году четырнадцать смертей». Но добавила: «Так у меня хоть рождаемость есть, а в других местах давно нет».

Собраться всем вместе стало негде. Ни клуба, ни собраний. Разве что в магазине посудачить. Да и его, похоже, скоро закроют. Каждое утро сигналият под окнами коробейники на легковушках, привозят всё необходимое прямо к дому. Берут, правда, в основном хлеб да разве что с пенсии селедочкой осолонятся. Приходится и самим в город ездить, благо для пенсионеров пока проезд бесплатный. Спрашиваю: «Ну вот зачем эта бабуля всё в Моршанск ездит, с больными-то ногами?» Мне поясняют: «Она с лета не может за шкуры деньги получить, вот и ездит. А Женя сдал шестьдесят килограммов шерсти, так ему даже на шапку денег не хватило».

«В этой деревне огни не погашены...» - написал поэт Николай Рубцов несколько десятилетий назад. А чуть позже другой поэт, Николай Дмитриев, возразил: «А в деревне – как у самолета, даже меньше, может быть, огней». Пройдите теперь по деревне, как стемнеет, и лишь кое-где вы увидите голубеющее в темноте окно – работает телевизор. Страшновато сиять освещёнными окнами – мало ли лихих людей бродят по ночным дорогам!

Капуста с огородов, соленья из погребов, куры из сарая – такая обычная теперь для деревни пропажа! У хозяина выгребли картошку прямо из зарытой ямы – никто не видал, никто не слышал... Случилась трагедия – машина перевернулась на дороге, пострадали люди. Притащили разбитую машину к дому, а ночью с неё все колеса кто-то снял и не поморщился.

Люди боятся, но боятся обречённо, беззащитно. Зимой в соседней деревне умерла одинокая старуха. Её хватились через несколько дней. Когда вошли в дом, крысы уже успели поработать над холодным телом. И тут же, после похорон, пошли гулять по шинкам смятые купюры, пахнувшие нафталином, – ее, старухины, деньги. Сбирала понемножку, прятала, сыпала нафталин, чтобы мыши не объели. Говорят, деньги не пахнут. Смотря какие деньги! Стариковские, нищенские, пенсионные – пахнут. У каждого свой секрет оберега от мышей: у кого нафталин, у кого табак или махорка, у кого ладан. В деревне разговоры начались: «Убили. Не своей смертью померла». И знали ведь, из чьих рук деньги эти пошли, но... ни следствия, ни дознания – кому охота впутываться? Глядишь, завтра и к тебе придут.

Деревня всё ещё утопает в распутицу в жирном черноземе, но мимо неё проложили асфальтовую дорогу. Теперь гудят машины день и ночь, заворачивают сюда или с рёвом проносятся дальше. Кто? К кому? Кто подобрал после Пасхи на кладбище все веночки и цветочки? Кто увёз могильную оградку? Ищи-свищи...

Теперь даже поздно, наверное, спрашивать, кто виноват и что делать. Когда врач готов вот-вот начертать в медицинской карте: «Летальный исход», для больного уже не имеет значения, сам ли он запустил болезнь или его «залечили». Ему остаётся только исповедаться и причаститься. Случается иногда и чудо. Но разве мы молились о нём?

На последнем издыхании всё, что объединяло семьи, улицы, деревни. Иду по Погореловке с фотоаппаратом, меня ругают: «Зачем плёнку тратишь?» Говорю: «Хочу на память запечатлеть ваши лица». А мне отвечают: «Да какие теперь лица? Вот раньше были лица!» И называют по имени-отчеству давно ушедших стариков.

Что же с нами случилось? Ведь не всегда так безрадостно смотрели на изрытую дорогу поседевшие от времени, некрашенные наличники окон. Не всегда телогрейка была излюбленной одеждой баб и мужиков. И не всегда пугающее «завтра» заставляло зарываться с головой в хлев или в огород в стремлении добыть лишнюю копейку.

Словосочетание «золотое детство» я всегда понимала буквально. Мне кажется, что главным цветом, окрасившим моё детство, был золотой. В деревне много строились. Я помню запах свежего сруба, который ставили наши соседи, Холоповы, по-уличному Лапины. Мы играли среди стружек и опилок, и я не подозревала тогда, что спустя десятилетия поселюсь в этом доме. В конце августа мама привозила с огорода просяные снопы, и мы били их цепами, а потом на мельнице в мешки сыпалось золотисто-оранжевое пшено. Осенью устилали соломой кадки с соленьями, как учила бабушка, чтобы никакая плесень не покрывала плавающие под гнётом огурцы и помидоры. Тяжелыми снопами золотой соломы перекрывали старую крышу нашего дома. Иногда меня угощали кусочком сотового мёда – и янтарный мёд стекал по моим пальцам. А вдоль нашего огорода росли высокие подсолнухи и огромные жёлтые тыквы. Какое-то недолгое время у нас в хозяйстве была и корова. И мы с сестрой сбивали коровье масло, а мама топила его и застывшими золотыми кружками складывала в погреб – на страдные дни, когда силы особенно нужны.

Весной, когда становилось тепло и ветрено, бабы вытаскивали из сундуков наряды, развешивали на кольях и изгородях ткани, шали и платки, выносили пуховые перины и подушки. Ветер развеивал это яркое многоцветье – и жизнь казалась праздником.

Каждая деревня имела свое неповторимое, узнаваемое лицо. Петляющая улица придавала моей Погореловке живописную прелесть: разбросанностью домов, утопающих весной в цвету сирени, черёмухи, акаций, живостью ручьёв и высохшими тропинками, сбегаящими от домов к дороге. А в Замараевке мне нравилась ровнёшенькая улица, сплошь заросшая муравой, а летом из палисадников свисали ветки с крупными спелыми вишнями.

И мода своя была у нас. Конечно, не такая, как в городе. Но никогда наряды наших жителей не были смешными и нелепыми. Всё подбиралось любовно и со вкусом. Зимой я вставала коленками на лавку, протаивала на замёрзшем стекле глазок и смотрела, как легко шагают по снегу в валенках бабы, как ловко сидят на них плюшевые жакетки – по моде того времени. Мама много лет мечтала о такой, но так и не довелось поносить – надо было поднимать нас с сестрой.

А какое богатство языка хранила Погореловка! Не было этих универсальных «пока» и «привет», если уж здоровались, так со всем уважением: «моё почтение», «доброго здоровья». Любая травинка, любое действие и любой

предмет обихода имели своё точное и конкретное название. Существовал целый ритуал обеда, заменённый сейчас суетливым «перекусить», «перехватить».

Наверное, это и было счастье: управятся хозяева в доме, пойдут на работу, пожелают «Бог в помощь» соседям, посадят и уберут урожай, проводят детей в школу, отдадут сыновей в армию, а дочерей в жёны, дождутся внуков, миром осияют голод и недород, хором споют на свадьбе и вместе проводят человека в последний путь.

Я думаю: никогда деревенские жители не были избалованы заботой и лаской государства. Приходилось надеяться только на свои руки и свои силы. Всякое повидали и от всего, казалось, есть прививка.

Моя мама пошла работать в совхоз, окончив четыре класса. И работала почти до самой своей смерти. Что же – не оправдала себя такая пожизненная верность труду? Не было в ней смысла? Остались от мамы в наследство истёртые на сгибах почетные грамоты и благодарности, вырезки из газет, где писали о ней, и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Зачем она хранила их как самое святое, вместе со смертным узелком? И отчего же она никогда не жаловалась на свою долю, не считала себя несчастной, отчего пела её душа? Когда она была помоложе, в деревне говорили: «О, бабы с поля возвращаются. Слышите, Николаевна поёт?» И в старости никто не вынуждал её, пенсионерку, выходить на работу. А придёт бригадир: «Не успеваем картошку перебрать, выручайте». И по старой привычке подставить свои изработанные руки, кряхтя и охая, собираются пенсионерки и «выручают».

Уходят одна за другой подружки маминой молодости, которая пришлась на войну. Доживают в скособоченных избах старики. Злые, непохмелённые мужики с утра толкутся около конторы. Бабы в заляпанных телогрейках тащат скотине во двор вёдра с пойлом и фуражом. Бродят тенями по улице высланные из города их отпрыски, отвыкшие от крестьянского труда.

Какой же таинственный вирус проник в живучий народный организм, нарушил защитную систему, сшиб все балансиры так, что теперь ни с силами собраться, ни осмыслить происходящее?

С болью прочитываю я написанное – всё так. Но я не верю самой себе. Так не может быть, не должно быть! Что-то я проглядела, не увидела. И я пристальнее всматриваюсь в залитую весенним солнцем Погореловку с далёким горизонтом на все четыре стороны.

Да, той деревни, которую я вспоминаю, уже нет. Ушли старики и унесли с собой её привычки, песни, прежние горести и радости, и стали они историей. Но древнее городище около Погореловки напоминает: не десятилетиями, и даже не столетиями исчисляется эта история. Сколько раз дотла сгорала – а всё-таки уцелела! Меняется лицо Погореловки, и каким оно станет – покажет время. Но живы, живы и вспыхивают неугасимые искорки человеческой доброты.

Сколько новых людей приняла в себя деревня за последние годы! Отрицательное, насторожённое отношение («им – новые коттеджи, мебель, а нам – доживай в своих гнилушках») меняется на скептическое («а до работы в совхозе они не очень-то охочи»), затем на терпеливое и покровительственное («мы своё отработали, теперь им жить»).

Умерла женщина, армянка, беженка с Кавказа. Всея деревней деньги собрали на похороны и продукты на поминки. Проводили по-христиански. Дочь её почтальоном работала. Принесёт старикам пенсию, а те неловко суют ей мятые купюры: «Ты тут одна осталась, без родни. Возьми, дочка, пригодятся».

Приехал в деревню к матери сын. Привёз с собой женщину с детьми. И он попивает, и она. Зима наступает, а у детей ни варежек, ни носков теплых. Собрались бабы, договорились между собой и за несколько дней навязали им тёплых вещей на зиму.

И хоть давно заняты совхозные коттеджи приезжими людьми, но стали возвращаться в Погореловку здешние уроженцы – в родительские нагретые или уже остывшие гнёзда. Не всем оказался сладок «легкий» городской хлеб. И хоть отвыкла деревня от шумных праздников, но за последнее время сыграли здесь несколько свадеб. Поглядеть на полузабытое зрелище собирались все окрестные деревни. А уж чего и старожилы не помнят – из загса молодые не к столам накрытым ехали, а в церковь – венчаться.

Мужики начали потихоньку, таясь друг от друга, кодироваться от пьянства – такого сроду в деревне не было! Может, и увидят ещё трезвыми глазами окружающее и задумаются: с чего начинать, как обустроить эту новую, непривычную, но всё-таки неизбежную жизнь.

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ РОДИТЕЛИ!

Могла ли я подумать, что, совершая безобидное, доброе, как мне казалось, дело, тем самым приведу в смятение и обиду почти полдеревни?!

Задолго до Нового года мы с мужем купили целую пачку открыток – как в старое доброе время, когда, бывало, почтовые ящики ломились от поздравлений. Решили вспомнить всех – и ближнюю, и самую дальнюю родню. А к празднику попали-таки сами в Погореловку, куда ушла большая часть открыток. И тут сестра мне рассказала, что я натворила. Её свекор беспокоился о дочери от первого брака – от неё давно не было ни слуху ни духу. Почтальонка принесла открытку. Жена ему кричит: «Иди скорей, тебе весточку прислали!» Сын рядом живет, больше вестей ждать не от кого, вот он и кинулся со всех ног: «Наконец-то объявилась!» Ну и... сами понимаете. Где уж тут радость!

Соседям сестры моё поздравление почтальонка вручила на её глазах. Сослепу и не разберёшь сразу, от кого. Стали гадать: «От Тани? От Риты?» Распечатали конверт, прочитали: «А-а-а, это от Нинки...»

И так по всей деревне.

Да, глупо я поступила. Не подумала. В ворохе-то открыток и мой привет пришёлся бы кстати. А так только растравила всем душу. Не было бы моих поздравлений – и на детей обиды не было бы.

Соседи моей сестры сперва в отчаяние не впали:

- Ну раз писем нет, гляди, теперь к празднику нагрянут!

И принялись чистить снег.

Наши соседи – люди пожилые. Пока на пенсию не вышли, гости к ним часто заворачивали. И всегда стол накрыт, и блинцы хозяйка такие печет! В русской печи, на живом огне – пальчики оближешь! Никто из этого дома с пустыми руками не уезжал: с собой картошки насыплют, сала достанут, мяса отрубят, творожку завернут.

А теперь на пенсии оба, здоровья нет, хозяйства поубавилось. И гостей поубавилось. А правду сказать, вовсе перестали ездить. Видела я, как они взялись за лопаты. Да ведь в голову не пришло помочь! Думаю, дорожка есть, просто хотят размяться, на свежем воздухе побыть. В морозы-то всё больше дома сидели. А вечером вышла на улицу – они всё лопатами машут.

– Да вы что! – ахнула я, глядя на тоннель в снегу. Метров пять шириной, с дороги до дома. – Себя пожалейте!

– Ничего, – улыбаются оба, – зато теперь машина въедет, не застрянет.

– Какая машина? Вы кого ждёте?

– Мало ли... – уклончиво ответила хозяйка. Вытерла концом платка потный лоб и вздохнула.

Никто не приехал к ним ни в этот день, ни в следующий. Дорога к дому, которую за ночь присыпало снежком, была опять расчищена.

Говорю мужу сестры:

– Володя, иди позови их на вечер к нам в гости. Новый год всё-таки! Что же, они будут одни сидеть?

Соседи стали отнекиваться:

– Мы уж старые, какая мы вам компания! Какое нам гуляние!

Но под вечер Володя поинтересовался:

– Мы когда за столы садиться будем? Соседка спрашивает, к какому часу приходить. Говорит: «Мой-то уж бреется!»

Они пришли со своими фирменными блинцами, с жареными подосиновиками и – не с самогонкой, нет! Этого добра в каждом доме много. Они пришли с бутылкой водки образца 1982 года. Такие бутылки, закупленные в советское время, старики хранят в подполье на свои похороны, чтобы потом детей в расход не вводить. Я знаю. У мамы под полом тоже такие стояли – чуть присыпанные землёй, с удобными для открывания крышечками.

И не Бог весть как долго мы сидели, и не Бог весть как шумно гуляли – в доме находился маленький ребёнок, – но было как-то очень тепло и сердечно.

Провожая нас, не только сестра с мужем набили нам сумку деревенскими гостинцами. Потяжелела она и от подарков соседей.

Господи, а надо-то им было!..

Лет двадцать назад пристыдил меня мой давний товарищ, что редко матери пишу:

– Ты хоть по полстраницы посылай, но чаще, чтобы она знала, что ты жива и здорова.

Сам он писал своей матери каждый день, до самой её смерти! Наверно, поэтому я так близко к сердцу приняла его слова. А недавно, когда я была на маминой могилке, рядом остановилась женщина, наша, деревенская. Постояла, проговорила:

– Николаевна всё рассказывала, как вы часто ей письма слали. Очень она этому радовалась.

И у меня сердце толкнулось так больно и сладко, как будто я получила от мамы живой привет.

Да неправда это, что мы стали чёрствы и равнодушны. Не так! Можем же мы заплакать просто оттого, что кто-то плачет рядом. И любим. И помним. Да некогда нам в житейском хаосе опаматоваться, отступить от круговорота суеты. Неужто нам денег на конверт жалко? Да случись возможность, мы хоть за тысячи километров помчимся на родину!

Племянница, лежавшая однажды в сельской больнице, попросила меня:

– Если будешь звонить, лучше в первой половине дня. Вечером не звони.

– Почему? – удивилась я.

– Да вечером эта заставка идёт по телевизору: «Позвоните родителям!» И телефон всё время занят.

Значит, можем, если опомнимся. Если прямо перед нами поставят огромный восклицательный знак. Значит, ведь и не делом были заняты – у телевизора сидели.

Господи! А надо-то им...

ТИШИНА

«Ах, какой в деревне воздух! Как сладко тут спится! Какая тишина!» – восторгаются приезжие. А я не люблю эту тишину. Тяжело её слушать – постоянную, тёмную, глухую. Правда, поют птицы, шумит ветер, ударяют о землю капли дождя, но всё это как в поле, как в лесу. Нет звуков и запахов здоровой, полноценной деревенской жизни, которые невозможно ни с чем перепутать.

Вот утро. Голосистые петухи разбудили деревню. Звенят о подойники струи молока, хлопают двери, скрипят калитки. Пастух щёлкает кнутом, и его слышно по всей округе. Сосед заводит трактор – пора выезжать в поле. Бабы у колодца наскоро обмениваются новостями. Со звоном ударяются друг о друга оцинкованные ведра, громко обрушивается в прохладную темноту колодезная цепь. Прозрачная, отстоявшаяся за ночь вода туго ударяет в вёдра. Надо полить грядки, пока солнышко не припекло.

И шум сада под ветром, и залиvistые птичьи трели органично вплетаются в музыку нового дня. Внезапно хлынувший дождь добавляет суматохи: бабы, ахая и вскрикивая, спешно сдёргивают с веревок бельё, цыплята с писком бросаются к наседке, и та простирает над ними мягкие крылья. Ребятня весело пляшет под тёплым дождём в седой пыли, которая быстро превращается в чёрную грязь.

Наевшись, перестают повизгивать поросята во дворе. Телёнка отвели на луг, где он, позвякивая цепью, будет бодро щипать молодую травку. Лошадь напилась и фыркает, отряхивая с доброй морды последние капли. Сейчас её запрягут, и начнётся её трудовой день. Тут щенята возятся и рычат у будки, не поделив косточку, а там курица торопится к гнезду, на своё рабочее место. Только

что она заполошно кудахтала, а снесла яичко – и успокоилась, деловито бродит по двору, поклевывая зернышки, камешки, траву.

После утренних хлопот деревня ненадолго затихает. В обед бабы с подойниками потянутся за реку, к стаду, а потом, негромко переговариваясь, пройдут по деревне с полными вёдрами молока, прикрытыми марлей или чистой тряпицей. Замычит телёнок на лугу, ожидая обеденного ведра воды. Детвора, перекликаясь, потянется к речке, чтобы, хохоча и повизгивая от восторга, плескаться там до вечера, пока не вернутся с работы родители.

Вечером пригонят стадо, оно пропылит по деревне, хозяйки громко начнут выкрикивать коровьи клички: «Вечорка, Вечорка», «Ночка, Ночка», «Зорька, Зорька». Будет еще суматоха с пробежавшими мимо своего двора овцами. И опять зазвучит деревенский «оркестр»: зазвенит молоко о подойники, заплещется вода, замычат телята, загогочат гуси во дворах, начнут позвякивать цепи, заскрипят ворота. И птицы сопровождают своими вечерними мелодиями уходящий день.

Но долгий вечер еще не окончен. Молодежь соберётся на дубочках, заиграет гармошка (ну пусть уже не гармошка, а магнитофон), собаки проводят лаем позднего прохожего, и до ранней утренней зорьки в разных концах деревни будут слышаться смех, музыка, а чуткое ухо расслышит и тихие звуки поцелуев, и нежные слова признаний на рассвете.

Всё передадут деревенские звуки – и весеннюю бодрую страду в полях, и неустанные летние заботы, и тяжкие осенние хлопоты, – и всё это в согласии с природой. Журчащий первый весенний ручей приманит хозяек с деревянными вальками, которыми они будут колотить замоченные в этом ручье старые телогрейки и половики, отстирывая и прополаскивая их в мягкой, чистой снеговой воде.

Упадёт летняя ночная роса на луговые травы – «вжик, вжик» запоют косы, укладывая душистое разнотравье в валки. А станут обильно падать звёзды с ночного неба, начнут падать и яблоки в саду – наступит пора варений, солений, уборки картофеля, стрижки овец, и каждое дело нарушит тишину своими особыми звуками. Разве их все перечислишь!

Даже зимой не беззвучна деревня. Будут исходить паром на морозе утеплённые хлева, откуда донесутся хрюканье, гоготание, мычание, кудахтанье, стук копыт о деревянные настилы. Зимние детские забавы огласят улицу звонкими голосами. Визг пилы и стук топора скажут о том, как прожорливы печки. Полозья саней легко проскрипят по дорожным сугробам. Похрустывая валенками по снегу, в каждый дом зайдёт почтальонка – кому газеты, журналы, кому письмецо или открытку.

Боже мой, как узнаваемы все эти звуки, о скольком они говорят деревенскому человеку! Машина прошумела и затихла около магазина – это привезли хлеб, ещё горячий, прямо из пекарни, которая находится в соседнем селе. А если грузовик сигналит на всю деревню, значит, меняют газовые баллоны. Вот сестра, хлопоча у плиты и не поднимая головы на шум проехавшей легковушки, говорит: «Это Миша Хренков поехал в Канаду отдавать нашему деду деньги за мясо». И можно не проверять – информация достоверна на сто процентов, поскольку всё в этом деревенском мире проистекает из предыдущих действий, событий, все взаимосвязано и угадывается на слух.

Из всех звуков самые страшные – частые, тревожные удары о старый ржавый лемех, подвешенный у амбара посреди деревни. Это пожар! Люди выскакивают из домов с ведрами, баграми, бегут по направлению к зареву. Крики, команды, треск горящих стропил на крыше, звон ведер, которые по цепочке передают из рук в руки, удары багра, цепляющего брёвна. А потом, в наступившем затишье – горький, надрывный плач погорельцев.

Самые весёлые и радостные звуки – звуки осенних свадеб и праздников. Жарит, наяривает гармошка, бабы пляшут, подогревая себя выкриками: «Их, их, и-их!» Кто постарше – заводят протяжные песни, которые уносятся к небу, как дымы из труб. А рядом молодёжь под музыку, несущуюся из магнитофона, ритмично примакает ногами последнюю пожухлую траву.

«Какой тут воздух!» – полной грудью гости вдыхают ароматы луга, сладкий цветочный или горький полынный запах, который ветер приносит из степи. Но это не воздух деревни. Вместе со звуками трудовых деревенских будней и редких праздников исчезли и сопутствующие им запахи: дымка из трубы, золы, навоза, выстиранного белья, кожаной конской сбруи, нагретых валенок, парного молока, калёных семечек, пирогов из русской печки. Зимой тут можно увидеть редкие дымы над домами, редкие следы на снегу и услышать редкий собачий бр ёх, ненадолго разрывающий вязкую, тёмную ночь.

«Как сладко спится!» Да, спится хорошо. Так хорошо, что спит одинокий человек день, другой, третий – и уже не может проснуться. И некому прийти и проверить: а чего это свет горит день и ночь? А почему три дня над трубой нет дыма?

«Ах, какая тишина!» – восторгаются приезжие. Так и хочется добавить: мёртвая. Дистиллированная, нелюдимая тишина, в которой нет жизни.

И что? Вот так, на этом и закончить? Моя маленькая надежда шепчет из души: «А может, деревня просто очень устала? Может, она лишь на время так затаилась, затихла? Прислони ухо к земле: разве ты не услышишь, как её дети и внуки уже сделали к ней из города первые шаги?»

С какой радостью я выслушала бы сетования: «Называется, приехали отдохнуть! Да тут ни днём, ни ночью нет покоя». И пусть это были бы новые звуки, которых здесь ещё не слышали, но они заполнили бы собой пространство, которого здесь так много. И я сказала бы: «Слава Богу, жива Погореловка! И да продлятся её благословенные дни».

НАШ ПЕРВЫЙ ПОГОРЕЛОВСКИЙ СЕЗОН

Начали мы его в апреле, в отпуске, ещё до выхода на пенсию. Месяц расчищали территорию от трёхметрового бурьяна. И не сказать, что мы так запустили её. Нет, каждый год по приезду чистили, но – благодатный чернозём! Не передохнув, уехали увольняться с работы. Самое приятное: когда мы вернулись из Москвы, наш огород был уже вспахан и картошка посажена, аж 15 соток. Это постарались сестра с мужем. Мы кинулись навёрстывать упущенное время. Витя сначала впал в ступор: да – свобода, да – воля, да – пенсия. Но

работы – непочатый край! Что делать, с чего начинать, что сажать, что из техники и инструментов осваивать в первую очередь? Мы же столько всего наместили сделать! А как же прогулки, стихи, беседы на природе? Пришлось срочно осваивать мотоблок, пахать им землю под грядки с овощами в саду и около дома, ставить штакетник. Когда образовались ровненькие грядки, когда начали появляться на них первые всходы, ликованию нашему не было предела.

Деревня уже знала, что мы приедем, ждала нас и первое время присматривалась: что делаем, что сажаем, что покупаем в автолавке, которая приезжает дважды в неделю. Бабушка восьмидесяти с лишним лет расспрашивала Витю: «А чего ты строишь? Жалко, я слепая, не дойду до вас. А так охота посмотреть! Топор стучит, звук такой сладкий, прямо как раньше, когда я молодая была». Витя строил верстак, летний душ, колол дрова, чинил крыльцо и т.д. Я полола огород, где сорняки росли скоро, как в мультике. Потом мы растворились среди деревенских жителей, стали своими, как будто всегда тут и жили, и на нас перестали обращать внимание.

Конечно, без привычки мы уставали. Проведя день на грядках, вниз головой, я жаловалась Вите: «Кости попы болят». Он хохотал: «Там нет костей». Но однажды попытался мне помочь с прополкой и еле дополз до конца грядки. Любил повторять: «Всё болит! Но – счастливы!» Его сестра из Алтайского края затревожилась: «Береги себя!» Он успокоил: «У меня всё болит оттого, что кости расширяются! Каждое плечо на два сантиметра увеличилось! Мышцы на груди играют! Живот исчез!» И, ей-богу, какая-то доля правды в этом была.

В жару (а она наступила скоро) дважды в день поливали досыта овощные грядки, бегали под душ (вода в бочке нагревалась уже к обеду), варили домашний квас из ржаной муки. Отличный квас, с пенкой, с пузырьками, иногда с мятой. Трехведёрный бак с квасом выпивали за два-три дня. Витя вытащил в сад резиновую двухместную лодку и каждый день из шланга заполнял её водой. После обеда он плескался в ней как дельфин, читал там же и писал иногда стихи. А вот осы... они сотнями тонули в ванночках с водой, которые стояли возле дома (мы, пенсионеры, сэкономили газ, ведь заправить газовый баллон – 750 рублей, поэтому воду для всяких нужд грели не газом, а солнышком).

Начались наши с Витей праздники: Праздник цветущего ириса, Праздник первого огурца, Праздник сбора полевой клубники... Дикая клубника у нас прямо за садом, да такая, что наступишь – и под стопой ягодок тридцать погибнут. Жаль, в этом году она быстро высохла и опала, но аромат её ещё долго витал над Погореловкой, как и аромат цветущей липы из посадок, луговой полыни, чабреца.

Мечталось о путешествиях, но мечты не осуществились. Из транспорта у нас – только велосипеды и мотоблок, к которому Витя тележку выменял на сломанный мотоцикл (мы обнаружили его в гараже второго, купленного для гостей, дома). Но первая же поездка к племяннице в село Темяшево (Темяшевский чернозём признан лучшим в России, именно оттуда везут землю для подмосковных хозяйств, поставляющих экологически чистые продукты нашим доблестным правителям) окончилась плачевно. На обратном пути колёса у тележки разъехались, бензин кончился, и километров семь мы, упираясь сзади, толкали это чудо до дома. Забегая вперёд, скажу, что осенью Витя всё-таки свозил нас с сестрой на мотоблоке за яблоками и тёрном в бывший совхозный, а ныне

ничейный яблоневый сад. Из тёрна мы пытались сделать вино, но оно не бродило, и тогда мы, не мудрствуя лукаво, добавили сахара, дрожжей и выгнали банальный самогон.

Племянник на машине возил нас несколько раз на пруды – прекрасные, чистейшие, огромные рыбные пруды километрах в десяти от дома. Песочек, камыши, утки плавают и живут цапли. Там есть заброшенная бывшая барская усадьба, называется Зубков сад, развалины дома и от них три аллеи – липовая, лиственничная и берёзовая. И яблоневый сад. Всё это заросшее, запутанное и таинственное. Можно было бы ездить туда и на велосипедах, но – не в жару, ведь пока вернёшься – сварись. Зато территория наших двух усадеб, с их изломанной, странной геометрией, когда в одно закрытое место можно попасть сразу из нескольких разных мест, казалась нам почти бесконечной. Не доехали мы и до Тамбова, где нас ждала моя бывшая преподаватель истории Евгения Дмитриевна. Её подруга работала в архиве Патриархии и намеревалась многое рассказать Вите о его предках по матери – священниках Лавровых. Один из них, Витин прадед, отец Сергей, похоронен в ограде главного собора. Живы и до сих пор живут в Тамбове многие Лавровы. Но – жара...

За лето у нас выпало только два дождя. Один из них, сильнейший, июньский, с грозой, застал нас на картофельных грядках дальнего огорода. Кое-как переждали его в баньке у сестры. А придя домой, обнаружили на полу в горнице лужи, рассыпанную по избе бумагу, залитые водой телевизор и старый массивный радиоприёмник. Сыночек моей племянницы укорил: «Эх, вы, ОБЖ не изучали! Окна закрывать надо, когда из дома уходите!» Летом тучи дразнили нас, но деревню обходили стороной. В соседнем Алгасове был крестный ход – целый час верующие стояли на коленях у реки и молили Бога о дожде. У них дождь прошёл. А у нас только в августе немного побрызгало.

Если температура на улице была ниже температуры тела хотя бы на один градус, это было благо. Сварился в земле и стал прозрачным чеснок. Осыпались недозрелые крыжовник и смородина. Засохла одна из трёх яблонек, которые мы посадили в прошлом году. В самую лютую дневную жару, 47 градусов в тени, мы спасались ремонтом в доме. А когда его закончили, не могли налюбоваться: «Как чисто! Красиво! Как просторно! Не то что наша однокомнатная клетушка в городе. Как же мы уедем-то отсюда?» Начались пожары. Горел Шацкий район Рязанской области, а это почти рядом с нами. Горели торфяники возле Канады – это совсем рядом. Горели леса в соседнем лесничестве. Страшновато, скажу я вам! Слава мобильным телефонам! Перед сном и в безветрие, когда от дыма ничего не видно и в пяти шагах, созванивались, узнавая, откуда идет огонь, на случай бегства. Но Бог миловал.

С путешествиями не задалось, а вот с общением проблем не было. У моей молодой племянницы из Темяшево – муж и четверо детей, мы с ними виделись часто, и дети по очереди гостили у бабушки, а значит, и у нас – уж очень им с Витей интересно, ведь больше никто так с ними не занимается. Каких только городов и деревень они не налепили из пластилина и подсобных мелочей! Сестра с мужем заходили почти ежедневно. Когда пошли грибы, мы на их машине объездили все окрестные рощицы и посадки. Из журнала «Сельская новь», проездом, заезжала коллега, Танечка Смирнова. Приходила со своими

фирменными блинчиками Анна (если кто помнит очерк «Женя» – вдова Жени Сложеникина).

Приезжали к нам гости из райцентра Знаменка Тамбовской области: журналисты, учителя, работники книжного магазина, художник, краеведы – члены клуба любителей поэзии «Муза». Пять лет они переписывались со мной, а познакомиться не получалось, пока я не переехала жить в деревню. И вот наняли автобус и приехали, хоть и до деревни им не близко – почти 200 км в один конец. Очень тепло и красиво общались! Было живое и радостное застолье, стихи, потом водили гостей на наше древнее городище, где они активно щелкали фотоаппаратами, а Витя рассказывал им байки про то, что в этом месте зародилась индоевропейская речь, что его жена – потомок охотников на мамонтов, которых именно здесь-то и пасли. Витя их очаровал. Вскоре мы получили по почте районную газету, которая тоже называется «Сельская новь», с заметкой об этой поездке («Встреча в Погореловке»), диск с фотографиями и стихи, посвященные нам и проведённому накануне их приезда Празднику сжигания ботвы. (Подробности в Интернете, газета «Сельская новь» от 06. 10. 2010.) Также звонили нам Москва, Новосибирск, Алтайский край, Питер, Ярославль. Мы получали письма! Больше, пожалуй, никто в деревне уже не получал писем, только местную газету «Согласие» (мы её тоже выписали). Даже почтальонка удивлялась (эх, о ней бы рассказать – Шекспир отдыхает!). Так что тоски по сладким голосам друзей у нас не было – мы слышали эти голоса по телефону и читая дружественные послания от всех, кто нас не забывал.

Даже власти нас посетили – духовная и мирская, административная. По случаю зашёл в гости батюшка из соседнего села, и мы провели несколько часов в хорошей беседе. И глава сельской администрации побывала у нас – она вела перепись населения, вот и нас не забыла. Витя все шутки шутил: «А можно в графе «национальность» написать «русский мордвин»? Женщине было не до шуток (побегай-как по всем деревням!), она переспросила: «А как пишется «русский мордвин»? Через черточку? Я узнаю, можно ли так написать». И что-то черкнула в блокнотике.

Потом, уже осенью (опять забегаю вперёд, но раз уж о гостях идёт речь), приехала долгожданная дочь Вити, обещавшая этот визит ещё с апреля и на протяжении всего лета. Приехала с мужем и его приятелем (ах как Витя жаждал помощника!). Мы тут же набросились на них с перечнем работ (в течение лета этот перечень менялся, неизменной оставалась только наша надежда на помощь извне). Они, было, рьяно взялись: топорщица поломали, мозоли набили. Тут уж мы сбавили тон, поняв, что они ошалели так же, как и мы по приезду. А потом ничего, пообвыклись, сами уже находили чем заняться и признались, что и спят в деревенской тишине отлично, и всякая дурь, то бишь стрессы, из головы выветривается, и планы уже начали строить на будущий год. Убрались на усадьбе, посадили каштаны. Восхищались нашими трудами, восклицали «Ого-го!!!», когда я светила фонариком в глубину погреба и они видели ряды банок с компотами и разносолами. Конечно же, часть этих припасов мы потом утрамбовали в машину – и им в гостинец, и нам на городское пропитание.

Отдельно – о том, как Витя вписался в жизнь малочисленного деревенского коллектива. Бабки-то давно его приняли, в прежние наши приезды.

Он каждую встречную-поперечную норовил облобызать («А я думал, это наша родственница!») Подходя к автолавке, приветствовал их: «Здравствуйте, девочки!» И престарелые «девочки» с посохами (по-местному с «бадиками») буквально расцветали. Но, слыша неумолчный стук топора и жужжание пилы, даже единственный на всю деревню живой ветеран войны уточнил у меня: «Как Виктора по отчеству?» Муж сестры зашел, похвастался: «Я горжусь свояком! Его все уважают – городской, а всё делает не хуже деревенских». Когда сломалась водонапорная башня (слава Богу, уже не поливали, лето кончилось), решили привести в порядок колодец – один на полдеревни, как раз напротив нашего дома. Мужиков набралось – раз-два и обчёлся! Витя принял самое активное участие: копал ямы под столбы, обтёсывал ворот, какие-то необходимые железки у нас в хозяйстве нашёл, не отказался и от магарыча, да ещё стихи об этом написал – ну, тут уж слава о нем пошла по всей Погореловке великой!

И вот – картошка! Из всей деревни она уродилась только у нас и у моей сестры. Не потому, что мы оказались такими умельцами. Просто наши огороды в пойме реки, где более влажная земля. Кстати, там уродились даже овощи, которые я сажала семенами в землю без полива и не поливала за лето ни разу! А какие арбузы со своего огорода мы ели всё лето! Но – ближе к картошке. Прочитую только Витю: «Я понял, что стихи надо писать так, как выращивать картошку: подготовить землю, посадить, помотыжить, прополоть, окучить, не раз опрыснуть от колорадского жука, скосить ботву, дать дозреть, выкопать, перетаскать на своей спине, не однажды перебрать – это на семена, это мелочь, это на еду – и, наконец, убрать на хранение». Оказывается, картошечка-то – золотая!

А когда всё с грядок было убрано, переработано, высушено и засыпано в мешочки, закручено в банки (пустые стеклянные банки мы покупали в Моршанске на рынке, их было так много, что приходилось обратно добираться на такси), опущено в погреб и спрячено в большой сундук (от мышей), тогда Витя вручную, лопатой, перекопал грядки под зиму, мы расчистили всё-всё пространство, вывезли мусор и наслаждались чистотой возле дома, где только зеленела молодая травка, доцветали последние цветы и осыпались сухие листья с деревьев. И, пожалуй, цивилизация, со всеми её удобствами, ничего не стоила рядом с этим наслаждением.

Да, поначалу трудно было без горячей воды, без ванны, без компьютера (в деревне, где одни старики, ни у кого нет не только выхода в Интернет, но и компьютера как такового). Есть только телефоны, на которые городские дети регулярно кладут родителям денежки и звонят в определённые часы. Ведь мобильные телефоны принимают сигнал только в доме, только от специальной антенны, а кто же будет сидеть у телефона, когда все деревенские дела – на улице! Правда, у нас, как и всех, был телевизор, но – некогда, некогда, некогда... так, изредка новости и вечерние фильмы. Но великое дело – привычка. То, что устрашало как тягостная необходимость (например, несколько раз в день выносить ведро из-под раковины, мыться в холодную погоду в тазике, выгребать золу из печек, отстирывать рабочую одежду в ванночке, а не в стиральной машине и т.д.), по истечении некоторого времени делалось уже на автомате, без принуждения и нежелания.

А потом, в октябре-ноябре деревня стала редеть. Осталось домов десять, где топились печки. Дети забирали стариков на зиму в город. Стало сыро, мрачно и безлюдно. Нас с надеждой спрашивали: «А вы-то ещё не уедете пока?» Но вот настал момент, когда продавщица автолавки поинтересовалась у моей сестры: «А что это ваши-то не идут? Проспали?» И сестра ответила: «Уехали».

МЫ В ДЕРЕВНЕ

Дневник

19 марта 2011. Позавчера мы приехали в деревню – хотели не пропустить половодье. Но с утра – снег и метель. Сегодня день поминовения усопших. День рождения мамы. Зажгли свечи, помолились, помянули. Луна в эту ночь была на максимальном приближении к Земле. Обещали по телевизору что-нибудь неприятное в связи с этим.

20 марта. Когда я буду показывать в городе фотографии этих дней – сугробы под крышу, прорытые ходы, занесённые сараи и сады, можно будет подумать, что это самая глухая зима, февральская, метельная. Но когда мы с Витей чистим дорожки, когда я поднимаю на лопате очередной пласт снега – он тяжёл, он пропитан талой вешней водой, он уже сочится и истаивает. А к обеду выходит солнце – и всё начинает блистать и переливаться, и оказывается, что на градуснике давно уже плюсовая температура. Воздух до того прозрачен, что все предметы в нём имеют необыкновенную резкость изображения, по которой всегда можно даже через оконное стекло угадать именно весеннее тепло.

Вчера продали избу моей племянницы Оксанки за 70 тысяч рублей, из которых она пока получила 30. Когда писали расписку о получении задатка, Витя сказал: «Тут, в бараке (так зовут овраг за домом), есть огромный недостаток...». Будущие хозяева заволновались: «Погодите, погодите! Пока расписку не написали, говорите: что ещё не так?» Напряглись и продавцы, то есть моя сестра с мужем и Оксанка: мало ли что Витя ляпнет, цену собьёт! Витя продолжил: «Весной уж очень соловьи поют, спать не дают». Дело завершилось смехом и бутылкой самогонки – обмыть сделку.

27 марта. Вчера была опять настоящая зима – с морозом, с метелью, с ветром. По избе гуляли сквозняки. Вечером затопили обе печки, в кухне – русскую. Я читала вслух Витино «Яхрому» у живого огня. Перевели часы на летнее и теперь уж на постоянное время. Долго не могли уснуть. Утром разбудила

почтальонка, принесла бандероль с журналами из «Сельской нови» и гонорар из «Пенсионерской правды», за мой «Первый погореловский сезон». Достала из погреба кое-какие баночки с прошлогодними соленьями и очередное ведро картошки (одно мы за неделю съели).

3 апреля. Ночью – во все пять окон горницы мне светили огромные, чистые, неисчислимые звезды! Непередаваемое ощущение!!! Как будто вместе с избой медленно летишь по ночному небу. Обычно окна закрыты шторами, а тут пост, старые шторы сняли, а новые еще не повесили. И вот я испытала такие космически-волшебные минуты перед сном.

9 апреля. Как болезненно в деревне бабы, да и не только бабы, реагируют на слухи, касающиеся их или их родственников. Они горячо возмущаются и норовят рассказать, как было на самом деле, да не по одному разу! И с какой лёгкостью озвучивают чужие секреты, смакуют подробности чужих проблем, беззаботно и беззастенчиво обсуждают чужую жизнь! Неужели так всегда было? Это для меня новость. Тем печальнее, что невольно поддаёшься на такое же поведение.

10 апреля. В выходной не работаем, пошли прогуляться до реки, посмотреть на разлив Островки. По дороге встретили пожилого мужчину, дальнего родственника. Поговорили о том-о сём, естественно, и о политике. Господи, каких только новостей, выводов, сенсаций и сведений я тут не наслушалась! В политике разбираются все и о политиках знают всё! И сегодня – мужчина говорит:

– Вот вы – люди образованные. А вы знаете, кто такой Путин?

Мы не поняли:

– В каком смысле?

– Ну вы знаете, кто он есть?

Мы, заинтригованно:

– Кто?

И, теряясь в догадках, выдвигаем одну из возможных версий:

– Еврей?

Мужчина, с торжеством:

– Путин – внук Распутина! А Распутин вместе с Катериной Второй продал американцам золотую Аляску!

Этот родственник повеличал меня даже по отчеству, и мне неудобно было в ответ выплеснуть на него мой хохот, аж скулы свело. А ведь впору плакать! Витя как историк хотел восстановить хоть какую-то историческую справедливость:

– Аляску продал Александр II.

Мужчина досадливо махнул рукой:

– Это вы слушайте, они вам напишут!

11 апреля. Не всякий понедельник – тяжёлый день. Сегодня он был лёгкий. С утра – прекрасное настроение. Перед обедом, постирав и помыв полы,

обнаружила на кухне на своем сапоге живую бабочку-лимонницу. Весна! Потом Витя заснул, а я случайно увидела в окно, как над деревней летит журавлиный клин. Второй красивый весенний сюрприз за день. Говорят, это счастливая примета. Кинулась будить Витю, но он всё прозевал. А потом Витя пошёл и сделал сам воду в колонке (колодец заполнен талой водой, а колонка была сломана). Он вообще в этом году научился конструктивно мыслить, не бояться инструментов, даже электрических. Это наша победа и независимость. Слава Богу за такой день!

15 апреля. Сегодня были в Моршанске, купили кур. Продавец обещала, что они будут нестись. Довезли их в коробках на такси. Насыпали зерна, налили воды. Поняла, как мужчины снимают стресс. Петуха мы поместили в отдельную коробку. Намучили кур, пока доставили с Моршанска по выбоинам и колдобинам, да еще с раннего утра их вывезли из привычной обстановки на рынок, не пивши-не евши. И вот мы выпустили в курятник сначала петуха, а потом начали из большой коробки вынимать кур. И тут петух налетел на первую же курицу, потоптал, и сразу на вторую... Вот тебе и стресс!

17 апреля, Вербное воскресенье. Утром нашла первое снесённое курицей яйцо. А когда с вербочками пошли на кладбище, прямо над нами, низко, над самой деревней, пролетели гуси, и не один клин, а целых пять! В обед пили первый свежайший берёзовый сок. После обеда решили разведать короткую тропинку на наш дальний огород. Вышли оттуда все в репьях, но зато увидели первые цветки мать-и-мачехи. День сюрпризов. А завершить праздник так же красиво не удалось. Разведка рыбалки не увенчалась успехом. Только забросили удочку, и сразу крючок зацепился за ветлу над водой. Витя пытался его сорвать, но упал и зачерпнул в сапог ледяной воды. А сейчас я натёрла ему ногу самогонкой, и он, лёжа на диване, наслаждается балетом «Жар-птица» по телевизору.

20 апреля, Великая среда. Страстная неделя. Витя даже не курит. С понедельника активно работаем. Витя натаскал земли для рассады, загородил огород от кур, проторил дорожку в сад. После обеда пойдём с Таней на кладбище убирать могилки. Завтра Великий четверг, будем красить яйца. Сегодня был заморозок и даже утром чуть-чуть снежок посыпал. А так уже всё стаяло. Половодья как такового не было – земля в прошлом году наголодалась и теперь впитала всю воду как губка.

22 апреля, Великая пятница. Почтальонка к нам не заходит, оставляет нашу почту у моей сестры – она торопится. Ей ведь надо успеть пробежать по всем деревням – Дьячи, Самодуровка, Канада, Израиль, Замараевка, Пятидворка, Погореловка. Вчера она принесла Тане пенсию, и та пришла к нам с тремя письмами – от Витинового племянника из армии, из Знаменки от наших друзей-почитателей и из «Сельской нови» журналы. И мы втроём согрелись – выпили по рюмочке самогонки сразу по всем этим поводам, фактически без закуски, так, помидор на троих. Таня собиралась наутро ехать в Моршанск, подстричься и

купить венки и цветы на кладбище к Пасхе, ей много заказывали. Витя подначивал: «Таня, ну когда же ты начнёшь думать о себе? Вот получила пенсию – пойди в спа-салон, в фитнес-центр...» Таня перебила: «Нет, Витя, не получится. Пенсию мне только на венки выдали». Получилось двусмысленно, и мы долго смеялись.

25 апреля. Христос воскрес! Ночью после возгласа Патриарха «Христос воскрес!» разговелись скромно. Утром приехала племянница Оксанка со всем семейством, были на кладбище, потом у Тани, потом у нас. Сегодня в первый раз выпустили кур на волю. Ничего, освоились, ходят, исследуют территорию, травку щиплют.

29 апреля. Витя говорит: «Я думал, заслуженный отдых – это когда на пенсию уходят. А у нас тут каждый вечер заслуженный отдых после трудового дня». Сегодня только выгрузили из погреба семенную картошку – и пошёл дождь. Пришлось накрывать плёнкой, а после дождя она проветрилась, и тогда уж перебрали и засыпали в мешки для посадки. Набралось 30 ведер. Хватит ли?

Получили гонорар за Витиного «Крепостного дворянина», напечатанного в «Пенсионерской правде», аж две тысячи! Очень приятное событие. Витя хочет на гонорар купить мне подарок ко дню рождения. Других денег-то у него нет – обе наши пенсионные карточки у меня.

1 мая, Красная горка. Этот праздник напомнил мне далёкое детство, когда в пионерском лагере в воскресенье к детям приезжали родители. Их ждали, собравшись у ограды, потом счастливчики уходили с родителями в лес, выбирали полянку, расстилали покрывало, доставали угощение... Я тоже ждала, ждала весь день, не отходя от ограды, хотя знала, что мама приехать не может. Я бы и в лагерь-то не попала, если бы маме не выдали бесплатную путёвку от совхозного рабочкома. Увы! И вот сейчас в нашу малолюдную деревню на эти выходные столько народу прибыло! У каждого дома машины, у некоторых по несколько машин сразу. В окно смотришь, а там автомобили различных марок в обе стороны снуют, ну чуть ли не пробки!

К нам никто не приехал. С утра, когда мы ходили на кладбище, и часов до трёх дня шел мелкий дождь. А к вечеру вышло солнце, слышны голоса и праздничный шум, запахи шашлыков просто умопомрачительны! Многие раскинули шатры в саду или около дома, наскучали в городе по свежему воздуху. Деревня – полным полно коробочка! После майских праздников разъедутся до лета, до отпусков и каникул, но сейчас ощущение полноценной деревенской жизни.

5 мая. Вчера Витя лихо управился с мотоблоком, вспахал грядки в палисаднике, начинаю сажать. Перед домом почти всё посадила. Оттого что весь день стою головой вниз над грядками, даже больно сидеть. Укол пока действует, так что руки терпят. По крайней мере, не сильнее болят, чем в городе, а ведь не сравнить нагрузку! Сегодня от 11 кур вынула 9 яиц, это рекорд!

8 мая. Ура! Вчера посадили картошку на своём дальнем огороде! Сами! «Прямо как взрослые!» Витя поменял камеру в колесе, наладил мотоблок и тележку, отвёз мешки с семенной картошкой на огород, засыпал их в картофелесажалку, привёз пустые мешки и загнал мотоблок в гараж. Полный цикл! Двадцать грядок! Ещё вчера ездили в Темяшево помогать Оксанке, вытащили из погреба и перебрали её семенную картошку.

9 мая. Победа! Зашли в гости москвичи, приехавшие к своей матери на праздник. Мы досмотрели парад Победы по телевизору, а потом прошли с флагом и с песней «Вставай, страна огромная» по деревне до городища, там водрузили флаг на высотку, выпили за Победу и пели военные песни. С этого самого высокого места деревни в войну провожали мужиков на фронт.

Муж сестры Вовка, увидев нашу демонстрацию, покрутил пальцем у виска, а сама Таня убежала от нас домой – стыдно. А мужикам пить и скандалить на всю деревню не стыдно. Юра сказал одной любопытной: «Мы праздновали День Победы. А вам теперь пересудов недели на две хватит». Витя съездил с москвичами за родниковой водой. Поспала, а проснувшись, увидела на столе огромный букет цветущего тёрна. Ведь это канун моего дня рождения.

16 мая. Прошла неделя, а кажется – месяц. Уже отшумел мой день рождения. Были звонки и эсэмэски из Москвы, букеты от Тани и Оксаны, первые полевые цветочки от Оксанкиных детей, подарки. И Таня с Вовкой уже съездили в Москву проведать сына. И мы уже отправили с ними в Москву и в Лобню свои первые деревенские гостинцы, в том числе яйца от своих кур. Уже привыкли. А первое время я чуть не каждые пять минут бегала смотреть – не снеслась ли какая из курочек? Вынимала яйца из гнезда – какое с приставшим нежным пушком, какое ещё тёплое, греющее руку, какое на удивление большое, двухжелтковое. Радость не от добычи – много ли нам надо? А только умиление, причастность к какому-то чуду.

Витя на мотоблоке пропахал грядки для овощей на нижнем огороде. Там еще сажать и сажать! Завтра пойду. Сейчас пасмурно и прохладно, и так же было на мой день рождения, как я и мечтала. Черёмуховые холода. Кукушки кукуют уже неделю, соловьи поют третий день. Зацвела клубника, садовая и полевая.

Не устаю удивляться земле, восхищаться ею, кормилицей. Какой-то несчастный пакетик с семенами за 5 рублей, в нём сколько-то семечек. И вот мы начинаем трудиться, мы и благодатная, щедрая земля. И получается целая грядка свежих и вкусных овощей!

17 мая. Посадила на дальнем огороде все семена, которые были в наличии. Арбузы, дыни, сельдерей, перцы, патиссоны, огурцы, морковь, немного лука, тыквы, кабачки. Только вошла в дом – звонок от Володи Назанского из Питера, ему приснился Витя, спорили во сне об искусстве. А Витя тем временем с помощью Вовки наладил газонокосилку и обкашивает траву возле дома. Взошли подсолнухи.

Вечер. Усталые, вернулись из Темяшева – ездили помочь Оксанке посадить овощи. Ведь у неё четверо ребятишек, у старшенького ДЦП. Трудно ей,

хоть она и не хнычет, всегда весёлая, улыбчивая. Когда были на грядках, на соседский огород вышли две пьяные бабы и пьяный мужик, позже к ним присоединился ещё один такой же – они сажали картошку. И пошел такой грязный, грубый, жесточайший мат! Уйти нам было нельзя, вмешаться – бесполезно. Витя слушал-слушал и изрёк: «Народное радио». В то же время муж Оксаны Сергей пару лет назад на предложение жить в Погореловке в Оксанкином доме отказался, объяснив свой отказ: «Тут (то есть в Темяшеве) цивилизация»!!! Цивилизация – это школа, до которой больше часа пешком, телефон, принимающий сигнал без антенны, и ларёк.

26 мая. Наконец-то сегодня прошёл дождь – мелкий, слабый, но он успел напитать землю. И прохладно. Даже истопили печку в горнице. Тучи, ветер, плюс четырнадцать градусов. Но мы так рады! А то ведь всё последнее время жара под тридцать градусов, когда поливаешь грядки – земля шипит. Вчера ходили к Тане в гости на первые грибы.

Каждый день вглядываемся в грядки – ну почему не всходит? Взросло – ну почему так медленно растёт? Ещё май месяц не кончился, а мы уже в своём нетерпении хотим и урожаем снимать.

28 мая. Вчера ездили в Моршанск, получили пенсию и почти всю потратили – закупили продукты к юбилею венчания. Всё меньше хочется что-то записывать в дневник. Всё больше работы на огороде.

Ещё вот что собиралась записать. Когда приезжала в гости из города, ходила любоваться природой, думала: «Смеются деревенские над нами, а сами не романтичные, не видят красоты». Теперь приходится пересматривать свои взгляды. Теперь люблю закатом, слушаю соловьёв и вдыхаю ароматы цветущих деревьев – увы! – во время работы на грядках.

И ещё: не могу пока привыкнуть, что много усилий, труда и затраченного времени уходит впустую, на ветер. Вот картошку вырастили в прошлом году, а теперь её девать некуда. Осенью можно было продать, но боялись, что семная не сохранится и сажать будет нечем. Она сохранилась. Продавать или отдать уже не получится, все запаслись, а куры столько не поедят. И придётся вывозить на мотоблоке в овраг. Рассады оказалось так много, что тоже придётся выбросить, отдавать некому, у всех своя есть. Оксанке отвезли 8 вёдер семенной картошки и рассаду. А всё равно ещё много. У Тани, бывало, и морковь померзала (не успевали опустить в погреб), и много-много банок с соленьями оставались от прошлого года, которые потом выбрасывали. А ведь сколько труда на них потрачено! Таня безропотно разводила руками: «Ну что поделаешь». А я ещё не освоила и не осилила эту мудрую деревенскую философию – не сожалеть понапрасну.

3 июня. Даже не стала бы записывать, как 1 июня прошёл наш юбилей венчания. Нормально прошёл – обильный стол, звонки, поздравления, разошлись последние гости во втором часу ночи. Но сегодня... Сегодня – грозовой дождь! Не припомню, чтобы я испытывала такие чувства по поводу дождя. Это не просто радость. Это благоговение и хвала Господу. Пережив прошлогоднюю засуху,

меняю приоритеты. Дождь – это благо, это жизнь, это впитывание каждой капли не только в землю, но в душу.

7 июня. Помолясь, приступили к огороду. Мотыжки у нас неудобные, неточенные. Вчера пробовали точить, но нет навыка, нет даже теории. И всё же мы сегодня ими до обеда промотыжили весь огород, с плохо пропаханной землёй, с огромными комьями, которые ничем не разбить. Этот процесс – один из самых трудных. Я испытала чувство огромного наслаждения от завершённой работы. И в награду самим себе мы сегодня съели по четыре клубничины – первые ягоды, которые поспели в нашем саду.

10 июня. Позавчера вечером приступили к нашему обряду – дни рождения мы начинаем отмечать с вечера, по-церковному. Только я вручила Вите подарки, только он примерил подаренные мной тёмные полароидные очки, как на пороге возникли Юля и Рустам. Витя даже боялся снять очки – вдруг это какой-то оптический обман! Приехала дочка поздравить папу! Это самый большой подарок. Вчера приготовили праздничный стол. Посидели очень хорошо. Юля с Витей набрали к столу первой земляники. А сегодня я полола грядки в саду, Рустам и Витя что-то строгаили и приколачивали во дворе, Юля готовила обед. Счастье есть!

13 июня. Вчера была Троица. С утра сходили на кладбище, потом собрались к Оксанке. Заехали в Алгасово купить гостинцы детям, а там на площади празднуют День России. Флаги, шары, эстрада, песни, милиция смотрит за порядком. И отец Феодосий возвышается среди зрителей. Сжал Витю мощными руками: «Никуда не отпущу!» Повёл к себе, налил стакан водки и подарил для меня букет освящённых троицких цветов, дал из-под икон освящённой травы. Сегодня ходили в поле (это прямо за огородом), набрали два ведёрка земляники, одно из которых – для Витиной внучки Насти в Москву.

16 июня. Погиб Александр Росков, поэт и издатель из Архангельска. Узнали по телефону от его жены Людмилы. Как жаль! Это скорбь. Мы не были знакомы лично, но после того как Кирюшин дал мне прочитать книгу Роскова «В ночь с пятницы на понедельник» очень тепло переписывались около шести лет. Он понемногу печатал нас в своей «Пенсионерской правде». Да не в этом дело! Мы обменивались стихами, говорили по душам, у нас было много общих знакомых по Литературному институту (он учился на Высших литературных курсах примерно в одно время со мной). Очень-очень жалко. Буду поминать его в своих молитвах.

17 июня. Два дня – Троицу и Духов день – пропустили, не работая – грех! А во вторник только раскочегарились, полил дождь. Всё пролил! Но работа встала. А в среду дети уехали в Москву. Но и дома работать нельзя было – пока они в дороге, не принято мести пол (чтобы не выметать гостей), не принято мыть (чтобы не вымывать их).

21 июня. Вот уже появляются припасы этого года – солёные грибочки и земляничное варенье. А скоро пойдет полевая клубника, она в этом году огромных размеров, почти как садовая. Вот ведь как это лето отличается от прошлого, страшного и засушливого!

Наверное, это неправильно, что я пишу только о нас и совсем не передаю жизнь деревни. Но мы этой жизни и не видим. Да её – именно коллективной – и нет вовсе. Раньше автолавка останавливалась в одном месте, все хоть собирались, разговаривали, делились новостями. А теперь машина проезжает по деревне и на дальний конец, и мы никого не видим, не слышим, а на нашем конце живых только дворов семь.

И неправильно, что я пишу только о делах, как будто вся наша жизнь тут заключается в огороде. Читаем. Витя – особенно много, начитывает контекст для своего Эмпедокла. Я, правда, кроме этого дневника ничего не пишу, но у Вити появилось уже немало интересных стихотворений. Наблюдаем, обсуждаем, говорим о многом.

27 июня. Как быстро и незаметно летит время, летит лето! Через три дня уже июль. Вчера звонила Юля – в Москве всюду цветёт липа. А у нас только начинает, но, не загадывая, завтра пойдем рвать липовый цвет.

Вчера была годовщина Витиной мамы – 9 лет, как она покинула нас. А сегодня на грядке с разнотравьем обнаружили цветущий василёк – вроде сорняк, но это один из любимых Витиных цветов.

Не забыть факт, который восхитил меня. Кто-то положил возле нашей ограды сухую берёзку, чтобы ездил по дороге, а не вплотную к ограде. Мы её даже не видели. Утром Рая зашла: «Вы берёзку положили, а Людака очень ругалась. Её сын на мотоцикле ночью ездит, а вы проезд загродили». Людака – это женщина с дальнего конца деревни. (Раньше детей в Погореловке всех так называли, на «ака»: Ваняка, Славака, Маняка, Лидака. Потом это «ака» исчезло, а вот Людака так и осталась). Мы ещё удивились: какая берёзка? Но восхитило меня другое. Людака, ругаясь, выразилась так: «Понаехали!»

А?! Наконец-то!!! Первая ласточка! А то всё эта фраза в городе в ходу была. Помню, на Тимирязевской народ из метро валит, и наступили на товар, разложенный продавщицей в переходе. И она в гневе воскликнула с сильным акцентом: «Понаехали в Москву!» А теперь – вот! Скоро эта фраза станет очень популярной в деревнях, куда уже из городов пошёл большой отток. Поэтому, наверное, надо было бы обидеться на эту напраслину, а я обрадовалась.

29 июня. Вчера у нас с Витей был пенсионерский костёр. Мы договорились с трактористом Сергеем Помпой (Стручковым) из Израиля, что он скосит у нас сухую траву на огороде (противопожарное мероприятие), надо было освободить его от срезанных ещё весной веток на кострище. Витя привёз к костру тачку, а я принесла кружку бражки и бутерброды. Потом обнявшись сидели на тачке, наслаждались живым огнём до двух часов ночи. Это было здорово!

3 июля. В пятницу ездили на пруд купаться – нас москвичи, приехавшие к своей матери, прихватили с собой в машину. И я тут же, возле купающихся, с берега, маленькой удочкой поймала трёх окуней, и Витя одного. Первый улов в этом году.

Вчера Оксанкин муж Сергей получил права, по этому поводу они прибыли к нам. А у нас в холодильнике пусто, автолавка не приехала, даже хлеба не было. Сергей говорит: «Крёстная, какие проблемы? Давай, я свожу тебя к нам в ларёк». Когда возвращались, Сергей повёз нас какой-то другой, дальней, красивой дорогой. Пока ехали – мимо полей пшеницы, ячменя, подсолнухов – Сергей говорил: «Это поле я сеял, это поле я пахал, тут я работал...» Как это здорово, как давно я не слышала ничего подобного, какая в этом гордость за свой труд! Повяло чем-то давнишним, когда в каждом доме были работники, которые вот так же могли сказать.

4 июля. В прошлом году я думала, что жаркое и засушливое лето – это нам самое большое испытание на деревенскую жизнь. Мы его выдержали, и теперь ничего не страшно. Но вот этим летом я поняла, что испытания только начинаются, и их немало. Но не будем о грустном.

5 июля. Праздник первого огурца. Вкусно!

6 июля. Нынче – праздник первого кочана капусты, первых стручков гороха, первого букета подсолнухов и, наверное, последних букетов клубники, которые мы повесили сушиться в горнице (для аромата).

8 июля. Вчера Витя впервые за этот год ходил на городище. Принёс оттуда букет бессмертников и стихотворение. Хорошее. А я встречала его борщом из свежей капусты, картошкой с малосольными огурцами и первым блюдечком спелого крыжовника. А сегодня День любви по-русски, день святых Петра и Февроньи Муромских. Вспоминается наше с Витей путешествие в Муром – крестный ход, мощи Петра и Февроньи, паломники, медно-золотистая вода Оки и бронзовый Илья Муромец.

9 июля. Витя сегодня совершил свой очередной подвиг – съездил в Алгасово и привёз крышки для банок и красное вино для Петрова дня (на велосипеде, ведь другого транспорта у нас нет). В восьмом часу утра уехал, а в десятом вернулся, преодолев два десятка километров, дождь и долгий крутой подъём на обратной дороге. Я так возрадовалась, увидев в окно, что он подъезжает к дому!

12 июля, вторник. Петров день. Сегодня в России траур по утонувшим в Волге вместе с прогулочным теплоходом людям. Особо не поспрадуешь, когда по телевизору показывают горе родных и близких, когда сообщают о погибших детях. Господи, прости и помилуй нас, грешных!

По обычаю сегодня в огороде дергают три куста картошки, чтобы узнать, какой будет урожай. Витя по неведению все их выдернул с краю (а надо было в

разных местах) – почти ничего, горох. Правда, у дома с таких же трёх кустов – кастрюлька молодой картошки. Так что обед будет праздничным, учитывая еще бутылку привезённого Витей красного сухого вина.

11 лет назад мы в Алтайском крае у Милки отмечали этот день окончания Петровского поста красным вином вместе с Витиной покойной мамой Любовью Васильевной. Тогда у Вити после купания в лесном озере серебряное кольцо стало вдруг золотым. Мамин серебряный крестик на цепочке остался без изменений. Мы удивлялись, мама испугалась – она всегда боялась чего-то непредвиденного. А маленький племянник Вити сказал тогда: «Крёстный, ну ты же Петров! А нынче Петров день». Устами младенца... К вечеру цвет кольца восстановился, а мы с Витей увидели в этом добрую примету, не пытаясь искать объяснений чуду. На тот момент мы ещё не были венчаны, но Витина мама нас благословила. С тех пор мы всегда отмечаем Петров день ещё и как день благословения на нашу совместную жизнь.

19 июля. В пятницу ездили в Моршанск, получили пенсии, много чего необходимого купили, погуляли по набережной Цны, перекусили в кафе (в деревне нас бы не поняли – за эти деньги можно было приготовить дома прекрасный обед), вернулись на такси как белые люди. На сей раз Моршанск не впечатлил – неприбранный какой-то, Цна заросла. Вчера был дождь с грозой, ливень. Вот и опять никаких дел на улице. Эта ночь была бессонной. Луна не давала спать.

21 июля. Юрий Иванович Чичёв прислал из Москвы свою новую книжку «Забор и заборяне», просит высказаться и, если понравится, написать рецензию. Прочитаю и отвечу обязательно, а вот для рецензии найдется ли время? Я левой ногой писать не умею, а чтобы написать серьёзно, потребуется посидеть за письменным столом.

К нам, как обычно, обещались приехать многие из друзей. И вот мы второй год совершаем одну и ту же ошибку. Нам бы наслаждаться соловьиным пением, а мы горюем: «Эх, друзья не слышат!» Нам бы лакомиться спелой земляникой, а мы сожалеем: «Эх, друзья не попробуют!» Нам бы любоваться поутру, как роса на траве дымится в солнечных лучах, а мы опять: «Эх, не видят!» Самые лучшие моменты проживаем не в полноте.

21 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. С утра дождь. Только сегодня добралась до дневника, два месяца прошло со времени последней записи. С конца июля и до начала сентября у нас гостили дети. Сначала Юля с Рустамом, потом приехала и внучка Настя. Было много событий, дел, разговоров, но времени написать об этом – не было. Они и будоражили нас, и веселили, и обременяли, и раздражали иногда, и радовали, и помогали – не так много, как хотелось бы, но существенно. Главное – усовершенствовали колонку, поставили новую стену в сенцах своего дома, выкопали картошку у нас и у Тани с Вовкой (27-28 августа). Возили нас купаться, рыбачить, и в старинное село Чернитоно, и в бывший барский Зубков сад за яблоками, в Моршанск за пенсией и т.д. Немного поднапрягли нас финансово, но это не беда. Юля говорила: «Думали, через

неделю отсюда сбежим, а так хорошо, что и уезжать не хочется». Витя смеялся: «Вы ещё и рожать сюда приедете».

После их отъезда мы мало что добавили к делам. Ходили за грибами. Вот вчера я, выйдя прогуляться, две сумки таких молоденьких подберёзовичков нарезала! И – вот удивительно! – у нас появились рыжики, их до того никогда не было. Раньше за ягодами и грибами ходили за 5-7 километров (вокруг вся земля, до клочка, была распахана), а сейчас вся эта красота приблизилась прямо к дому! Пройдёшь сотню шагов – и рви сколько душе угодно! Вообще-то странное дело – возле Погореловки в этом году встретились северные рыжики и южный степной ковыль, которого здесь доселе не видывали! К чему бы это? Никогда здесь не росли осенние опята, а в этом году я рвала их в нашем саду. Витя сел за своего любимого Эмпедокла, которого пишет уже несколько лет.

Да, утром я вышла кормить кур, только высыпала им в посуду варёной картошки, как сверху, из-под крыши сарая, прямо передо мной прыгнул тощий, но красивый, дымчатый котёнок! Оказывается, бездомная кошка окотилась в сарае Юлиного дома. В общем, подкинула нам котёнка, мол, прокормится возле кур. Он, видно, тайком и кормился, а когда подрос, то осмелел. Я вообще-то кошек не люблю, не знаю, говорит ли это что-нибудь обо мне, но ведь подкидыша не бросишь! И прикармливать нельзя – уедем, куда его? Но всё же решила откормить – может, поправится, подрастёт и как-нибудь перезимует. Тут Оксанка приехала со всей своей оравой, и дети первым делом: «Где котёнок?» Витя говорит: «У вас же попугай!» Они: «А он в клетке!» Ну и увезли, так что одной заботой меньше.

А побудила меня вновь взяться за дневник ссылка в письме Лиды Сычёвой на её очерк, где есть слова и о нас с Витей. Порадовала строчка: «Мои друзья, супруги-поэты ...» То, что она считает нас своими друзьями – это большая честь для нас, потому что мы любим и уважаем её как человека и восхищаемся её писательским талантом. Вообще Лида единственная, кто в нас верит, не бросила нас на произвол судьбы, печатает, всячески пропагандирует, поддерживают. Но зацепили меня слова: «Уехали в глушь... как-то живут там... вроде бы счастливы... иногда завидую... иногда сочувствую...»

Счастье – понятие растяжимое, определению не поддаётся. А вот сочувствовать нам – это, наверное, зря! Неужели на самом деле со стороны наш отъезд в деревню может вызывать сочувствие? Сегодня, рано, затемно проснувшись, я думала всё над этими словами и мысленно что-то доказывала Лиде. Какая жизнь была у нас в городе? День сурка: будильник, электричка, работа, нервы, дорога, дом, сон (это ещё слава Богу, что нам везло с коллективами, где мы работали и где остались интересные и дорогие нам люди). Изредка – встречи, общение. В городе мы многое терпели, здесь терпеть нечего, а бытовые неудобства нас не пугают. Простор. Да нам территории наших двух усадеб с лихвой хватает для путешествий, для изучения, для радости. И труд – в радость, и просыпаться каждое утро без напряжения и будильников – в радость. И глядеть на дело рук своих – в радость. И замечать – каждый день! – что-то новое в природе – радость! И, в течение вот уже двух лет не расставаясь больше чем на пять минут, не утомиться от присутствия друг друга – радость! Может быть, это и

нельзя назвать духовной жизнью, но лично нам это и поднимает дух, и греет душу. Иной миг здесь может стоять целого года московской жизни.

А материальное... ну да, сейчас посложнее. Но ведь и работая, получая неплохую зарплату, мы довольно большую её часть тратили не на себя, а на помощь родным и близким. А иногда и не только родным и близким. Мы помогали не тем, от кого впоследствии могли ожидать взаимности, а именно тем, кто нуждался и, как нам казалось, всегда будет нуждаться. Но вот дети в родных нам семьях подросли, встают на ноги, а старшее поколение дожили до пенсии и уже могут обойтись без нашей помощи. В сентябре был приятный сюрприз: Милка с Алтая, тоже уже пенсионерка, исходившая свой бор вдоль и поперёк в поисках грибов на продажу, дважды прислала по 2 тысячи рублей для поддержки нашего пошатнувшегося финансового положения («Брат, ты всю жизнь помогал мне, теперь я хочу помочь тебе»). Так что в этом смысле мы даже не потеряли, а приобрели, не только материально, но и духовно.

Из Москвы, наверное, кажется, что мы живём в какой-то глуши, куда не ступала нога человека. Это не так. Другое дело, что та – московская – жизнь в какой-то степени заслонена от нас Погореловкой. Но это не значит, что мы слепо-глухо-немые. В доказательство могу привести одно из написанных здесь недавно Витей стихотворений:

ВИД НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ ИЗ ДЕРЕВНИ

Волны Древнего мира и ныне
Набегают на стены Кремля.
В окормлённой его твердыне
Нет ни компаса, ни руля.

По брусчатке шагают гунны,
А у Спасских ворот – монах,
И варяги слагают руны
О раскрученных именах.

Вот и призрак Европы сгинул,
Мы вернулись к своим делам:
К заготовкам кормов, к овинам,
К горю с гордостью пополам.

Вновь – соломенной крыши перья,
Печи, свет лампы, вода...
Как в седые года двоеверья,
Сели ласточки на провода.

Две их,
двое и нас, поющих,
Затерявшихся до поры.
Ты плесни мне борща погуще,
Да в селёдке нарой икры.

Поглядим на Красную площадь,
Огурцом из бадьи хрустя,
Ведь в деревне у нас попроще,
Ведь спокойней по волостям.

Проживаем смутное время,
Выбираем вслепую царя.
А на красный московский терем
Опускается вновь заря...

И вот я сегодня под утро думала: почему всё же многих так удивляет наш приезд сюда, в деревню? Мы не сумасшедшие, не идеалисты, не шукшинские чудики. Это так естественно (хотя и не у всех получается) – вернуться к себе. И у Вити (по маме) здесь – родина, и у меня – укоренение. Глядя на меня, молодую пенсионерку, наверное, трудно поверить, что мой дедушка по маме – не прадед, не прапрадед, а дед! – родился до отмены крепостного права! Он умер ещё до моего рождения, в 1953 году, в возрасте 93 лет. Значит, он родился в 1860. Мой отец с 1906 года. То, что для современников сейчас глубокая история, для меня вот оно – рядом! И могилы предков моих ухожены, как будто они ушли только что.

Так что для сочувствия нам здесь просто нет места. Вот сижу я сейчас в горнице за компьютером, набираю эти строчки, а в кухне Витя пишет что-то на листочках (наверное, сочиняет стихи). На душе тепло, в доме тепло, хотя осенний дождь настукивает по крыше, сушатся мои вчерашние подберёзовики, и по комнате плавает их аромат. В окне – желтеющие деревья и ещё зелёная трава, пышные георгины и бархатцы и вянущие мальва и циния. В погребе – плоды наших трудов, стратегический запас растительного продовольствия. Вечером придёт сестра и принесёт последние деревенские новости. Мы угостим её пирогом, который я собираюсь испечь в честь праздника. С утра мы уже поговорили по телефону с Витиной сестрой с Алтая и с друзьями из Орехово-Зуево, которые обещают приехать в ноябре. Радость-то какая! Жизнь продолжается.

1 октября. Из Питера написали, что летом у них израильская мытая картошка продавалась по 40-60 рублей. Это я к тому, что свою, более 400 кг отборной чернозёмной картошки, мы продали всего за 2 тысячи рублей, то есть по 5 рублей за килограмм, да и то спасибо Вовке, мужу сестры. Он отвез её в Моршанск перекупщику. А в Самодуровке, говорят, кое-кто сдали и по 2 рубля. Сколько трудов на ветер!

3 октября. Вчера у нас были гости – опять приехали наши друзья-почитатели из Знаменки, районного центра Тамбовской области, что километрах в двухстах от нас. У них в Знаменке более четверти века существует объединение любителей поэзии «Муза», куда входят библиотекари, журналисты, художники, работники книжного магазина, краеведы, учителя, домохозяйки. Их приезды уже становятся доброй традицией. Опять очень здорово общались, читали стихи, обсуждали, смеялись, фотографировались, застолье было оживлённым и обильным – они привезли к столу много чего вкусного. Подарили нам роскошный букет из нескольких сортов роз, рассаду цветов для посадки, красивые ручки, а ещё альбом нашей землячки, народной артистки, ведущей солистки Новосибирского государственного театра оперы и балета Татьяны Зориной с дарственной надписью. Мы вручили художнику Виктору Антонову экземпляр журнала «Сельская новь», где представлены его работы с моим сопроводительным текстом. В прошлом году своих стихов они не читали, а тут осмелели. Оказалось, что Валентина Алексеевна Васильева пишет очень хорошие лирические стихи. Гости обещали приехать и в следующем году. Это натолкнуло нас на мысль расширить мероприятие, устраивать что-то вроде Погореловских чтений, приглашать поэтов из Алгасово, из Моршанска.

10 октября. Знаменцы звонили уже несколько раз. Говорят, что кипят, бурлят, до сих пор в восторге от поездки. Валентина Алексеевна позвонила: «Какая погода! Вы, наверное, гуляете, наслаждаетесь золотой осенью?» Нет! Мы составили список дел, которые нам предстоит завершить перед отъездом. Кажется, можно уже отдохнуть от трудов праведных, но не тут-то было! Надо опустить картошку и овощи в погреб, порубить и заквасить капусту, перекопать грядки, подёргать и сжечь бурьян на двух усадьбах, обрезать деревья и кустарники, покрыть рубероидом прохудившуюся крышу сарая и ещё многое-многое...

11 октября. 13 лет назад в это же время я приехала в деревню умирать, как мне казалось. Тогда я демонстративно ушла из журнала «Очаг», тут случился дефолт, и я осталась без работы, без копейки. За год до этого попала в автомобильную аварию, когда ехала на первую годовщину мамы. В общем, депрессия была жуткая. Я её не ощущала, просто совершенно пропал интерес к жизни. Были жестокие спазмы сосудов головы, в метро я ездила с записочкой в руке, в которой был указан телефон моей подруги Тани Бахваловой – на случай, если потеряю сознание. Больше в Москве звонить было некому. Тут Вовка, муж сестры, написал: «Приезжай в деревню. Картошка есть, молоко своё, проживем». Я и приехала, думая, что на родине как-нибудь просто тихо уйду из жизни.

Вчера я вспомнила об этом, когда Вовка возил нас с сестрой в Моршанск. Такая же дорога, так же летали над ней сухие жёлтые листья. А тогда на Покров я сидела одна на скамеечке возле дома – ещё запущенного, неприбранного, и почему-то плакала. И тут почтальонка принесла мне письмо от Вити. И я как-то очнулась, быстро собралась и вернулась в Москву. Кирюшин нашел мне работу, Витя переехал ко мне, и жизнь пошла. Через три дня Покров – вот и вспомнилось. Но как же сейчас хочется пожить! А если, не дай Бог, придётся уйти, то вовсе не

потому, что деревня этому способствовала. Наоборот, значит, Погореловка просто продлила наши дни, замедлила приближение неизбежного.

Сегодня ночью не могла заснуть, бессонница одолела. За окном было светло от луны, но как-то странно – это раздражало, а не восхищало. Весной в такую ночь хотелось разбудить Витю часа в три и предложить пойти погулять. Я даже одна выходила на улицу, в сад, и поражалась тому, как луна преображает окружающие предметы, высвечивая то, на что днём не обращаешь внимания, как она доверху наполняет молочным светом палисадники. А сегодня была просто досада, что серая, мокрая ночь мешает уснуть. Интересно, как же я буду засыпать в Лобне, где небо красновато-грязное от близости Шереметьево?

13 октября. Всю ночь шёл дождь, а утром ветер переменялся на северный и выглянуло солнце. Сильно похолодало. Бабы у автолавки удивлялись: «Надо же – а скворцы-то еще тут! А как поют! Это они прощаются». У нас и сливы, и тёрны под окном уже без листьев, хотя трава зелёная. И яблонька наша с одним яблочком вся ещё в зелени, её в этом году поили досыта. Смородина и виноградные листья на арке – багряные. Осина зеленовато-лимонная. Земля вся устлана яркой жёлтой листвой с берёз от соседнего дома. В такую пору дожди красоты не нарушают. Как бы ни темно было небо, а на земле-то всё сияет!

17 октября. Выдернули последние цветы – они в эту ночь стали как стеклянные. Был такой заморозок, что замёрзла вся вода в шлангах и тазиках, лопнул кран на колонке. Надо было перевести воду на зимний режим немного раньше, после первого же заморозка. Выкопали топинамбур. Мы сажали его в медицинских целях (нам дали очень хороший рецепт). А когда для эксперимента решили посмотреть, что там на корнях, оказалось, что на каждом корне полведра клубней. Если оставлять его на весну – вырастет целый лес. Попробуем сварить и продегустировать. Список неотложных дел понемногу уменьшается.

18 октября. Как же все-таки хорошо, что Рустам сделал нам интернет! Я в прошлом году говорила: «Если бы у нас был интернет и стиральная машинка-автомат, можно здесь и зимовать». Посмотрим ещё, что этой зимой ждёт нас в Лобне. Будет чем заняться – позимуем там, а нет – всё, хватит, переедем в деревню насовсем.

Лето летело быстро, но, оказывается, и осень стремительно пронеслась, и вот уже зима на подходе. Я даже не помню, как это было в прошлом году – так же ли мы не поспевали за временем?

20 октября. Удивительный сегодня день – краски и запахи как весной в детстве. Вчера полетели в город первые ласточки-пенсионерки. Уехала Анна Сложеникина, уехали все Семьины – и Толя с женой, и Зина. Анатолия Ивановича не видно давно. К автолавке сегодня на нашем конце вышли три человека. Почту мы утром получили богатую: газеты, посылка от Милки с Алтая, бандероль из «Сельской нови». Купили еще у почтальонки не очень-то и нужные нам брошюры (ей за распространение доплачивают). Всю неделю одолевают синицы – и в окно стучатся, и на веранду залетают, и перед домом порхают. Оказывается, весь

секрет в том, что на веранде для интерьера висит огромный подсолнух, а синицы любят семечки.

25 октября. Ну всё, цивилизация (после случая в Темяшеве это слово вызывает улыбку) добралась и до нашей Погореловки – интернет есть, телефон в доме есть, стиральная машинка-автомат есть. И связь с миром восстановлена, и быт налажен. Были дети («А мы как будто и не уезжали!»), много чего сделали за три дня, помогли по-настоящему. Удивительное дело – их тянет в Погореловку! Юля абсолютно городская, любит активный отдых на море, пляжный волейбол, горные лыжи, сноуборд, путешествия. Понятно, что сейчас, может быть, нет возможности отдохнуть где и как хочется. Но всё же за один сезон три раза приехать в деревню – это что-нибудь да значит! А какие корзины она научилась плести в деревне! Сплела абажур из ивовых прутьев, и теперь у них в кухне так уютно!

Сегодня немного посыпал первый снежок – мелкий, редкий.

27 октября. Позавчера Юля возила нас с Таней в Темяшево к Оксанке повидать ребятшек. Муж Сергей тоже был дома, ждал вызова на работу – они сейчас заканчивают уборку подсолнечника. Оказывается, в этом году Сергей признан лучшим комбайнёром в хозяйстве, а хозяйство признано лучшим по району. После уборки готовится мероприятие по вручению грамот, премий и подарков – просили всех работников приходить с жёнами. Даже странно – как в советское время. Я предложила Оксане взять с собой фотоаппарат – хочется посмотреть, как это будет происходить.

Котёнок-подкидыш, которого они забрали, превратился в красивую, пушистую кошку Мурку. Она до того деликатна, что не посягает на оставленное на столе мясо и даже рыбу – любимое кошкино лакомство. Не нарушает чистоты, по нужде просится на двор – подходит к двери и мяукает, чтобы выпустили. Научилась ловить мышей. Вот что значит настрадалась!

30 октября. Вчера приезжали Оксанка с мужем – получили остаток денег за свою избу. Они уже оформили в собственность дом в Темяшеве, всей семьёй там прописались. Теперь копят деньги на какую-нибудь подержанную машину. За столом я обратила внимание, что никто не ест колбасу. И оказалось, что колбаса как лучшее деревенское угощение ушла в прошлое. Оксанка рассказала, что на днях помогала готовить поминки – хоронили их соседку. На столе на тарелках была колбаса четырёх сортов – и никто не притронулся. Значит, уже не голодают в деревне.

Ночью не спалось, и я слушала, как мыши пищат и бегают наперегонки за обивкой стен. Мышей в этом году очень много, пропасть, как говорят в деревне! Раскладываю пакетики с отравой везде – в доме, в сенцах, приделке – после этого вижу двух-трех мышей в пьяном состоянии, потом на некоторое время шорохи и писк утихают. И вновь через несколько дней как ни в чем не бывало они скребутся, шуршат, пищат и даже нахально при дневном свете пробегают по комнате. Витя оставил в саду тачку с капустными листьями, на другой день повез

её к компостной яме, а когда вываливал листья, из-под них рванули в разные стороны мыши. Витя зашёл в дом, я спросила:

– Ты где был?

Он:

– В саду на тачке мышей катал!

Куры ещё несутся, но в день всего два-три яйца, набирают жирок к зиме, а скоро надо будет их резать. Витя со страхом ждёт этого дня, это для него огромный стресс. Говорит: «Теперь, наверное, моя психика изменится». Подростком он гостил в сибирской деревне у родственников, дядья велели ему зарубить петуха. Отказаться он не посмел, но и отсечь голову петуху не мог. И он рубанул по руке – якобы, промахнулся. До сих пор шрам остался. Я бодрым голосом говорю: «Да перестань! Все в деревне так делают, что же – все теперь с искажённой психикой? Привыкай, это обычное дело». Надо же как-то настроить его, ведь вся деревня будет смеяться, если для этой цели мы станем просить кого-то со стороны.

Вчера мы убрали последнюю листву в палисаднике перед домом. Теперь тут опрятно и пусто – с улицы весь дом на виду. Лишь на грядке, где я сеяла семена из пакетика «17 трав», цветёт какой-то неопознанный последний цветок.

2 ноября. Сегодня, плюнув на все дела, пошли гулять – давно просто так не бродили по окрестностям. Красиво! Там, где летом на полях зрели подсолнухи, уже взошли зелены. Среди поникшего, поблекшего лугового разнотравья – ярко-жёлтые островки травы, похожей на осоку. И голубовато-серые островки полынка. И одиночные яркие цветы клевера, тысячелистника, пижмы. Свежайший, как будто стерильный, воздух. Прозрачные тополёвые и берёзовые посадки. Бескрайняя даль во все стороны. Всех дел не переделать, хоть и ночью не отдыхай. Если в них увязнуть, потеряется ощущение прекрасного.

6 ноября. Вчера была родительская суббота, ходили на кладбище. Сегодня ночью мороз был 11 градусов, зато весь день солнце. День рождения Оксанкиной младшей дочки Анечки (Анна – в честь моей мамы, Оксанкиной бабушки), поздравили по телефону. Племянник Витька приезжал на праздники из Лобни, мы с ним ездили в Темяшево, подарки уже отвезли. Оксанкин муж Сергей пригнал из Москвы подержанную «шестёрку». Теперь они на колёсах, пусть сами к нам ездят. Володя Берязев из Новосибирска сообщил радостное известие: в Томске в журнале «Начало века» напечатали Витину подборку стихов. Это для нас сюрприз. Приятно, что его помнят в родном городе.

9 ноября. Вот и замыкается круг нашего пребывания в Погореловке – из зимы в зиму. Утром проснулись – за окном белым-бело. Только следы Дамки, которая каждое утро встречает нас на крыльце и скулит, пока не вынесешь ей что-нибудь вкусненькое. Открываешь дверь, а она на ступеньках сладко потягивается, как будто только что проснулась. На самом деле ночует она дома, у моей сестры, и уже побегала по деревне, где все приезжие балуют эту маленькую ласковую собачку. Скоро приезжих не останется, сядет Дамка на голодный паёк. Она так жалобно скулит, когда мы уезжаем.

11 ноября. Затопили русскую печку – второй раз за сезон. Смотреть на живой огонь – это волшебство! На улице делать уже нечего, всё занесено снегом. А в доме остаётся только вспоминать.

Сегодня вспоминали, как на двух машинах ездили за яблоками в Зубков сад – бывшую барскую усадьбу. Это было в августе, когда здесь жили и Витина дочка с мужем, и внучка Настя, и мой племянник Витька. Молодёжь прекрасно общалась, у них были свои совместные приключения. До сих пор вспоминают, как Витька повёз Юлю с Рустамом на рыбалку: «Вы надолго запомните». И уж запомнили! Поехали ночью, далеко. Сначала им где-то в поле кабан загородил проезд, потом две лисы перебежали дорогу, потом совы, ослепшие от света фар, не двигались с места. А когда они прибыли к пруду, началась такая гроза, что толстые, скрученные молнии били, как им казалось, прямо рядом с машиной.

Я им с собой собирала поесть, мелкие огурчики законсервировала, остались только крупные, я их положила тоже. И вот, трясась от страха, но не желая друг перед другом показать этот страх, они начали лихорадочно хрустеть этими огурцами. Потом рискнули двинуться домой, но не по раскисшей от ливня просёлочной дороге, а куда-то выбрались на шоссе, вкруговую. Они летели на огромной скорости, а молнии били справа и слева, и впереди. Доехали, слава Богу, благополучно, но после смеялись: «Мы узнали самое верное лекарство от страха – это большие огурцы».

Перед Яблочным Спасом Юля возила нас в бывший совхозный сад, но он был совсем пустой, мы нашли там только одно сморщенное яблочко. И вот в это загадочное место, Зубков сад, отправилась целая экспедиция: мы с сестрой, Витька, Юля с Рустамом и Настя. Снарядились соответственно, особенно Витька – сапоги, штормовка, прочные штаны, кепка. Когда-то здесь был большой дом, прекрасный пруд (на остатках его и сейчас живут цапли), яблоневый сад, аллеи. А в настоящее время это настоящие джунгли.

Мы медленно прорывались сквозь заросли, двухметровую крапиву, бурьян. Кто-то падал, кто-то ловил кайф от приключения, кто-то матерился, кто-то предлагал вернуться. До сада мы дошли. Яблоки на огромных, корявых яблонях росли, но очень высоко, а подобраться к ним через бурьян не было никакой возможности. Прилично по времени промучившись, по очереди побрели назад, кто как – по старому маршруту или напрямик, наугад. И вот когда мы вышли к тому месту, где оставили машины, обнаружили яблони, посаженные уже в советское время. Они стояли на просторе, они сплошь были усыпаны плодами!

Короче говоря, дети повезли в Москву свежие и сушёные яблоки, а мы засушили целую наволочку, наварили повидла, бачок яблок замочили – это к Новому году, варили компоты, ели свежие и ещё отборные антоновки оставили тоже к Новому году. Сестра Таня снабдила яблоками в разных видах себя и Вовку, детей и внуков. Вот так!

15 ноября. Мне надо было взять в Алгасовском сельсовете справку о нашем летнем проживании в деревне. А Тане – выписать в Алгасовской больнице рецепт на бесплатные лекарства. До Алгасова мы доехали на попутке, там удачно всё сложилось. И справку я взяла, и отраву от мышей купила. И в сберкассе

получила пенсию, чтобы было на что вернуться в Москву. И положила денежки на телефон Витиному племяннику, который служит в армии. Обрато мы предполагали вернуться пешком. Но пока шли до больницы, нас так продул встречный ветер, так бил в лицо мелкий, колючий снег, что мы забеспокоились. По Алгасову уже находились, а еще десять километров пройти и не простудиться – при Танинной астме и моей лёгкой курточке! Но и тут повезло. Таня выписала рецепт, и сразу наняли машину до дома, прямо от больницы. Витя удивился и обрадовался, что я так быстро вернулась.

Узнали много новостей. Продавщица рассказала, что новый счётчик на электричество ей поставили бесплатно, то есть просто поменяли старый на новый. А нам на днях под угрозой штрафа поменяли в обоих домах счётчики по полторы тысячи каждый. А сестре штраф выписали, который она должна заплатить, чтобы потом опять же поставить счётчик за полторы тысячи.

Ещё слышали разговоры о том, что больницу скоро закроют, оставят только амбулаторию, где сейчас делают евроремонт. И в Алгасово-то проблема доехать, а теперь при любом заболевании попробуй-ка доберись до райцентра. И ещё. По Темяшеву протянули газовую трубу. Обещали всем подвести газ в дома, но стоимость каждой такой услуги – примерно 150 тысяч рублей. Все застонали – ну где брать такие суммы? А сегодня сказали, что мероприятие перенесли на следующий год. И все облегчённо вздохнули: «А-а-а... Ну, значит, ничего не будет. Если до выборов не провели, то потом и подавно». Вот доверие к предвыборным речам!

Голосовать пойдём уже в Лобне. Сейчас смотрим дебаты по телевизору. Как все партии радеют за страну! Вот бы их слова да Богу в уши! А я почему-то не верю политикам, которые всё время талдычат: «Россия, Россия». Впрочем, как и поэтам, которые слишком часто в стихах пишут: «Россия, Рассеюшка». Раньше, встречая незнакомого человека, спрашивали: «Вы чьих будете?» и по ответу уже судили, из какой семьи, из какого рода этот человек. А просто так трезвонить: «Россия» – в этом есть отстранённость, как будто говорят о чужой стране, а не о своей родине.

Я не твержу в стихах: «Россия».
Не будешь ведь родную мать,
Которая тебя взрастила,
Официально называть.
Но вот когда «Откуда вы?» –
В чужой стране незло спросили,
То все сказали: «Из Москвы».
А я сказала: «Из России».

16 ноября. Какой же сегодня день! «Блистающий мир» по Грину! Первый иней этого года, солнце, небо синее, мороз 12 градусов, всё переливается и сверкает. Как это бодрит и вдохновляет!

Мы здоровее стали, чем в последние годы жизни в городе, это заметно по самочувствию. Дневник мой – это так, для памяти, для себя. Как у юннатов дневник наблюдений. Кур у нас больше нет – Витя справился с этим, хотя не буду даже говорить, как он себя при этом чувствовал. Да и я тоже – я же их потом ошипывала и потрошила. Сегодня новый обильный снег скрыл следы нашего злодейства – алые пятна и брызги возле дома. Бахвалова звонила и всё не могла поверить, что он это сделал. Нина Мартынова пишет: "Он же им стихи читал! Ты найми кого-нибудь, а Витю подальше уведи на это время". Но теперь нас не преследует эта жуткая перспектива, всё уже позади.

17 ноября. Настоящая зима! Метёт, сыплет, вьюжит. Милка позвонила с Алтая – по радио «Маяк» читали её рассказ. Кажется, мы порадовались даже больше, чем она. Оксанкиному Витюшке от соцзащиты дали путевку в санаторий, а сопровождающим с ним поехал Серёжка. Вместе им повеселей, и в обиду себя не дадут. Они там не скучают, им всё нравится – бассейн, ванны, массаж, игровая комната, школьные занятия. Кормят вкусно. В первый же день нашли себе друзей. Пусть не только здоровье поправят, но и кругозор расширят. А то ведь Витюшка всё время дома, в четырех стенах. А младшие, девочки двух и четырёх лет, уже заскучали по братикам. Вчера они были у нас – на собственной машине приезжали.

18 ноября. Когда мы весной только приехали в деревню, нас позвали на сорок дней – помянуть Петю Натальина (Петра Сложеникина), умершего мужчину 62 лет. А сегодня хоронили Марусю Волину (Марию Пахомцеву), ей было за 80. Мы вышли на улицу – проводить. И Таня подошла, у нашего дома стояли. С машины, на которой везли гроб, окликнула женщина и протянула три обмахальника – Вите махровое полотенце, а нам с Таней штапельные платки. Так принято. Вот ещё два человека покинули эту землю. А ведь никто здесь уже не родится!

В конце похоронной процессии шли два молодых мужчины. Один из них, увидев Витю, сдёрнул шапку с головы, перекрестился и поклонился ему. Опять приняли Витю за священника, это уж не первый случай. Поколения предков-священников дают о себе знать. Мы с Таней потом смеялись: догонит Гена процессию, ему скажут: «Ты что – с ума сошёл? Ты чего это на Нининого мужа крестился?»

Послезавтра Витька повезёт нас в Москву. Спасибо, Погореловка! Мы тебе кланяемся. До земли.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ... И ОГОРОДАХ

ТАКОЕ ВОТ КИНО

Когда мы приехали в Погореловку, снег уже сошёл, а трава ещё не появилась. Витина дочка Юля, которая подвезла нас до деревни на машине, оглядела серую, унылую землю, вошла в ледяной дом, села на кровать – и заплакала:

– Как бедно!

Обычно она приезжала или в мае, когда всё цветёт и благоухает, или летом, когда в саду много ягод, а на грядках много овощей, или осенью, когда доцветают цветы, есть ещё грибы, а погреб создаёт иллюзию благополучия, или зимой, когда вся серость укрыта снегами. Мы всегда готовимся к приезду гостей – двор подметён, дом натоплен, стол накрыт. В первый раз Юля увидела всю неприкрытую убогость «поместья», ветхость построек, скудность обстановки. Ей не повезло – пришлось посмотреть чёрно-белое кино про нашу яркую, многоцветную жизнь.

ОГОНЬ ПОЛЫХАЛ

Осенью мы уехали, не успев сжечь обрезанные ветки, вырубленные кусты, сухой бурьян. Так и осталась огромная куча на огороде. А по весне говорю мужу:

– Ты иди зажигай, а мы с Юлей сейчас подойдём.

Тут заглянула сестра. Мы с ней поболтали, кофе попили. Уходя, она крикнула с дороги:

– Тебя Витя зовёт.

Я и забыла за разговором, что он ушёл на огород. Подхожу – костёр полыхает, а вокруг горит сухая прошлогодняя трава и муж не успевает тушить её. Я-то сразу поняла всю опасность, кричу:

– Юля, скорей! Сюда!

А та человек городской – ну горит трава, что такого.

Схватила я что под руку попало – какую-то большую тряпку, облила её водой, стала сбивать пламя. Пока в одном месте собью, перейду на другое, а на прежнем месте опять огонь разгорается. И неуклонно движется к сухостю за огородом. Домов запустевших много, вокруг них сухой бурьян. У меня сердце заходится – сейчас полыхнёт по бурьяну до построек, дома налеплены близко, вся деревня сгорит!

Тут уж и муж, и Юля, и я хлещем по пламени, а оно всё не убывает, а разгорается. У меня сердце колотится в горле, глаза дым застилает, чуть сознание не теряю. Но понимаю: надо тушить из последних сил. Сгорит деревня – и мне не жить. Как я обездолю всех, куда им деваться? Останется сгореть в этом пожарище, иначе как жить с такой виной?

Догадались сбивать пламя с краёв, чтобы ему некуда было перекинуться. Били, били, били!...На самой границе с сухим бурьяном огонь мы потушили. Я упала на землю. Лицо полыхало, сердце выскакивало, руки-ноги дрожали. Кое-как дошла до дома, легла. А ночью поняла, что умираю. Так плохо ещё никогда не было. Витя позвал мужа сестры, повезли меня в больницу. Сестра с дороги позвонила сыну в Москву и дочери в соседнее село, та побежала во двор рыдать, чтобы детей не напугать:

– Крёстная умирает!

Её муж пахал в поле, сообщили ему. В общем, поднялась паника. В больнице сделали кардиограмму, померили давление, обкололи уколами, уложили. К утру стало легче, и я попросилась домой. В приёмном покое сидели все – бледный Витя, Юля, сестра с мужем. До этого пожара намечалась поездка в райцентр за курами. И мы все поехали покупать кур. Жизнь продолжалась.

ОТКРЫТИЕ

В середине мая из Москвы позвонила внучка Настя, пообещала приехать в гости с другом. Раньше она бывала здесь только летом, лакомилась малиной, земляникой, арбузами. Поинтересовалась:

– А картошка молодая уже есть?

Муж мой:

– Да ты что, мы её только посадили.

С дороги она позвонила Юле:

– Мам, а помидоры и огурцы у них уже растут?

Та посоветовала купить по дороге.

И вот смотрим в окно – идут! Медленно идут, грядки перед домом разглядывают, и Настя так недоуменно руками разводит. Вошли в дом, Настя первым делом спрашивает:

– А почему в этом году ничего не растёт?

Я говорю:

– Да ведь май-месяц, всё только посадили.

Вот для Насти было открытие! У них-то в городском супермаркете овощи и фрукты растут круглый год!

БЕЗ ВОДЫ...

Обещаю – в городе я буду очень бережно пользоваться водой. Теперь я знаю ей цену. Меня ещё забавляло, когда прошлым летом бабы ругались, кому сколько платить за колонку:

– У тебя гостей полный дом, а платишь только за себя!

– А твой зять каждый день свою машину намывает.

– Молчала бы! Тебе только на одну твою задницу надо ведра два!

Зимой сломалась водонапорная башня. По весне два деревенских колодца вычерпали до дна. Вставали ночью, чтобы набрать хоть полведра для питья. А надо ещё мыться, варить еду, стирать. Престарелые родители звонили детям в город, те приезжали и привозили воду на машинах из соседних сёл. Мы с мужем ездили на мотоблоке к обмелевшей речке, для питья воду кипятили. Тучи ходили над деревней, но проливались где-то в других местах. Соседка вздыхала:

– Вода – к воде. А у нас сушь!

Я злилась на кур, которые лапами опрокидывали тазик с драгоценной влагой. На ягодных кустарниках цвет облетел сразу. Когда, наконец, мастера заварили дыры в башне, народ растерялся: что сначала делать – заполнять ёмкости, мыться, стирать? Некоторые бросились сперва полить цветы, посаженные детьми:

– Они покупали каждый цветочек по пятьсот рублей! Скажут: что ж ты, мать, не сберегла?

Башню до сих пор ещё латают – дыр в ней оказалось немерено. Но вчера вечером пошёл и всю ночь поливал деревню дождь – не безумно хлеставший, а щадящий, тихий и ровный.

И мы ожили!

НЕ ЛЫКОМ ШИТЫ

Муж сестры Володя сломал ногу. В больницу лечь отказался категорически. Позволил только наложить гипс и подписал бумагу об отказе от стационара. Через какое-то время всё-таки пришлось обратиться в больницу – сильно хромал, нога болела.

Доктор удивился:

– Кто тебе гипс снял?

– Зять.

– А он у тебя кем работает?

– Трактористом.

Доктор попался с юмором:

– Ну если вы такие умные, что же заодно и снимок не сделали?

Володя серьёзно ответил:

– Да у нас такой аппаратуры не было.

КЛЁВЫЕ ДЖИНСЫ

Весной одолела нас мошка. Откуда она такая взялась – неизвестно, но хоть на улицу не выходи! Облепляет лицо, шею, руки, заползает в рукава, за воротник. Как ни укутывайся и как ни обвязывайся, всё равно – поработаешь полчаса – и бегом с огорода! Тётя Тоня брюк сроду не носила, а чулки для мошкары – не препятствие. Порылась она в вещах, нашла внучкины джинсы – рваные, линялые,

такие не жалко. Оторвала две штанины по колению, натянула их на ноги – какая-никакая, а защита. Внучка приехала на каникулы, пошла переодеваться, кричит:

– Баб, а где мои джинсы?

Та объяснила, куда они подевались. Внучка чуть не в слёзы:

– Что ты наделала! Эти джинсы были у меня самые клёвые!

СОМНЕНИЕ

Поехали с мужем в райцентр за пенсией. Как всегда, закупали в оптовом магазине продукты на месяц. К прилавку подошла женщина:

– У вас сигареты «Георгий Победоносец» есть?

– Есть.

Продавец подала ей блок сигарет. И вдруг женщина растерялась:

– Ой, а разве можно так сигареты называть? Это же, по-моему, грех. Как же их муж курить будет? Ведь Георгий Победоносец – святой!

Продавцы озадачились:

– В первый раз такой вопрос слышим. Ну возьмите какие-нибудь другие – «Яву», например...

Женщина отмахнулась:

– Муж велел именно эти.

Мы вышли, а женщина всё стояла у прилавка в нерешительности и сомнении.

МЕДОСМОТР

Вчера наших бабок возили на автобусе на медосмотр в сельскую больницу. Они намылись, приоделись, в автобусе сидели важные и гордые оказанным вниманием. Перед этим намаялись. Обычно же в это время все копаются на грядках. А тут руки отпарили и мучились – дел много, а в грязную землю лезть нельзя.

В больнице фельдшер ругалась:

– Кто же это догадался мочу на анализ в литровой бутылке привезти?

А что ругаться, когда некоторые из них до сих пор ни разу в больнице не были! Бабки смеялись над одной такой – топчется, пугается, от инструментов шарахается. От волнения вся красная стала, как помидор, того гляди, удар хватит. А потом уже все в автобус сели, а она всё не выходила и твердила врачам:

- Спасибо большое, большое спасибо!

Видно, благодарила, что после посещения больницы жива осталась.

СТИХИ О ЖЕНСКОЙ ДУШЕ

Юра, наш сосед, рассказал: поехал в Алгасово на базар (сейчас по субботам в соседнем селе роскошные базары, почти как раньше, всё можно купить и со всеми знакомыми повидаться). Там какой-то мужик вокруг себя собрал целую толпу. Юра подошёл полюбопытствовать. Мужик читал стихи. Время от времени он объявлял:

– Стихи о женской душе! Написал Александр Есенин!

И опять читал – много, наизусть. Толпа не расходилась, слушали.

Юра говорит:

– Почему-то Сергея Есенина Александром называл. Наверно, с Пушкиным перепутал. А стихи, похоже, свои. Но хорошие!

Постояв минут десять, Юра собрался уезжать. А толпа возле мужика всё не убывала. Всем ведь интересно: какая она – женская душа?

ЗЕМЛЯ МОЯ

К нам в гости в деревню приехала моя бывшая коллега Наталья с мужем. Раньше они никогда на Тамбовщине не бывали. И вот едут мимо вспаханных полей, Наталья говорит мужу:

– Смотри, Серёж, земля мокрая, а трактор по ней едет – пылит! Как такое может быть?

Она никогда не видела чернозёма и решила, что такой тёмной земля может быть только после дождя.

А у меня от её рассказа сразу гордость в душе: нет больше нигде такой уникальной земли, как наша! Вспомнила, как в детстве на пришкольном участке картошку сажали. Учитель копал лунки, а мы бросали туда картошку. Он приподнял на лопатке влажный, жирный пласт и говорит: «Смотрите, какой у нас чернозём, какая земля! Хоть на хлеб её мажь и ешь!» На всю жизнь запомнила!

МИФОЛОГИЯ СВИНОВОДСТВА

Летом над посадками за деревней летал кукурузник, сыпал какую-то гадость, чтобы на земле ничего не росло. За грибами туда перестали ходить, берёзки почернели. Прослышали, будто там собираются строить огромный свинокомплекс. Известие немедленно стало обрастать слухами и мифами:

– Слышь, там будут выращивать импортных поросят. Они едят в день не больше двух килограммов, а растут как на дрожжах. Когда их везли, несколько поросят подохли. А за них же отчитываться надо, не выбросишь! Сложили туши в морозильную камеру. А когда сдавали и взвесили для отчёта, выяснилось: каждая тушка стала тяжелее на килограмм! Это чем же их кормили, что они и после смерти в морозильнике подросли?

– Да, а бельё теперь уже на улице сушить нельзя будет!

– А мы только для внуков комнаты пристроили, неужели придётся уезжать?

Между тем, в соседнем селе запретили продавать мясо свиней, выращенных в своих частных хозяйствах. И это уже не миф.

НЕМНОГО О ЛЮБВИ

Мужик шёл на работу и случайно обнаружил припрятанную в кустах бутылку самогонки – молодёжь там по ночам собиралась, вот кто-то и припас для разогрева. Жена ждёт мужика с работы, а его всё нет. Пошла на поиски. А тут и он, уже тёпленький. Понимает, что провинился. Наломал сирени, вручил жене.

И вот он, спотыкаясь, идёт впереди, жена с букетом сирени его сзади подгоняет. Он поворачивается, и, намекая на подаренный букет и возможное прощение, задабривает:

– Ты меня любишь?

Жена на всю улицу:

– Ну-ка, марш домой! Устроил мне тут ромашку: любит – не любит!

НАДО ПАРУ КАРАСЮ

Поехали на рыбалку на пруд, муж сестры Володя взял с собой внуков. Ветер поднялся, дети уже замёрзли и проголодались, да и нам надоело сидеть, а рыба всё не клюёт. Володя поймал одного карася, мой муж – совсем маленького карасика. Володя посылает мальчишек к нам:

– Идите к Петрову, принесите подружку нашему карасю.

Мальчишки подбежали, посмотрели в ведёрко и побежали обратно к деду.

Он спрашивает:

– Ну чего, принесли карасю подружку?

– Не, дед, она ещё малолетняя.

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Случайно я попала в райцентре в компанию местных богачей – меня, как я потом поняла, пригласили в один дом, чтобы познакомить хозяев и их гостей с «живой поэтессой». Надо было поддерживать разговор, но первый же вопрос одной дамы поверг меня в ступор. Я, конечно, не ожидала, что компанию будут интересоваться столичные поэты и новости литературы. Но предполагала, что не миновать темы политики, торговли и светских тусовок. А меня спросили:

– Какими духами пахнет сейчас на Тверской? Какие ароматы модны в этом сезоне?

Вот он – главный вопрос современной жизни райцентра!

ХОРОШ!

Идёт пьяный мужик по деревне, качается из стороны в сторону. Баба одна от своего двора посмотрела:

– Ну, Федя, хорош!

И другие бабы глядят, пальцами показывают, смеются:

– Хорош Федя, хорош!

Кое-как мужик дошёл до своего дома. Жена увидела, от калитки стала ругаться:

– Да что ж ты делаешь! Да как же тебе не совестно! Опять нажрался, пьянь такая!

Мужик обиделся:

– Всю деревню прошёл – и все сказали «Федя хорош», а тебе всё никак не угодишь!

ЭТАЛОН КРАСОТЫ

Что бы там ни показывали по телевизору, а в деревне свои принципы, своя мода и свои эталоны. Худышки не приветствуются, хотя летом деревня наполняется длинноногими внучками в шортах. Когда чей-нибудь сын женится, у матери спрашивают:

– Ну а сноха-то у тебя красивая?

Самый одобрительный ответ:

– Хороша, по-олна!

Восхищение и неприкрытый интерес вызвала моя подруга, когда приехала в гости. По параметрам она соответствовала высшей оценке. Бабы с интересом разглядывали её наряд, её монисто на шее:

– А это у тебя что такое?

Та нисколько не смутилась:

– Это медали. Меня муж наградил!

И, показывая монетки, стала перечислять:

– Вот эта – за верность, эта – за кулинарные способности, эта – за экстерьер...

Бабы только качали головами.

Потом, в городе, когда мы, хохоча, рассказали эту историю, кто-то спросил:

– А всё-таки – какая девушка там считается лучшей?

Подруга, не задумываясь, ответила:

– Самая худая из толстых!

ПОД ВЛИЯНИЕМ ЖЕНЫ

Муж моей племянницы пристрастился к рыбалке. Рыбу он привозил, но и голова у него после болела, и ночёвки на берегу реки лишали племянницу возможности подольше побыть вместе с любимым мужем. Он и так-то, особенно в посевные да уборочные, дневал и ночевал в поле.

И однажды, завидев, как муж собирается на рыбалку, она попросила:

– Возьми меня с собой!

Муж от неожиданности растерялся, но быстро нашелся:

– А у тебя удочки нет.

С тем и отбыл. Вскоре племянница засобиравалась в райцентр, мол, надо бы купить новые брюки, а то уже и выйти не в чем.

В очередной раз, завидев, что муж достаёт свое рыболовное снаряжение, жена опять попросилась с ним:

– Ну я всё с ребятишками да с ребятишками, я тоже устаю, ничего больше не вижу. Мне тоже хочется отдохнуть.

– Муж развел руками и, уже заученно, повторил дежурную фразу:

– У тебя удочки нет.

Она тут же взяла табуретку и полезла на шифоньер, ловко достала сверху и торжественно предъявила мужу новенькую удочку.

Он изумился:

– Откуда?

– А помнишь, я в райцентр ездила? Брюк на меня не было, а удочка была, вот я и купила.

Ах, если бы тогда, в первый раз, он предъявил другие аргументы! Например: едут только мужики, что ты там будешь делать, все поодиночке, а я с бабой, неудобно получится, и так далее... Но сейчас крыть было нечем, и он с недовольным видом молча отнес свои снасти в сарай.

Теперь, когда муж заводит разговоры о рыбалке, племянница моя демонстративно лезет на шифоньер, и он примирительно говорит:

– Ну ладно, ладно...

На рыбалку он все же ездит, правда, не так часто и без ночевки, но предварительно бывает очень ласков и предупредителен с женой. И она милостиво отпускает его отдохнуть с друзьями на природе.

ТРЕЗВОСТЬ – НОРМА

Недавно гостила подруга из Москвы, доктор наук, её специализация – русский язык как иностранный. И почему-то разговор зашёл на тему пьянства. Мы с мужем говорим:

– Да где у нас сейчас пьяного найдёшь?

Подруга изумилась:

– Как? А разве в деревне не пьют? Мои студенты из разных стран ставят нам в упрёк, что русская деревня спивается!

Ну не знаю, как в других местах. А у нас в последнее время в деревне практически не осталось пьющих. В праздники или в гостях ещё выпивают, но настоящие запойные повывелись. Одни уже померли, другие сгнули, третьи в завязке. Все точки, где можно было в любое время суток разжиться самогоном, упразднены за ненадобностью. Был такой – казалось, алкоголик в самой что ни на есть последней стадии. Сейчас закодировался, братья ему подарили подержанную машину, он каждый день ездит на ней в соседнее хозяйство на работу. Тут увидела его в райцентре и даже сначала не узнала – выбритый, в костюме, при галстук! А потом уж и не удивилась, когда он проехал домой мимо нашего двора, а на переднем сиденье, рядом с ним – женщина!

ПОМОЩНИЦЫ

Моей сестре позвонил из города сын:

– Мам, как дела, чем занимаешься?

Таня ответила:

– Я варю щи, Анжелка стирает, Анфиска хлеб печёт...

Сын растерялся:

– Какая Анжелка?

Таня засмеялась:

– А, ты не знаешь, это отец так назвал. Анжелка – стиральная машина, Анфиска – хлебопечка, Нюрка – духовка.

Сын долго хохотал, ему понравилось, что всем его подаркам даны женские имена. И не только ему понравилось. Теперь и у дочери в соседнем селе есть такие поименованные помощницы.

ПОЕЗДКА В ГОРОД

Вовке, мужу сестры, позвонил из соседней деревни Канады отец:

– Подработать хочешь? Тут надо одного мужика свозить в областную поликлинику, к главному врачу.

В деревне работы нет, Вовка согласился.

В Тамбове у поликлиники он высадил своего спутника и стал ждать. Потом решил посмотреть, много ли там народу. Вошёл, видит, стоит очередь, в ней его пассажир. Вовка спрашивает:

– Долго тут ещё?

А тот:

– Вы очередь занимали? Встаньте в очередь.

Вовка растерялся, звонит жене:

– Таня, представляешь, он меня не узнал, просил очередь занимать.

Наконец больной вышел, занял своё место в машине и говорит:

– А теперь поедем в филармонию.

Вовка онемел. Нанимался в поликлинику свозить, а тут такое! Опять звонит жене. Та хохочет. Он:

– Чего ты смеёшься, я правду говорю – просит везти в филармонию!

Таня:

– Вов, ну а я-то что могу поделывать?

Вовка говорит больному:

– Я не знаю, как туда ехать, надо у кого-нибудь спросить.

Мимо машины проходил мужчина, Вовка к нему:

– Мужик, выручай! Я из деревни, привёз больного к главному врачу. А он просит теперь его в филармонию везти. Прошу тебя, скажи, что она на ремонте.

Прохожий попался сообразительный, моментально всё понял и стал громко объяснять, что филармония временно не работает, там ремонт.

Ну ничего не поделаешь, поехали домой. Дома Вовка и отцу вставил: «Ты мне кого подсунул?», и всё восклицал: «Чтобы я ещё хоть раз!..»

Самое интересное, что в газете, которую принесли, было напечатано объявление о том, что областная филармония закрыта на ремонт.

ВИШНЁВЫЙ САД

Хоть и засуха опять в этом году, но вишня уродилась. Особенно у Анны. У неё над садом птицы кружили тучами – клевали крупные, сладкие, тёмные вишни, а когда хозяйка выходила в сад, они с шумом взмывали в небо. Анна уже старенькая. Снизу она обобрала деревья, наверх лезть опасно. Стала предлагать соседям:

– Жалко, вишня осыпается, придите, оборвите.

Но соседи уже у отца для себя набрали ведра два, куда больше? Анна пошла к подружке, та руками машет:

– Да как я полезу, у меня диабет. Навернись ещё сверху.

– Я тебе лестницу подержу.

– Нет, и не проси!

Анна нашла выход – взяла и спилила высокое дерево. Обобрала упавшую верхушку, понесла ведро вишни подружке. А та и готовую не взяла, уже успела нарвать в другом месте.

Анна вздохнула:

– Пойду компоты закрывать.

Не сказать, что Погореловка живёт в изобилии, так, растит всего понемножку. И все всё друг другу предлагают:

– Тебе рассада не нужна?

– Давай, я тебе кабачков принесу.

– У тебя огурцы-то пошли? А то возьми у меня.

– Картошку мелкую курам не надо?

– Приходи, я тебе яиц дам, набралось уже много, пропадут.

У меня самой и малина осыпалась неостребованная, и крыжовник не знала куда девать, и много чего рада была бы раздать.

Но, оказывается, никому ничего не нужно.

ДЕГУСТАЦИЯ

Лёня Капрал держит пчёл. Много труда, много продукта, но со сбытом проблемы: в деревне много не продашь, а в городе связей нет. А тут к нему приехали покупатели, трое мужиков. Говорят:

– Прежде чем покупать, надо сперва мёд попробовать.

Лёня повёл их в сарай, открыл четыре фляги:

– Пробуйте из любой.

Один из мужиков выдвинулся вперёд, из всех фляг мёд покушал.

– Ну что, берёте? – спрашивает Лёня.

Мужики говорят:

– Погоди, давай посидим.

Ну посидим так посидим. Через некоторое время мужик, тот, что мёд пробовал, достал маленький приборчик и начал производить какие-то манипуляции. Остальные выжидательно смотрели на него. Наконец он кивнул:

– Всё в порядке.

И покупатели взяли оптом аж две фляги мёду.

Вот ведь до чего русский мужик может додуматься – в качестве дегустатора привезти диабетика! Если бы Лёня химичил – добавлял в мёд сахар, то глюкометр показал бы повышенное содержание сахара в крови. А так и больному не навредили, и продавцу хорошо, и покупатели в уверенности – мёд отличный!

ЧУТЬ-ЧУТЬ ДО ЗИМЫ

А вот это уже очень грустно – всё больше престарелых бабушек остаётся на зиму в деревне. Некуда стало ехать. Раньше дети их забирали в город. Но, кажется, городской квартирный вопрос больно ударил и по деревне. Пока внуки были маленькие, бабушек спать укладывали с ними в одной комнате. А теперь они подросли. Один невесту в дом привёл, другая родила, третьи всю ночь бурлят в интернете... А родители их ещё не успели настолько состариться, чтобы пять месяцев в году спать в одной комнате с деревенской дорогой гостьей. И о расширении жилплощади сейчас приходится забыть – многие без работы или в кредитах, получить или купить новую квартиру нереально.

Да, когда-то в одной избе спали по три-четыре поколения, и детей рожали, и не роптали. Но изменилось время, изменился образ жизни. И как ни горько сознавать, что матери одной плохо зимой в деревне, дети отводят глаза: «Мы тебе

дров привезём», «Вот тебе мобильный телефон. Мы будем звонить каждый день», «Мы будем чаще приезжать, помогать».

Спрашиваю соседку:

– Ты на зиму-то уедешь?

Она уклончиво отвечает:

– Да сколько ещё до той зимы!

А до зимы – совсем чуть-чуть.

МЕЧТА СБЫЛАСЬ!

Перед тем как заснуть муж начал озвучивать планы на лето:

– Заведу гусей, буду их сам пасти...

Я перебила:

– Гусям нужна вода, а у нас в деревне её нет. Речка пересыхает.

– Ну тогда посажу плантацию табака...

– Нет, миленький. Кто её обрабатывать будет? У меня руки болят, мне и огорода хватает.

– Я сам буду обрабатывать.

– Да? А помнишь, ты хотел помочь мне с прополкой? Еле до конца грядки дополз!

Муж обиженно проворчал:

– Уж и помечтать нельзя.

Я засмеялась:

– Так это разве мечты? Какие-то не романтические – гуси, табак... Уж мечтать так мечтать! Вот ты хотел дом высокий, с башенкой наверху, чтобы там у тебя был кабинет, чтобы ты мог сверху озирать окрестности. Ещё ты хотел поставить часовню в деревне. Поездить по области. Речку очистить...

– Да-а! Это хорошо бы! Но тут сам я не справлюсь, надо нанимать людей.

– А что тебе мешает? Это же мечты! Представь, что у нас есть деньги. Ты нанимаешь бригаду рабочих...

– А где они жить будут?

– Построим для них домик. Купим себе машину.

– А у нас же водительских прав нет.

– Наймём шофёра. Да, не забудь, ещё рабочих кормить надо.

Муж оживился:

– Выпишем из Франции повариху! Будет у нас французская кухня.

– А я слышала, что француженки некрасивые. Лучше выписать повара. И ещё – наймём красивого молодого садовника.

– Это почему – красивого, молодого? – насторожился муж.

– Ну как почему? У нас будут расти вокруг красивые цветы и кустарники, за ними должен ухаживать красивый садовник.

– Ладно, - согласился муж. – Вот будет здорово!

Я начала размышлять:

– Чтобы прокормить такую ораву, наверно, скотину разводить придётся. Тогда ещё скотника нанимать и хлева новые строить.

Муж добавил задумчиво:

– А ведь, наверно, надо будет следить за покупкой стройматериалов, за строительством. Они ещё могут между собой не поладить, придётся разбираться с ними, мирить или увольнять.

– Да, учти, ещё рассчитывать зарплату рабочим. А ещё как-то досуг им обеспечить, следить, чтобы они с деревенскими не ссорились... Хорошо, если непьющие попадутся. Знаешь, я боюсь, и по области покататься не получится. На кого хозяйство оставлять? За всем же нужен глаз да глаз! – я приготовилась добавить ещё какую-нибудь строчку в список обнаруженных проблем.

Муж озадачился:

– А когда же я свою книгу писать буду?

– Это вряд ли получится. Забот столько – успевай поворачиваться! Представляешь, сколько народу будет тут, на усадьбе, мелькать туда-сюда.

– Нет, что-то мне это всё разонравилось. Шум, суета. Я и с деньгами-то обращаться не умею.

– А куда денешься, миленький мой? Придётся.

Муж задумался, а потом решительно сказал:

– Знаешь, ну их! Давай убежим куда-нибудь в тихое место, купим старенький домик и будем там спокойно жить на нашу пенсию. Я буду что-нибудь понемногу строить, чинить, а ты на грядках копать. И будем писать!

Я повернулась к нему, помахала рукой перед его лицом:

– Э-эй, очнись! Куда бежать? Мечта сбылась! Это всё у нас уже есть – старенький домик, пенсия, грядки...

Фу-у-у! – облегченно выдохнул муж, опускаясь на грешную землю. – Так у нас уже есть всё, что нам нужно? Выходит, мы с тобой – счастливые люди!

И мы уснули крепким, здоровым сном счастливых людей.